

Учреждение образования
«Барановичский государственный университет»

Вестник БарГУ

Ежеквартальный научно-практический журнал

Издаётся с марта 2013 г.

Выпуск 7, декабрь, 2019.

Серия «Исторические науки
и археология. Экономические
науки. Юридические науки»

Учредитель: учреждение образования «Барановичский государственный университет».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор журнала Кочурко Василий Иванович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик Белорусской инженерной академии, академик Международной академии технического образования, академик Международной академии наук педагогического образования, академик Академии экономических наук Украины, заслуженный работник образования Республики Беларусь, ректор учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Заместитель главного редактора журнала Климук Владимир Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, проректор по научной работе учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор серии

Познякевич Виктория Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой бухгалтерского учета, анализа, аудита и статистики учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Ответственный секретарь серии

Прудникова Аксана Николаевна, преподаватель кафедры бухгалтерского учета, анализа, аудита и статистики учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Редактор текстов на английском языке

Пинюта Ирина Вячеславовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры профессиональной иноязычной подготовки учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Андрияшко Марина Васильевна (*ответственный за направление «Юридические науки»*), кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры общеправовых дисциплин и государственного управления учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Демидович Анатолий Викторович (*ответственный за направление «Исторические науки и археология»*), кандидат исторических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Короб Александр Николаевич (*ответственный за направление «Экономические науки»*), кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной экономики учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Безуглая Виктория Александровна, кандидат экономических наук, доцент, декан факультета экономики и права учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Биглова Гузель Фатиховна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук» (Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация).

Василевич Григорий Алексеевич, заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь).

Вишневецкий Алексей Фёдорович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (Минск, Республика Беларусь).

Гурский Василий Леонидович, кандидат экономических наук, доцент, заведующий отделом экономики Государственного научного учреждения «Институт жилищно-коммунального хозяйства Национальной академии наук Беларуси» (Минск, Республика Беларусь).

Демичев Дмитрий Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» (Минск, Республика Беларусь).

Житкевич Галина Яковлевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа, аудита и статистики учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Захарченко Людмила Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и логистики учреждения образования «Брестский государственный технический университет» (Брест, Республика Беларусь).

Карев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, директор Центра междисциплинарных исследований диаспор и зарубежного белорусоведения учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (Гродно, Республика Беларусь).

Касич Алла Александровна, доктор экономических наук, профессор Кременчугского национального университета имени Михаила Остроградского (Кременчуг, Украина).

Ключко Римма Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (Гродно, Республика Беларусь).

Козлова Зоя Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Колядко Иван Николаевич, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского процесса и трудового права Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь).

Куган Светлана Федоровна, кандидат экономических наук, доцент, заместитель декана экономического факультета учреждения образования «Брестский государственный технический университет» (Брест, Республика Беларусь).

Кузьменко Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром истории постиндустриального общества Государственного научного учреждения «Институт истории Национальной академии наук Беларуси» (Минск, Республика Беларусь).

Литвинский Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Лосев Владимир Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, ректор учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО» (Минск, Республика Беларусь).

Людвикевич Ольга Николаевна, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой гражданских и уголовно-правовых дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Лютый Анатолий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Беларуси учреждения образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка» (Минск, Республика Беларусь).

Лученок Александр Иванович, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом макроэкономического регулирования и финансовой политики Государственного научного учреждения «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси» (Минск, Республика Беларусь).

Манкевич Ирина Петровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» (Минск, Республика Беларусь).

Матвеек Ярослав Николаевич, доктор юридических наук хабилитированный, уполномоченный ректора Университета в Белостоке по делам сотрудничества с университетами Восточной Европы (Белосток, Польша).

Медведева Гульнара Борангалиевна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории и логистики учреждения образования «Брестский государственный технический университет» (Брест, Республика Беларусь).

Момот Татьяна Валерьевна, доктор экономических наук, профессор Харьковской национальной академии городского хозяйства (Харьков, Украина).

Нечухрин Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей и славянской истории учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (Гродно, Республика Беларусь).

Омельянюк Александр Михайлович, кандидат экономических наук, доцент, первый проректор учреждения образования «Брестский государственный технический университет» (Брест, Республика Беларусь).

Острогляд Александр Васильевич, кандидат юридических наук, доцент, проректор по научной работе частного высшего учебного заведения «Университет Короля Данила» (Ивано-Франковск, Украина).

Солодовников Сергей Юрьевич, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и права Белорусского национального технического университета (Минск, Республика Беларусь).

Таранова Татьяна Сергеевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» (Минск, Республика Беларусь).

Функ Ян Иосифович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь).

Черняк Юрий Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры общеправовых дисциплин и государственного управления учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Шабанов Вячеслав Борисович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь).

Шалаев Владимир Павлович, доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных технологий федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Поволжский государственный технологический университет» (Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Российская Федерация).

Шевлюков Александр Петрович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической информатики, учета и коммерции учреждения образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации» (Гомель, Республика Беларусь).

Шаркова Антонина Васильевна, доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономики организации федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Москва, Российская Федерация).

Яковчик Николай Степанович, доктор экономических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, директор Института повышения квалификации и переподготовки кадров АПК учреждения образования «Белорусский государственный аграрный технический университет» (Минск, Республика Беларусь).

Адрес редакции:
ул. Войкова, 21, 225404 г. Барановичи.
Телефон: +375 (163) 64 34 77.
E-mail: vestnik@barsu.by .

Подписные индексы: 00993 — для индивидуальных подписчиков; 009932 — для организаций.

Свидетельство о регистрации средств массовой информации № 1533 от 30.07.2012, выданное Министерством информации Республики Беларусь.

В соответствии с приказом Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 21 января 2015 г. № 16 научно-практический журнал «Вестник БарГУ» серия «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки» включён в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам и археологии, экономическим наукам, юридическим наукам.

Научно-практический журнал «Вестник БарГУ» включён в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), лицензионный договор № 06-1/2016.

Издатель: учреждение образования «Барановичский государственный университет».

Выходит на русском, белорусском и английском языках.

Журнал распространяется на территории Республики Беларусь.

Заведующий редакционно-издательской группой А. Ю. Сидоренко
Технический редактор А. Ю. Сидоренко
Компьютерная вёрстка С. М. Глушак
Корректор Н. Н. Колодко

Подписано в печать 18.12.2019. Формат 60 × 84 ¹/₈. Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 20,00.
Уч.-изд. л. 14,75. Тираж 75 экз. Заказ

Цена свободная.

Полиграфическое исполнение: Гродненское областное унитарное полиграфическое предприятие «Слонимская типография».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/203 от 07.03.2014, № 2 от 25.02.2014.

Адрес: ул. Хлюпина, 16, 231800 Слоним, Гродненская обл.

© БарГУ, 2019

Установа адукацыі
«Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт»

Веснік БарДУ

Штоквартальны навукова-практычны часопіс

Выдаецца з сакавіка 2013 г. Выпуск 7, снежань, 2019.

Серыя «Гістарычныя навукі
і археалогія. Эканамічныя навукі
Юрыдычныя навукі»

Заснавальнік: установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт».

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар часопіса Качурка Васіль Іванавіч, доктар сельскагаспадарчых навук, прафесар, акадэмік Беларускай інжынернай акадэміі, акадэмік Міжнароднай акадэміі тэхнічнай адукацыі, акадэмік Міжнароднай акадэміі навук педагагічнай адукацыі, акадэмік Акадэміі эканамічных навук Украіны, заслужаны работнік адукацыі Рэспублікі Беларусь, рэктар установы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Намеснік галоўнага рэдактара часопіса Клімук Уладзімір Уладзіміравіч, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, прарэктар па навуковай рабоце ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ СЕРЫІ

Галоўны рэдактар серыі

Пазнякевіч Вікторыя Мікалаеўна, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, загадчык кафедры бухгалтарскага ўліку, аналізу, аўдыту і статыстыкі ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Адказны сакратар серыі

Пруднікава Аксана Мікалаеўна, выкладчык кафедры бухгалтарскага ўліку, аналізу, аўдыту і статыстыкі ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Рэдактар тэкстаў на англійскай мове

Пінюта Ірына Вячаславаўна, кандыдат педагагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры прафесійнай іншамовнай падрыхтоўкі ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Андрыяшка Марына Васільеўна (*адказны за напрамак «Юрыдычныя навукі»*), кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры агульнаправавых дысцыплін і дзяржаўнага кіравання ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Дземідовіч Анатолій Віктаравіч (*адказны за напрамак «Гістарычныя навукі і археалогія»*), кандыдат гістарычных навук, загадчык кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін установы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Кораб Аляксандр Мікалаевіч (*адказны за напрамак «Эканамічныя навукі»*), кандыдат эканамічных навук, дацэнт, загадчык кафедры тэарэтычнай і прыкладной эканомікі ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Бязуглая Вікторыя Аляксандраўна, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, дэкан факультэта эканомікі і права ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Біглова Гузель Фаціхаўна, доктар эканамічных навук, галоўны навуковы супрацоўнік Федэральнай дзяржаўнай бюджэтнай установы навукі «Уфімскі федэральны даследчы цэнтр Расійскай акадэміі навук» (Уфа, Рэспубліка Башкартастан, Расійская Федэрацыя).

Васілевіч Рыгор Аляксеевіч, заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь, доктар юрыдычных навук, прафесар, член-карэспандэнт Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, загадчык кафедры канстытуцыйнага права Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Вішнеўскі Аляксей Фёдаравіч, доктар гістарычных навук, прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права ўстановы адукацыі «Акадэмія Міністэрства ўнутраных спраў Рэспублікі Беларусь» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Гурскі Васіль Леанідавіч, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, загадчык аддзела Дзяржаўнай навуковай установы «Інстытут жыллёва-камунальнай гаспадаркі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Дземічаў Дзмітрый Міхайлавіч, доктар юрыдычных навук, прафесар, загадчык кафедры тэорыі і гісторыі права ўстановы адукацыі «Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Жыткевіч Галіна Якаўлеўна, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры бухгалтарскага ўліку, аналізу, аўдыту і статыстыкі ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Захарчанка Людміла Анатольеўна, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры эканамічнай тэорыі і лагістыкі ўстановы адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт» (Брэст, Рэспубліка Беларусь).

Караў Дзмітрый Уладзіміравіч, доктар гістарычных навук, прафесар, дырэктар Цэнтра міждысцыплінарных даследаванняў дыяспар і замежнага беларусазнаўства ўстановы адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы» (Гродна, Рэспубліка Беларусь).

Ключко Рыма Мікалаеўна, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, загадчык кафедры крымінальнага права, крымінальнага працэсу і крыміналістыкі ўстановы адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы» (Гродна, Рэспубліка Беларусь).

Казлова Зоя Мікалаеўна, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін установы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Калядка Іван Мікалаевіч, кандыдат юрыдычных навук, прафесар, прафесар кафедры грамадзянскага працэсу і працоўнага права Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Касіч Ала Аляксандраўна, доктар эканамічных навук, прафесар Крамянчугскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Міхаіла Астраградскага (Крамянчуг, Украіна).

Куган Святлана Фёдараўна, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, намеснік дэкана эканамічнага факультэта ўстановы адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт» (Брэст, Рэспубліка Беларусь).

Кузьменка Уладзімір Іванавіч, доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык Цэнтра гісторыі постіндустрыяльнага грамадства Дзяржаўнай навуковай установы «Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Літвінскі Аляксандр Уладзіміравіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін установы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Лосеў Уладзімір Уладзіміравіч, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, рэктар установы адукацыі Федэрацыі прафсаюзаў Беларусі «Міжнародны ўніверсітэт «МІТСО»» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Людвікевіч Вольга Мікалаеўна, кандыдат юрыдычных навук, загадчык кафедры грамадзянскіх і крымінальна-прававых дысцыплін установы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Люты Анатоль Міхайлавіч, доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры гісторыі Беларусі ўстановы адукацыі «Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Лучанок Аляксандр Іванавіч, доктар эканамічных навук, прафесар, загадчык аддзела макраэканамічнага рэгулявання і фінансавай палітыкі Дзяржаўнай навуковай установы «Інстытут эканомікі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Манкевіч Ірына Пятроўна, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры грамадзянска-прававых дысцыплін установы адукацыі «Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Матвяхук Яраслаў Мікалаевіч, доктар юрыдычных навук хабілітаваны, упаўнаважаны рэктара Універсітэта ў Беластоку па справах супрацоўніцтва з універсітэтамі Усходняй Еўропы (Беласток, Польшча).

Момат Таццяна Валер'еўна, доктар эканамічных навук, прафесар Харкаўскай нацыянальнай акадэміі гарадской гаспадаркі (Харкаў, Украіна).

Мядзведзева Гульнара Барангаліеўна, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, загадчык кафедры эканамічнай тэорыі і лагістыкі ўстановы адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт» (Брэст, Рэспубліка Беларусь).

Нячухрын Аляксандр Мікалаевіч, доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры ўсеагульнай і славянскай гісторыі ўстановы адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы» (Гродна, Рэспубліка Беларусь).

Амельянюк Аляксандр Міхайлавіч, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, першы прарэктар установы адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт» (Брэст, Рэспубліка Беларусь).

Астрагляд Аляксандр Васільевіч, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, прарэктар па навуковай рабоце прыватнай вышэйшай навучальнай установы «Універсітэт Караля Данііла» (Івана-Франкоўск, Украіна).

Саладоўнік Сяргей Юр'евіч, доктар эканамічных навук, дацэнт, загадчык кафедры эканомікі і права Беларускага нацыянальнага тэхнічнага ўніверсітэта (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Таранава Таццяна Сяргеёўна, доктар юрыдычных навук, прафесар, загадчык кафедры грамадзянска-прававых дысцыплін установы адукацыі «Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Функ Ян Іосіфавіч, доктар юрыдычных навук, прафесар, прафесар кафедры фінансавага права і прававога рэгулявання гаспадарчай дзейнасці Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Чарняк Юрый Вячаслававіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры агульнаправавых дысцыплін і дзяржаўнага кіравання ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Шабанаў Вячаслаў Барысавіч, доктар юрыдычных навук, прафесар, загадчык кафедры крыміналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Шалаеў Уладзімір Паўлавіч, доктар філасофскіх навук, прафесар, дэкан факультэта сацыяльных тэхналогій федэральнай дзяржаўнай бюджэтнай адукацыйнай установы вышэйшай прафесійнай адукацыі «Паволжскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт» (Іашкар-Ала, Рэспубліка Марый Эл, Расійская Федэрацыя).

Шаўлюкоў Аляксандр Пятровіч, доктар эканамічных навук, прафесар, прафесар кафедры эканамічнай інфарматыкі, ўліку і камерцыі ўстановы адукацыі «Беларускі гандлёва-эканамічны ўніверсітэт спажывецкай кааперацыі» (Гомель, Рэспубліка Беларусь).

Шаркова Антаніна Васільеўна, доктар эканамічных навук, загадчык кафедры эканомікі арганізацыі федэральнай дзяржаўнай бюджэтнай адукацыйнай установы вышэйшай адукацыі «Фінансавы ўніверсітэт пры Урадзе Расійскай Федэрацыі» (Масква, Расійская Федэрацыя).

Якаўчык Мікалай Сцяпанавіч, доктар эканамічных навук, доктар сельскагаспадарчых навук, прафесар, дырэктар Інстытута павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў АПК установы адукацыі «Беларускі дзяржаўны аграрны тэхнічны ўніверсітэт» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Адрас рэдакцыі:
вул. Войкава, 21, 225404 г. Баранавічы.
Тэлефон: +375 (163) 64 34 77.
E-mail: vestnik@barsu.by .

Падпісныя індэксы: 00993 — для індывідуальных падпісчыкаў; 009932 — для арганізацый.

Пасведчанне аб рэгістрацыі сродкаў масавай інфармацыі № 1533 ад 30.07.2012, выдадзенае Міністэрствам інфармацыі Рэспублікі Беларусь.

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 21 студзеня 2015 г. № 16 навукова-практычны часопіс «Веснік БарДУ» серыя «Гістарычныя навукі і археалогія. Эканамічныя навукі. Юрыдычныя навукі» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па гістарычных навукі і археалогіі, эканамічных навукі, юрыдычных навукі.

Навукова-практычны часопіс «Веснік БарДУ» ўключаны ў РІНЦ (Расійскі індэкс навуковага цытавання), ліцэнзійны дагавор № 06-01/2016.

Выдавец: установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт».

Выходзіць на рускай, беларускай і англійскай мовах.

Часопіс распаўсюджваецца на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь.

Загадчык рэдакцыйна-выдавецкай групы Г. Ю. Сідарэнка
Тэхнічны рэдактар Г. Ю. Сідарэнка
Камп'ютарная вёрстка С. М. Глушак
Карэктар Н. М. Каладко

Падпісана да друку 18.12.2019. Фармат 60 × 84 ¹/₈. Папера афсетная. Друк лічбавы. Гарнітура Таймс. Ум. друк. арк. 20,00. Ул.-выд. арк. 14,75. Тыраж 75 экз. Заказ .

Кошт свабодны.

Паліграфічнае выкананне: Гродзенскае абласное ўнітарнае паліграфічнае прадпрыемства «Слоніўская тыпаграфія». Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/203 ад 07.03.2014, № 2 ад 25.02.2014.

Адрас: вул. Хлюпіна, 16, 231800 Слонім, Гродзенская вобл.

© БарДУ, 2019

Education institution
“Baranovichi State University”

BarSU Herald

A quarterly scientific-and-practical journal

Published since March 2013

Volume 7, December, 2019

Series “Historical sciences and
archaeology. Economics.
Law”

Promoter: educational institution “Baranovichi State University”.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief Vasily Ivanovich Kochurko, Doctor of Agriculture, Professor, Member of the Belarusian Academy of Engineering, Member of the International Academy of Technical Education, Member of the International Academy of Pedagogical Education, Member of the Academy of Economic Sciences of Ukraine, Distinguished educator of the Republic of Belarus, Rector of the educational institution “Baranovichi State University” (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Deputy Editor-in-Chief Vladimir Vladimirovich Klimuk, Ph. D. in Economic Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for Research of the educational institution “Baranovichi State University” (Baranovichi, the Republic of Belarus).

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES

Series Executive Editor

Victorya Nikolayevna Poznyakevich, Ph. D. in Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Accounting, Analysis, Audit and Statistics of the educational institution “Baranovichi State University” (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Senior Editor

Aksana Nickolayevna Prudnikova, teacher of the Department of Accounting, Analysis, Audit and Statistics of the educational institution “Baranovichi State University” (Baranovichi, the Republic of Belarus).

English Texts Editor

Iryna Vyacheslavovna Piniuta, Ph. D. in Education, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Professional Foreign Language Training of the educational institution “Baranovichi State University” (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Maryna Vasilyevna Andryiashka (*responsible for the topic area “Law”*), Ph. D. in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General Legal Disciplines and Public Administration of the educational institution “Baranovichi State University” (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Anatoliy Viktorovich Demidovich (*responsible for the topic area “Historical Sciences and Archaeology”*), Ph. D. in History, Head of the Department of Social Sciences and Humanities of the educational institution “Baranovichi State University” (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Aleksandr Nikolaevich Korob (*responsible for the topic area “Economic Sciences”*), Ph. D. in Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Economics of the educational institution “Baranovichi State University” (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Victorya Aleksandrovna Bezuglaya, Ph. D. in Economic Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Economics and Law of the educational institution “Baranovichi State University” (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Guzel Fatikhovna Biglova, Dr. of Economics, Chief Researcher of the Federal State Budgetary Institution of Science “Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences” (Ufa, Republic of Bashkortostan, the Russian Federation).

Grigoriy Aleksandrovich Vasilevich, Honored Lawyer of the Republic of Belarus, Dr. of Law, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Constitutional Law of Belarusian State University (Minsk, the Republic of Belarus).

Aleksey Fyodorovich Vishnevskiy, Dr. of History, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the educational institution “Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus” (Minsk, the Republic of Belarus).

Vasily Leonidovich Gurskiy, Ph. D. in Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economics of the State research institution “Institute of Housing and Communal Services of the National Academy of Sciences of Belarus” (Minsk, the Republic of Belarus).

Dmitriy Mihaylovich Demichev, Dr. of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law of the educational institution “Belarusian State Economic University” (Minsk, the Republic of Belarus).

Galina Yakovlevna Zhitkevich, Ph. D. in Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Accounting, Analysis, Audit and Statistics of the educational institution “Baranovichi State University” (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Lyudmila Anatolyevna Zaharchenko, Ph. D. in Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Logistics of the educational institution “Brest State Technical University” (Brest, the Republic of Belarus).

Dmitriy Vladimirovich Karev, Dr. of History, Professor, Director of the Center for Interdisciplinary Studies of Diasporas and Foreign Belarusian Studies of the educational institution “Yanka Kupala State University of Grodno” (Grodno, the Republic of Belarus).

Alla Aleksandrovna Kasich, Dr. of Economic Sciences, Professor of the Kremenchug National University named after M. Ostrogradski (Kremenchug, Ukraine).

Rimma Nikolaevna Klyuchko, Ph. D. in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the educational institution “Yanka Kupala State University of Grodno” (Grodno, the Republic of Belarus).

Zoya Nikolaevna Kozlova, Ph. D. in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Sciences and Humanities of the educational institution “Baranovichi State University” (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Ivan Nikolaevich Kolyadko, Ph. D. in Law, Professor, Professor of the Department of Civil Procedures and Labor Law of the Belarusian State University (Minsk, the Republic of Belarus).

Svetlana Fyodorovna Kugan, Ph. D. in Law, Associate Professor, Vice Dean of the Faculty of Economy of the educational institution “Brest State Technical University” (Brest, the Republic of Belarus).

Vladimir Ivanovich Kuzmenko, Dr. of History, Professor, Head of the Center for History of Post-industrial Society of the State research institution “Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus” (Minsk, the Republic of Belarus).

Aleksandr Vladimirovich Litvinskiy, Ph. D. in History, Associate Professor of the Department of Social Sciences and Humanities of the educational institution “Baranovichi State University” (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Vladimir Vladimirovich Losev, Ph. D. in Law, Associate Professor, Rector of the educational institution of the Federation of Trade Unions of Belarus “International University “MITSO” (Minsk, the Republic of Belarus).

Olga Nikolayevna Lyudvikevich, Ph. D. in Law, Head of the Department of Civil and Criminal Disciplines of the educational institution “Baranovichi State University” (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Anatoliy Mihaylovich Lyutiy, Dr. of History, Professor, Head of the Department of History of Belarus of the educational institution “Belarusian State Pedagogical Maxim Tank University” (Minsk, the Republic of Belarus).

Aleksandr Ivanovich Luchenko, Dr. of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Macroeconomic Regulation and Financial Policy of the State Research Institution “Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus” (Minsk, the Republic of Belarus).

Irina Petrovna Mankevich, Ph. D. in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil and Legal Disciplines of the educational institution “Belarusian State Economic University” (Minsk, the Republic of Belarus).

Yaroslav Nikolaevich Matveyuk, Ph. D. in Law, Authorized Rector of the Belostok University for Cooperation with Universities in Eastern Europe (Belostok, Poland).

Gulnara Borangalieva Medvedeva, Ph. D. in Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economic Theory and Logistics of the educational institution “Brest State Technical University” (Brest, the Republic of Belarus).

Tatyana Valeryevna Momot, Dr. of Economic Sciences, Professor of Kharkov National Academy of Municipal Economy (Kharkov, Ukraine).

Aleksandr Nikolaevich Nechuhryn, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World and Slavic History of the educational institution “Yanka Kupala State University of Grodno” (Grodno, the Republic of Belarus).

Aleksandr Mihaylovich Omelyanyuk, Ph. D. in Economical Sciences, Associate Professor, Vice-Rector of the educational institution “Brest State Technical University” (Brest, the Republic of Belarus).

Aleksandr Vasilievich Ostroglyad, Ph. D. in Law, Associate Professor, Vice-rector for Research of the Private Higher Educational Institution “King Danila University” (Ivano-Frankovsk, Ukraine).

Sergey Yuryevich Solodovnikov, Dr. of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economics and Law of the Belarusian National Technical University (Minsk, the Republic of Belarus).

Tatyana Sergeevna Taranova, Dr. of Law, Professor, Head of the Department of Civil and Law Disciplines of the educational institution “Belarusian State Economic University” (Minsk, the Republic of Belarus).

Yan Iosifovich Funk, Dr. of Law, Professor, Professor of the Department of Financial Law and Legal Regulation of Economic Activities of the Belarusian State University (Minsk, the Republic of Belarus).

Yuriy Vyacheslavovich Chernyak, Ph. D. in History, Associate Professor of the Department of General Legal Disciplines and Public Administration of the educational institution “Baranovichi State University” (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Vyacheslav Borisovich Shabanov, Dr. of Law, Professor, Head of the Department of Criminology of the Belarusian State University (Minsk, the Republic of Belarus).

Vladimir Pavlovich Shalaev, Dr. of Philosophy, Professor, Dean of the Faculty of Social Technologies of the Federal State Budgetary Institution of Higher Professional Education “Volga State University of Technology” (Yoshkar-Ola, the Mari El Republic, the Russian Federation).

Aleksandr Petrovich Shevlyukov, Dr. of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Economic Informatics, Accounting and Commerce of the educational institution “Belarusian Trade and Economic University of Consumer Cooperatives” (Gomel, the Republic of Belarus).

Nikolay Stepanovich Yakovchik, Dr. of Economic Sciences, Dr. of Agricultural Sciences, Professor, Director of the Institute of Advanced Training and Retraining of Personnel of AIC of the educational institution “Belarusian State Agricultural Technical University” (Minsk, the Republic of Belarus).

Editorial address:

21 Voykova Str., 225404 Baranovichi.

Phone: +375 163 64 34 77.

E-mail: vestnik@barsu.by .

Subscription indexes: 00993 — for individual subscribers; 009932 — for companies.

The certificate of the registration of mass media № 1533 of 30.07.2012 issued by the Ministry of Information of Belarus.

In accordance with the order of the board of the Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus on January 21, 2015 № 16 the scientific-and-practical journal “BarSU Herald”, the series “History of science and archaeology. Economics. Laws” was included on the list of the scientific publications of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation research History of science and archaeology, Economics, Laws.

Scientific-and-practical journal “BarSU Herald” is included into RSCI (Russian Science Citation Index), license agreement № 06-01/2016.

Published: educational institution “Baranovichi State University”.

Issued in Russian, Belarusian and English.

The journal is distributed on the territory of the Republic of Belarus.

Managing editor A. Y. Sidorenko

Technical editor A. Y. Sidorenko

Desktop Publishing S. M. Glushak

Proofreader N. N. Kolodko

Signed to print 18.12.2019. Format 60 × 84 ¹/₈. Offset paper. Digital printing. Headset Times. Cond. print. l. 20.00. Acc.-pub. l. 14.75. Circulation: 75 copies. Order .

Free price.

Printing performance: Grodno Regional Printing Unitary Enterprise “Slonim printing establishment”. The state registration certificate of the publisher, manufacturer and publications distributor № 1/203 of 07.03.2014, № 2 of 25.02.2014.

Address: 16 Hlyupin Str., 231800 Slonim, Grodno region.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Белозорович В. А. Вклад В. И. Пичеты в формирование историографии Беларуси	13
Буйновский А. С. Основные оценочные подходы польской историографии начала XXI века к проблеме падения Речи Посполитой	19
Гур А. Н. Влияние философии стоицизма на политическую концепцию Полибия	23
Козловская Н. В. Шляхта Великого княжества Литовского XIV—XVI веков в современной российской историографии: традиции и новые направления исследования	29
Корсаков Д. Г. Российское Общество Красного Креста в белорусских губерниях Российской империи в начале XX века (1900—1914)	38
Котусев Е. Н. Н. Н. Любович: творческий путь в историю полонистики и основная проблематика его исследований	44
Кривошей Д. А. Государственная культурная политика в Беларуси: развитие стратегии (1991—2010)	50
Кручковский Т. Т. Реформация в Польше в оценке русской историографии второй половины XIX — начала XX века	58
Литвинский А. В. Модели этногенеза славян в историографии конца XX — начала XXI века	68

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Биглова Г. Ф., Житкевич Г. Я. Социализация и инновационность экономики: качественная взаимосвязь	80
Климук В. В. Предикторы эффективной коллаборации образовательного, научного и бизнес-секторов в условиях цифровой экономики	86
Короб А. Н. Предпосылки структурных преобразований экономики при оплате населением жилищно-коммунальных услуг	95
Лептюк Д. Н., Строк В. М. Международная образовательная миграция	100
Малеронок В. Н. Сущность и понятие туристического кластера	106
Познякевич В. Н., Житкевич Г. Я. Цифровая трансформация экономики Республики Беларусь: достижения, проблемы, перспективы	112

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Андрияшко М. В. Правовое регулирование отношений по поводу искусственного прерывания беременности в Республике Беларусь	118
Андрощук В. В. Принципы защиты правового статуса Православной церкви в законодательстве Российской империи конца XIX — начала XX века	126
Гончарова Д. А. Публичное обсуждение проектов нормативных правовых актов как способ реализации информационной функции права	131
Кирмель А. Г. Отношение родства как препятствие к заключению брака в Республике Беларусь	136
Петровский Н. А. Метод аналогии в методологии права	142
Прокуда О. Ю. Правовое положение страхователя в отношениях по добровольному медицинскому страхованию	147
Трафимчик И. В., Шуленкова И. В. Исторические аспекты становления восстановительного правосудия по уголовным делам	153

ЗМЕСТ

ГІСТАРЫЧНЫЯ НАВУКІ

Белазаровіч В. А. Уклад У. І. Пічэты ў фарміраванне гістарыяграфіі Беларусі	13
Буйноўскі А. С. Асноўныя ацэначныя падыходы польскай гістарыяграфіі пачатку XXI стагоддзя да праблемы падзення Рэчы Паспалітай	19
Гур А. Н. Уплыў філасофіі стаіцызму на палітычную канцэпцыю Палібія	23
Казлоўская Н. В. Шляхта Вялікага княства Літоўскага XIV—XVI стагоддзяў у сучаснай расійскай гістарыяграфіі: традыцыі і новыя напрамкі даследавання	29
Корсакаў Д. Г. Расійскае Таварыства Чырвонага Крыжа ў беларускіх губернях Расійскай імперыі на пачатку XX стагоддзя (1900—1914)	38
Котусеў Я. М. М. М. Любавіч: творчы шлях у гісторыю паланістыкі і асноўная праблематыка яго даследаванняў ..	44
Крывашэй Д. А. Дзяржаўная культурная палітыка ў Беларусі: развіццё стратэгіі (1991—2010)	50
Кручкоўскі Т. Т. Рэфармацыя ў Польшчы ў ацэнцы рускай гістарыяграфіі другой паловы XIX — пачатку XX стагоддзя	58
Літвінскі А. У. Мадэлі этнагенезу славян у гістарыяграфіі канца XX — пачатку XXI стагоддзя	68

ЭКАНАМІЧНЫЯ НАВУКІ

Біглова Г. Ф., Жыткевіч Г. Я. Сацыялізацыя і інавацыйнасць эканомікі: якасная ўзаемасувязь	80
Клімух У. У. Прэдыктары эфектыўнай калабарацыі адукацыйнага, навуковага і бізнес-сектараў ва ўмовах лічбавай эканомікі	86
Кораб А. М. Перадумовы структурных пераўтварэнняў эканомікі пры аплаце насельніцтвам жыллёва-камунальных паслуг	95
Ляпцюк Д. М., Строк В. М. Міжнародная адукацыйная міграцыя	100
Маляронак В. М. Сутнасць і паняцце турыстычнага кластара	106
Жыткевіч Г. Я., Пазнякевіч В. М. Лічбавая трансфармацыя эканомікі Рэспублікі Беларусь: дасягненні, праблемы, перспектывы	112

ЮРЫДЫЧНЫЯ НАВУКІ

Андрыяшка М. В. Прававое рэгуляванне адносін у выпадку штучнага перарывання цяжарнасці ў Рэспубліцы Беларусь	118
Андрашчук В. У. Прынцыпы абароны прававога статусу Праваслаўнай царквы ў заканадаўстве Расійскай імперыі канца XIX — пачатку XX стагоддзя	126
Ганчарова Д. А. Публічнае абмеркаванне праектаў нарматыўных прававых актаў як спосаб рэалізацыі інфармацыйнай функцыі правы	131
Кірмель А. Г. Адносіны сваяцкасці як перашкода да заключэння шлюбу ў Рэспубліцы Беларусь	136
Пятроўскі Н. А. Метад аналогіі ў метадалогіі права	142
Пракуда В. Ю. Прававое становішча страхавальніка ў адносінах па добраахвотным медыцынскім страхаванні	147
Трафімчык І. В., Шулянкова І. В. Гістарычныя аспекты станаўлення аднаўленчага правасуддзя па крымінальных справах	153

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Belazarovich V. A. V. I. Picheta's contribution to the formation of the historiography of Belarus	13
Buinouski A. S. The main evaluation approaches of polish historiography of the early XXI century to the problem of the Polish-Lithuanian commonwealth fall	19
Gur A. N. The influence of the philosophy of stoicism on the Polybius conception	23
Kazlouskaya N. V. The nobility of the Grand duchy of Lithuania in XIV—XVI centuries in modern Russian historiography: traditions and new directions of research	29
Korsakov D. G. Russian Red Cross Society in the Belarusian provinces of the Russian empire at the beginning of the XX century (1900—1914)	38
Kotusev E. N. N. N. Lubovich: a creative way to the history of polonistics and the basic problem of his researches	44
Kryvoshei S. D. State cultural policy in Belarus: the strategy development (1991—2010)	50
Kruczkowski T. T. The reformation in Poland in the assessment of Russian historiography of the second half of the 19th — early 20th century	58
Litvinski A. V. Slavic ethnogenesis models in historiography of the end XX — early XXI century	68

ECONOMICS

Biglova G. F., Zhitkevich G. Ya. Socialization and innovation of economy: qualitative interrelation	80
Klimuk V. V. Predictors of effective collaboration of the educational, scientific and business sectors in terms of digital economy	86
Korob A. N. Preconditions of structural transformations of the economy when paying housing and communal services by the population	95
Leptyuk D. N., Strok V. M. International educational migration	100
Maliaronak V. N. Essence and concept of tourism clustering	106
Poznyakevich V. N., Zhitkevich G. Ya. Digital transformation of the economy of the Republic of Belarus: achievements, problems, prospects	112

LAW

Andriyashka M. V. Legal regulation of relations on the artificial interruption of pregnancy in the Republic of Belarus	118
Androshchuk V. V. Principles of protection of the orthodox church legal status in the Russian empire legislation in the late XIX — early XX century	126
Goncharova D. A. Public discussion of draft normative legal acts as a form of implementation of information function of law	131
Kirmel A. G. Relationship as an impediment to marriage in the Republic of Belarus	136
Piatrouski N. A. Method of analogy in the methodology of law	142
Prokuda O. Y. Legal status of the insurant in relations with voluntary medical insurance	147
Trafimchik I. V., Shulenkova I. V. Historical aspects of the establishment of restorative justice in criminal cases	153

УДК 930(476)''19''(054)

В. А. Белозорович

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купаль»,
Министерство образования Республики Беларусь, ул. Ожешко, 22, 230023 Гродно, Республика Беларусь,
+375 (29) 582 54 47, v.belozorovich@grsu.by

ВКЛАД В. И. ПИЧЕТЫ В ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ БЕЛАРУСИ

В статье раскрывается роль известного ученого, общественного деятеля, первого ректора БГУ В. И. Пичеты в формировании историографии Беларуси как отдельного научного направления. Утверждается, что его концептуальное видение процесса становления белорусской истории эволюционировало от методологического плюрализма 1920-х годов к официальной партийной позиции. Проанализированы работы В. И. Пичеты историографического характера как первые в республике исследования по данному направлению развития исторической науки. Сделан вывод о том, что академик является одним из основоположников историографии истории Беларуси.

Ключевые слова: историография; историография истории Беларуси; национальная история; историографическая традиция.

Библиогр.: 5 назв.

V. A. Belazarovich

Yanka Kupala State University of Grodno, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 22 Ozheshko Str., 230023 Grodno, the Republic of Belarus, +375 (29) 582 54 47, v.belozorovich@grsu.by

V. I. PICHETA'S CONTRIBUTION TO THE FORMATION OF THE HISTORIOGRAPHY OF BELARUS

The article reveals the role of the famous scientist, public figure, the first rector of BSU V. I. Picheta in the formation of historiography of Belarus as a separate scientific direction. It is argued that his conceptual vision of the process of formation of the Belarusian history has evolved from the methodological pluralism of the 1920s to the official party-state position. The works by V. I. Picheta of historiographical character as the first national studies in this direction of historical science are analyzed. It is concluded that the academician is one of the founders of historiography of the history of Belarus.

Key words: historiography; historiography of the history of Belarus; national history; historiographical tradition.

Ref.: 5 titles.

Введение. Становление историографии истории Беларуси как самостоятельного научно-направленного относится к 1920-м годам. Этот процесс был органично связан с появлением первых обобщающих работ по белорусской истории («Кароткая гісторыя Беларусі» В. Ю. Ластовского (1910), «Кароткі нарыс гісторыі Беларусі» В. М. Игнатовского (1919)), с организацией первого белорусского университета (БГУ) и первого белорусского научно-исследовательского и культурно-просветительского центра (Институт белорусской культуры). Большой вклад в формирование историографии Беларуси внес первый ректор Белорусского государственного университета В. И. Пичета.

Методология и методы исследования. В историографии ученому уделено достаточно большое внимание. Биографии профессора, его творчеству, общественной деятельности посвящены статьи Э. Г. Иоффе, Е. В. Барановой, М. Ф. Шумейко, О. А. Яновского и др. Отдельно следует отметить кандидатскую диссертацию Э. Г. Иоффе «Пичета В. И. как историк социально-экономического развития Беларуси (XV — первая половина XVII в.)», защищенную в 1975 году по специальности 07.00.09, в которой проанализирован вклад В. И. Пичеты в изучение отечественной истории. Однако роль историка в основании нового научного направления — историографии истории Беларуси — не получила специального освещения в науке. Цель данной статьи заключается в изучении взглядов В. И. Пичеты на историографию Беларуси. Анализ его научных методологических взглядов делится на два периода: относительный плюрализм 1920-х годов и консерватизм 1930—1940-х годов.

Результаты исследования и их обсуждение. В 1922 году в Москве В. И. Пичета издал книгу «Введение в русскую историю (источники и историография)». В ней исследователь определил три региона русской истории: Северо-Восточная Русь, Беларусь и Украина. Документы, касающиеся белорусской истории, по мнению автора, оказались «разбросанными по архивохранилищам и книгоохранилищам России, Украины и Польши». Он выделил четыре центра по сбору и изданию исторических источников, которые функционировали в Российской империи. К ним относились Петербургская, Виленская, Киевская археографические комиссии и Витебский центральный архив [1, с. 24—26].

Согласно В. И. Пичете, сохранилось восемь видов исторических источников. Это «литовско-белорусские летописи», «литовско-белорусские привилеи», «памятники магдебургского права», «областные привилеи», «памятники литовско-белорусского права», «финансово-экономические документы», «документы по истории центрального и провинциального управления», «записки иностранцев» [1, с. 76—85].

Автор затронул проблему историографического изучения Беларуси в XIX — начале XX века. Он проанализировал концептуальное видение истории Беларуси русскими, польскими, украинскими и белорусскими исследователями. Все они представляли собой три исторические школы: киевскую, петербургскую и новую.

По мнению автора, русские историки XIX — начала XX века (Н. Г. Устрялов, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский) «как-то игнорировали белорусскую историю», хотя необходимость ее изучения была очевидна [1, с. 178].

В группу польских исследователей он включил Тадеуша Чацкого, Иосифа Ярошевича, Теодора Нарбута, Игната Даниловича. В. И. Пичета считал, что для объективного исторического анализа им мешала «националистическая точка зрения» [1, с. 179]. Отметим, что в современной белорусской историографии взгляды Т. Чацкого отвечают постулатам так называемой «школы Адама Нарушевича», за Т. Нарбутом закрепилось прозвище «белорусский Карамзин», за Игнатом Даниловичем — «гражданин Великого княжества Литовского».

Далее внимание автора книги было сконцентрировано на «киевской школе» В. Б. Антоновича («пионера в деле изучения литовско-белорусского государства» [1, с. 180]) и М. Ф. Владимирского-Буданова. По мнению историка, в монографии «Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти Ольгерда» (1885) Владимир Бонифатьевич Антонович продемонстрировал критическое отношение к источникам, признание объективности исторического факта, стремление к выявлению закономерностей исторического процесса, важную роль географических условий и природы в формировании специфики исторического пути [1, с. 181].

Ученики профессора Антоновича раскрыли «культурно-историческую физиономию» областей Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ): В. Е. Данилевич — Полоцкой земли до конца XIV века, П. В. Голубковский — Смоленской земли до начала XV века,

М. В. Довнар-Запольский — кривичской и дреговичской земель до конца XII века, А. С. Грушевский — Пинского Полесья до XIV века [1, с. 181].

С представителями киевской государственно-правовой школы В. И. Пичета соотнес историков-юристов М. Ф. Владимирского-Буданова и Ф. И. Леонтовича. В качестве положительного аспекта в исследованиях профессора Владимирского-Буданова он отметил постановку вопроса о культурных взаимоотношениях Польши и Руси. Но критиковал историка за игнорирование социально-экономических условий развития Магдебургского права и за вывод о формировании сословий ВКЛ «как следствия искусственного насаждения польских общественных порядков и отношений» [1, с. 182]. В работах Ф. И. Леонтовича В. И. Пичета подчеркнул «большую эрудицию, превосходное знакомство с источниками». Однако историк анализировал прошлое без учета многофакторности исторического процесса («исторической перспективы») и оценивал политические явления «с формально-юридической точки зрения» [1, с. 183].

Параллельно с киевской исторической школой сложилось западно-русское направление в Петербургской духовной академии. В. И. Пичета считал, что предложенная М. О. Кояловичем концепция не может быть предметом «серьезного научного внимания», поскольку тот «дает волю своему оскорбленному национальному чувству», а «Чтения по истории Западной России» (1864) — прекрасный показатель того, как не нужно изучать исторические явления» [1, с. 184].

Преемник М. О. Кояловича на кафедре гражданской истории профессор П. Н. Жукович, сохраняя основные положения западно-русской школы, продемонстрировал более высокий методологический уровень, чем его учитель. По мнению В. И. Пичеты, историк «является представителем научного реализма, стоит всегда на почве факта и от него отправляется в своих выводах и наблюдениях» [1, с. 185]. На ступеньку выше в методологическом отношении поставлена фигура профессора К. В. Харламповича, в трудах которого «не чувствуется того национализма, который мешал М. О. Кояловичу, а иногда и П. Н. Жуковичу объективно разобраться в исследуемых явлениях» [1, с. 186].

Максимально положительную оценку В. И. Пичета дал трудам своего учителя, профессора, а впоследствии ректора Московского университета М. К. Любавского, благодаря которому «белорусская историография получила значительное движение вперед». М. К. Любавский в противовес московской исторической школе доказывал федеративный характер внутреннего устройства ВКЛ («Литовско-Русского государства»), ввел в научный оборот из Метрики ВКЛ новые исторические источники [1, с. 187]. Для В. И. Пичеты «выводы Любавского всегда точны», потому что «исследователь всегда опирается на источник и никогда не дает больше того, что есть в источнике. Привычка историков слишком субъективно понимать исторический источник чужда Любавскому» [1, с. 188].

Еще одной заслугой М. К. Любавского было то, что под влиянием его трудов сложилась группа историков, избравших предметом исследования социально-экономическую историю. Ее представляли В. И. Пичета, Н. Г. Бережков, В. А. Панов, И. В. Якубовский, М. В. Довнар-Запольский, Ф. В. Клименко, А. С. Грушевский, Н. А. Максимейко, И. А. Малиновский, И. И. Лаппо [1, с. 188—190]. Это весьма спорное суждение автора книги, поскольку М. В. Довнар-Запольский, Ф. В. Клименко, А. С. Грушевский, Н. А. Максимейко, И. А. Малиновский принадлежали к «киевской исторической школе» и имели слабые научные связи с М. К. Любавским.

Весьма поверхностно представлен анализ новой исторической школы. В. И. Пичета включил в нее лишь трех исследователей исторической науки: профессора Белорусского государственного университета Ф. Ф. Турука (за анализ «национального революционного движения белорусов»), народного наркома просвещения БССР В. М. Игнатовского (за «краткий прекрасный очерк истории Белоруссии»), профессора Витебского отделения Московского археологического института А. П. Сапунова (за издание «документов по

истории белорусского края») [1, с. 190—191]. Очевидно игнорирование автором зарубежной (для 1922 года) белорусской историографии, в частности, вклада В. Ю. Ластовского, А. И. Цвикевича и других деятелей национального движения в разработку концепции белорусской истории. Не показана роль М. В. Довнар-Запольского как одного из основоположников отечественной истории. И совсем неправомерно было относить А. П. Сапунова, известного своими западно-русскими взглядами, к новой исторической школе.

В целом в монографии ректора Белорусского государственного университета В. И. Пичеты «Введение в русскую историю (источники и историография)» выделены следующие особенности формирования собственно белорусской исторической науки: медленный характер ее становления (от обобщающих работ к монографической литературе); белорусская историческая школа долгое время была представлена публикацией источников; сильное влияние соседних национальных историографий [1, с. 179].

В 1942 году вышел сборник научных статей «25 лет исторической науке в СССР». В. И. Пичета, в то время находившийся в эвакуации, опубликовал в сборнике статью «История Белоруссии в советской историографии». Историк поставил перед собой задачу продемонстрировать достижения белорусских советских историков в изучении истории Беларуси как результат социалистического строительства в БССР под руководством Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии.

В. И. Пичета отметил отсутствие белорусской исторической науки до Октябрьской революции 1917 года, поскольку «для царской России Белоруссия — это только Северо-западный край». Социалистическая революция создала условия для национального самоопределения белорусов в форме БССР, что содействовало становлению собственно белорусской историографии. Ведь ранее западно-русские и польские историки отсутствие белорусской национальной государственности использовали в качестве аргумента для обоснования тезиса о безысторичности белорусов.

Начало истории Беларуси В. И. Пичета связывал с «восточными славянорусскими предками», которые имели «самостоятельное Полоцкое княжение» [2, с. 179]. Даже в составе ВКЛ — федеративном государстве — белорусские земли сохраняли свою самостоятельность. В досоветский период «буржуазные историки» вопросы истории Беларуси затрагивали косвенно, только в контексте истории Киевской Руси и ВКЛ. Период от Люблинской унии 1569 года до победы Октябрьской революции был совсем не изучен. Поэтому, по мнению Пичеты, советские историки должны преодолеть этот историографический пробел и «восстановить полную картину истории белорусского народа» [2, с. 180].

К тому же перед белорусскими советскими историками встала задача написать «синтетическую историю Беларуси на основе марксистско-ленинской методологии». Реализовать ее можно было бы при наличии широкого круга монографических исследований по основным периодам истории Беларуси. Но из-за их отсутствия «составление научно-объективной истории Белоруссии неизбежно откладывалось».

Член-корреспондент АН СССР попытался раскрыть неудачный процесс создания синтетической истории Беларуси, взяв за точку отсчета свою работу «Гісторыя Беларусі», изданную в 1924 году. Опыт он признал неудачным по причине личной приверженности концепции М. Н. Покровского, недостаточного внимания к вопросам классовой борьбы. Далее В. И. Пичета привел факт подготовки «Нарысаў па гісторыі Беларусі» в 1941 году. Напечатанный тираж книги был уничтожен во время бомбардировок Минска.

Сотрудники Института истории АН БССР И. Ф. Лочмель, А. П. Пьянков, К. М. Поликарпович, Н. М. Никольский под руководством В. И. Пичеты подготовили первую часть учебника по истории Беларуси с древнейших времен до отмены крепостного права для студентов высших учебных заведений. В начале 1940-х годов шла разработка второй части учебника — с 1861 по 1914 год. Однако в 1943 году новым руководителем темы был назначен вице-президент АН

БССР Якуб Колас. В. И. Пичета выступил с протестом: «Я не знаю, кто ее будет разрабатывать, так как здесь надо производить исследования, а специалистов по истории Белоруссии вообще нет... При таком отношении ко мне я предпочту совсем уйти из Академии...» [3].

Это произойдет позднее, а в публикации 1942 года «История Белоруссии в советской историографии» В. И. Пичета не считал необходимым показать роль В. Ю. Ластовского, В. М. Игнатовского, М. В. Довнар-Запольского в разработке «первой истории Белоруссии» [2, с. 181]. Это было невозможно, поскольку в начале 1930-х годов взгляды этих ученых на прошлое белорусского народа были признаны националистическими. Да и сам В. И. Пичета был репрессирован по обвинению одновременно в буржуазном национализме и великодержавном шовинизме. Находясь в ссылке (в Вятке), он направил письмо академику М. Н. Покровскому, в котором уже дистанцировался от дореволюционной историографии: «С Любавским мне не по дороге» [4].

Отдельный аналитический блок статьи «История Белоруссии в советской историографии» посвящен достижениям археологии и археографии Беларуси. В. И. Пичета отметил успехи белорусских советских археологов и привел пример изучения К. М. Поликарповичем первобытной стоянки на реке Сож. В результате было доказано появление человека на территории нашей страны в эпоху палеолита. По мнению Пичеты, археологи найденным вещественным материалом подтвердили «высокий уровень хозяйственного быта» кривичей, дреговичей и радимичей — предков белорусов [2, с. 181]. Тем самым Пичета поддержал концепцию этногенеза белорусов, предложенную М. В. Довнар-Запольским.

Исследователь обратил внимание на процесс публикации исторических документов в БССР. Если ранее, до Октябрьской революции 1917 года, акты, изданные Виленской археографической комиссией, были посвящены «проблеме обострения религиозных отношений» в ВКЛ, то в советское время — социально-экономическим отношениям. Сотрудники Института истории АН БССР в 1934—1935 годах издали «Матэрыялы па гісторыі мануфактуры Беларусі ў часы распада феодалізма» (в 2 томах), в 1936-м — «Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах», а в 1940-м — «Дакумэнты і матэрыялы па гісторыі Беларусі (1772—1903)» [2, с. 182].

Из актуальных вопросов отечественной истории В. И. Пичета выделил следующие проблемы: федеративное устройство ВКЛ (М. К. Любавский, В. И. Пичета); развитие «панско-крепостнического хозяйства» на примере аграрной реформы середины XVI века (В. И. Пичета, К. И. Керножицкий, А. Н. Ясинский); формирование феодального права (В. И. Пичета, Ф. И. Забелло, А. В. Бурдейко, К. Н. Товсталес) [2, с. 183—184].

XVI век был охарактеризован автором как период окончательного оформления феодально-крепостнических отношений, формирования белорусской народности, «значительного развития белорусской феодальной культуры». Очевидно, что историк находился под влиянием концепта «белорусского Ренессанса», как разновидности культуры европейского Возрождения. Много внимания он уделит роли Ф. Скорины в развитии отечественного книгопечатания и литературы. В этом прослеживается расхождение В. И. Пичеты с позицией историка В. К. Щербачова о доминировании в эпоху феодализма культуры господствующих классов [5, с. 163]. Позже, 28 октября 1946 года, на заседании Бюро ЦК КП(б)Б первый секретарь КП(б)Б П. К. Пономаренко обвинил Пичету в идеализации феодального прошлого [3].

Член-корреспондент АН СССР В. И. Пичета в статье «История Белоруссии в советской историографии» назвал три особенности исследования истории белорусского феодального города в отечественной историографии. Во-первых, это изучение городов Восточной Беларуси до получения Магдебургского права (Т. Степанов); во-вторых, исследование отдельных городов XV—XVI веков (А. В. Бурдейко, Ф. И. Забелло, В. Д. Дружичи); в-третьих, роль городского самоуправления [2, с. 185].

В статье «История Белоруссии в советской историографии» В. И. Пичета сосредоточил внимание на особенностях историографии Беларуси периода XIX — начала XX века. Он поддержал положение советской историографии о «воссоединении с братским русским народом» белорусских земель в результате трех разделов Речи Посполитой, определил как народный (отечественный) характер войны 1812 года на территории Беларуси, обосновал польский характер восстания 1830 года [2, с. 186].

Положительно оценены монографии, изданные учениками автора, выпускниками БГУ Д. А. Дудковым и К. И. Керножицким. С позиций марксистско-ленинской методологии он выделил объективные предпосылки перехода к капитализму в Беларуси. В частности, Д. А. Дудков считал значительным удельный вес промышленности в экономической структуре белорусских губерний, что стало «ключом к пониманию революционных событий 1905—1907 годов». Монографии М. В. Довнар-Запольского «Народная гаспадарка Беларусі. 1861—1914 гг.» (1926) В. И. Пичета дал отрицательную оценку: «Эта попытка оказалась покушением с негодными средствами, и во всех отношениях ее надо признать неудовлетворительной» [2, с. 187].

В первой половине 1930-х годов историографический плюрализм сменился монополией советской исторической концепции. Из «научного поля» были удалены еврейская марксистская и белорусская национальная историографии. Сложилась единственно правильная трактовка Октябрьской революции 1917 года. Поэтому В. И. Пичета увидел в большинстве работ, посвященных истории «Великого Октября в Белоруссии», отклонения от официальной концепции. Только И. Ф. Лочмель в книге «Барацьба беларускага народа супраць інтэрвентаў» (1940) «впервые дал историю Великого Октября в Белоруссии на основе марксистско-ленинской методологии» [2, с. 188].

Заключение. В. И. Пичета заложил основу для нового отраслевого направления исторической науки Беларуси — историографии истории Беларуси. Две работы историка свидетельствуют об эволюции исследователя, смене его методологических подходов: отказе от принципов дореволюционной «московской» школы и переходе на платформу марксистско-ленинской историографии. Академик В. И. Пичета впервые в отечественной науке проанализировал процесс становления истории Беларуси как историографического феномена, выделив его особенности.

Список цитируемых источников

1. Пичета, В. И. Введение в русскую историю (источники и историография) / В. И. Пичета. — М. : Наука и просвещение, 1922. — 205 с.
2. Пичета, В. И. История Белоруссии в советской историографии / В. И. Пичета // 25 лет исторической науке в СССР. — Л., 1942. — С. 179—188.
3. Рубальская, Л. Странники и изгнанники / Л. Рублевская // Советская Белоруссия. Беларусь сегодня. — 2017. — № 25333. — 13 окт. — С. 14.
4. В. И. Пичета — М. Н. Покровскому (12 ноября 1931 г.) [Электронный ресурс] // Покровский Михаил Николаевич. — Режим доступа: <http://pokrovsky.newgod.su/archive/sem-pisem-iz-lichnogo-arhiva-akademika-m-n-pokrovskogo/#fnref:6b191c3568a70349d8629490e3be7221:22>. — Дата доступа: 20.09.2018.
5. Шчарбакоў, В. К. Нарыс гісторыі Беларусі / В. К. Шчарбакоў. — Мінск : Выд-ва Беларус. акад. навук, 1934. — Ч. 1. — 240 с.

Поступила в редакцию 09.10.2019

УДК 94(438).07

А. С. Буйновский

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
Министерство образования Республики Беларусь, ул. Ожешко, 22, 230023 Гродно, Республика Беларусь,
+375 (29) 887 14 67, sanya.buinyi@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ОЦЕНОЧНЫЕ ПОДХОДЫ ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА К ПРОБЛЕМЕ ПАДЕНИЯ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

В статье речь идет о падении Речи Посполитой в оценке современной польской историографии, о тех историках, которые занимаются данной проблематикой, о трудах, написанных в этот период, о том, как происходит процесс изучения данного вопроса в современной Польше и его особенностях. Данная статья будет полезна для изучения тем, кто хочет узнать, как после распада Советского союза в 1991 году польская историография отошла от марксистской доктрины в изучении своей истории, чего достигла в последующие годы в изучении вопроса о причинах гибели Речи Посполитой. Можно узнать о позитивных и отрицательных тенденциях в изучении данной проблематики на современном этапе развития польского государства.

Ключевые слова: Речь Посполитая; историография; причины; предпосылки; Республика Польша.

Библиогр.: 9 назв.

A. S. Buinouski

Yanka Kupala State University of Grodno, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 22 Ozheshko Str.,
230023 Grodno, the Republic of Belarus, +375 (29) 887 14 67, sanya.buinyi@mail.ru

THE MAIN EVALUATION APPROACHES OF POLISH HISTORIOGRAPHY OF THE EARLY XXI CENTURY TO THE PROBLEM OF THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH FALL

The article deals with the fall of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the evaluation of contemporary Polish historiography; it is about the historians who are engaged in this problem, their works and how the process of studying this issue is done in modern Poland and its features. This paper will be useful for those who want to learn how after the collapse of the Soviet Union in 1991, Polish historiography moved away from the Marxist doctrine in the study of its history, what achieved in subsequent years in the study of the causes of the Commonwealth fall. The positive and negative trends in the study of this problem at the present stage of the development of the Polish state are revealed in this research.

Key words: Polish-Lithuanian Commonwealth; historiography; reasons; background; Republic of Poland.

Ref.: 9 titles.

Введение. Радикальные общественно-политические перемены «социалистического сотрудничества» в конце 1980-х — начале 1990-х годов не могли не вызвать вновь повышенный интерес исследователей. Польская историография вследствие идеологического влияния СССР характеризовалась тематической односторонностью, избеганием отрицательного в советско-польских отношениях и рассмотрением событий через призму классовой борьбы, польская история изобиловала искажениями и «белыми пятнами». Поэтому после распада СССР и установления в Польше демократического строя польская историография взяла новый курс на новую ориентацию в своем развитии. Для начала польские историки начали переосмысление всего того, что было создано и разработано в период ПНР, началось преодоление односторонности изучения истории, происходившей в первую очередь под влиянием марксистской идеологии. Актуальнейшими были вопросы: в каком направлении двигаться исторической науке, какие проблемы необходимо разрабатывать, на какие вопросы нужно дать ответы? Вследствие

этого вопрос о причинах падения Речи Посполитой в конце XVIII века был несколько отодвинут на второй план, на время перешел из чисто научного в разряд, скорее, риторического вопроса. Однако к началу нового тысячелетия польская историография смогла отойти от идеологического влияния марксизма в науке, перешла к многополярности и синтезу исторического знания, началось изучение новых направлений в истории, ранее не изучавшихся по различным причинам [1].

Методология и методы исследования. Важнейшими источниками, на которые опирался автор при написании работы, являются труды польских историков-исследователей XX — начала XXI века. В процессе работы над темой автор следовал принципам историзма и объективности. В процессе исследования были использованы общенаучные методы: анализ, синтез, обобщение, дедукция, индукция, а также специальные исторические методы — историко-системный, историко-сравнительный. Актуальность данной проблемы связана с неослабевающим интересом к истории государства, на протяжении свыше 200 лет объединявшего предков современных белорусов, поляков, украинцев, литовцев, латышей.

Результаты исследования и их обсуждение. На рубеже 2004—2005 годов в Польше был запущен механизм так называемой «новой исторической политики». Главным ее лозунгом стало возвращение к неоконсервативной национальной идеологии под девизом «Патриотизм завтрашнего дня». Парадоксальным образом суть «завтрашнего патриотизма» свелась к опоре на ценности этнического патриотизма XIX века, к стремлению укоренить модели прошлого без их критического пересмотра, имея в виду подчинить этим моделям и будущие направления исторической науки. Был создан Институт национальной памяти, а также целая научно-образовательная структура, которые занялись пропагандой и закреплением таких моделей [2].

Возникшая на рубеже 2004—2005 годов идея нового одобрительного подхода к польской истории стала одной из попыток свести счеты с собственным прошлым. Это было своего рода продолжением традиции этнического патриотизма. Главными выразителями новых тенденций стали четыре интеллектуала, связанные с консервативным краковским Центром политической мысли: философ и историк идей Марек Чихоцкий, философ Дариуш Карлович, философ и историк идей Дариуш Гавин, а также социолог Здзислав Краснодембский. Единственным профессиональным историком, ставшим выразителем новой исторической политики, был Анджей Новак. Новая историческая политика отличалась тем, что ее сторонники — интеллектуалы, писатели и публицисты — вскоре стали применять собственные идеи на практике в качестве чиновников или неформального интеллектуального обеспечения новой государственной власти. Так интеллектуальный спор перешел в плоскость общественного восприятия истории. История как наука стала важным инструментом политики и существенным фактором, легитимирующим политический уклад 2005—2007 годов [2].

Успехи новой исторической политики в 2004/05—2007 годах показали, что вопреки ожиданиям поляки не расстались с национально-романтическим, героическим мифом о своей истории. В этих условиях лагерь «критически настроенных» политиков и известных профессиональных историков не смог предложить какую-либо альтернативную концепцию представления истории, которую восприняли бы широкие круги общества. Вместо дискуссии произошло размывание позиций. Спор о причинах упадка Речи Посполитой, о биографии (не только политической) президента Леха Валенсы, актуальные дебаты о государствообразующем мифе III Речи Посполитой, продолжающийся (пусть и на втором плане) процесс «исторического утверждения» IV Речи Посполитой и, наконец, постоянные нерациональные прения с соседями показывали, что польская историческая наука все еще находится не в центре спора историков, а в центре идеологической и политической борьбы [2].

Новая историческая политика исходит из утверждения, что уровень патриотизма в Польше слишком низок, а исторические памятные места поляков, которые могли бы стать

фундаментом для новой идентичности и национальной общности, исчезают. Невежество и отсутствие исторической памяти не позволяют пробудить чувство единства нации. Причину этого усматривают в наследии коммунистической исторической пропаганды и (символически) в «жирной черте», исказившей «реальные» соотношения в оценке национальной истории. Наиболее подробно такая точка зрения представлена в работе Дариуша Гавина «От романтического народа к либеральному обществу: поиски новой культурной идентичности в польской политике после 1989 года». Основной тезис этой работы состоит в том, что после 1989 года романтическая модель самовосприятия национальной общности разрушилась. По мнению Гавина, акценты сместились с «народа» на «общество», с «однородного духовного тела» на плюралистическую, неоднородную структуру, в основе которой лежит не духовность, а «насуточные интересы». Следствием этого стало разложение (или, скорее, уничтожение) романтического национального канона, выстраивать который в условиях плюрализма «невозможно и необязательно». Результат описываемого процесса можно охарактеризовать следующим образом: демократизация и либерализация общественной жизни приводят к утрате традиционных национальных ценностей, не предлагая взамен других сплачивающих общество духовных основ, кроме механизмов свободного рынка [3].

По мере развития польского государства и укрепления в восточно-европейском регионе вопрос о причинах упадка Речи Посполитой вновь стал актуальным. Его изучению также способствовало расширение источниковой базы как в связи с открытием многих архивов и обнаружением ранее неизвестных документов, так и сотрудничеством с учеными других стран на международной арене. Однако, несмотря на все это, утверждать, что польская историография значительно продвинулась в изучении данного вопроса, не представляется возможным [4].

Польские историки конца XIX — начала XX века спорили по многим вопросам, но подход к одному из них разделил самых выдающихся исследователей на две школы: краковскую (называемую также пессимистической) и варшавскую (или оптимистическую). Представители обеих школ задавались вопросом о причинах падения I Речи Посполитой в конце XVIII века. По мнению историков краковской школы, решающим фактором здесь оказалась внутренняя слабость государства. Согласно мнению историков варшавской школы, после 1772 года, т. е. после первого раздела, Польша вошла в фазу интенсивной модернизации и пала жертвой ненасытности своих трех соседей: России, Пруссии и Австрии [5, с. 241].

Напоминаем это потому, что после 1918 года, когда начался процесс возрождения государства, историки вновь разделились на тех, кто главным его условием считал международную конъюнктуру, и тех, кто делал упор на предпринимаемые поляками усилия по освобождению. Впрочем, и тогда, и сейчас при рассмотрении данных событий истории Польши велись и все еще ведутся споры о роли и значении двух определяющих факторов: внутреннего и внешнего [6].

Современная польская историография по-прежнему рассматривает причины падения Речи Посполитой через призму внутренних и внешних факторов, предпочтения в ту или иную сторону отдаются исключительно исходя из личных предпочтений ученого, а также в зависимости от политической конъюнктуры. В этом плане современные ученые ничем не отличаются от своих предшественников. Синтез этих двух причин, безусловно, рассматривался в польской историографии, однако лишь в том контексте, что внутренняя слабость и разруха Речи Посполитой значительно ослабили государство, которое тем не менее пало под натиском агрессивных соседей, эти соседи и прекратили существование Речи Посполитой, особенно Россия. Как мы видим, даже объединяя внутренние и внешние факторы в одну систему, все равно в зависимости от личных пристрастий историка предпочтения отдаются либо первому, либо второму аспекту [7, с. 138].

Все же, несмотря на это, хочется отметить, что сегодня в Польше по данной проблематике ведутся исследования, которые помогают расширить точное понимание реальных причин упадка Речи Посполитой. Внутренние и внешние факторы стали рассматриваться более углубленно и дробиться на более точные направления изучения, такие как экономические,

правовые, влияние личностного фактора, международная конъюнктура того времени и т. д. Можно встретить смелые теории отдельных ученых по данному вопросу, например: роль короля Станислава Августа Понятовского в падении Речи Посполитой, влияние международной дипломатии на разделы Речи Посполитой, влияние католической церкви. Можно встретить теории, согласно которым гибель Речи Посполитой была неминуема, и то, в какой форме она состоялась, является отнюдь не худшим сценарием. Политика государства в последние годы была сосредоточена на укрепление именно национального и культурного самосознания, которые позволили польскому государству возродиться спустя столетие, а внешние агрессоры, наоборот, помогли обществу сплотиться. В связи с этим худшим сценарием могло бы стать отсутствие внешней угрозы и в результате отсутствие реформ как государственных, так и общественных, а следовательно, продолжение и углубление внутреннего кризиса, который привел бы к гибели Речи Посполитой изнутри. Однако все эти теории пока изучены мало и не являются приоритетными в польской историографии [8, с. 192].

Также необходимо упомянуть о всемирном кризисе исторической науки, который затронул и польскую историографию, затянувшаяся смена исторической парадигмы в XXI веке тормозит ее дальнейшее развитие [9].

Заключение. Вопрос о причинах падения Речи Посполитой актуален в наши дни и занимает важное место в исторической науке Польши. Однако значительные подвижки в его изучении маловероятны, это очень непростые и болезненные вопросы, поскольку затрагивают основы польского государства, его исторического пути и даже спустя столетия оказывают огромное влияние на политику сегодня. Вероятно, более глубокое изучение национального вопроса в Речи Посполитой, конфессиональной политики государства, роли различных сословий могло бы улучшить наше представление о причинах гибели Речи Посполитой. Однако пока есть опасность, что тайны прошлого могут негативно сказаться на сегодняшнем обществе и политике польского государства, поэтому вряд ли в ближайшее время появятся такие исследования. Также следует учесть и неблагоприятную направленность польско-русских отношений, частое политическое противостояние, приводящее к появлению откровенно конъюнктурных исторических трудов.

Список цитируемых источников

1. Волков, П. Н. Общественно-политическое развитие Польши (1944—1948) в отечественной и польской историографии 90-х годов XX века [Электронный ресурс] / П. Н. Волков. — Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/obschestvenno-politicheskoe-razvitie-polshi-1944-1948-v-otechestvennoy-i-polskoy-istoriografii-90-h-godov-xx-veka> . — Дата доступа: 15.06.2019.
2. Траба, Р. Развитие польской культуры памяти после 1989 года [Электронный ресурс] / Р. Траба. — Режим доступа: <http://kniga.lib-i.ru/26istoriya/103662-1-razvitie-polskoy-kulturi-pamyati-posle-1989-goda-1-robert-traba-robert-traba-prof.php> . — Дата доступа: 15.06.2019.
3. Траба, Р. Польские споры об истории в XXI веке [Электронный ресурс] / Р. Траба. — Режим доступа: http://www.perspektivy.info/book/polskije_sporu_ob_istorii_v_xxi_veke_2010-02-26.htm . — Дата доступа: 15.06.2019.
4. Шиллер-Валицка, И. Мифы и стереотипы: несколько замечаний об истории образования в Царстве Польском в XIX в. [Электронный ресурс] / И. Шиллер-Валицка. — Режим доступа: https://vo.hse.ru/data/2014/10/06/1099963328/2014-3_Schiller-Valicka.pdf . — Дата доступа: 15.06.2019.
5. Cegielski, T. Rozbiory Polski 1772—1793—1795 / T. Cegielski, L. Kędziela. — Warszawa, 1990. — 351 s.
6. Носов, Б. В. Упадок Речи Посполитой и разделы Польши в общественной и исторической мысли европейских стран XVIII — начала XIX вв. [Электронный ресурс] / Б. В. Носов. — Режим доступа: <https://history.wikireading.ru/398803> . — Дата доступа: 15.06.2019.
7. Topolski, J. Wprowadzenie do historii / J. Topolski. — Poznań, 2009. — 164 s.
8. Maternicki, J. Historia i historycy. Studia i szkice historiograficzne / J. Maternicki. — Rzeszów, 2005. — 294 s.
9. Могильницкий, Б. Г. История исторической мысли XX века : курс лекций / Б. Г. Могильницкий. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008.

Поступила в редакцию 26.07.2019

УДК 94(37)

А. Н. Гур

Белорусский государственный университет, Министерство образования Республики Беларусь,
ул. Красноармейская, 6, 220030 Минск, Республика Беларусь, +375 (44) 591 23 41, html1994@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФИИ СТОИЦИЗМА НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ КОНЦЕПЦИЮ ПОЛИБИЯ

Статья посвящена изучению влияния философской школы стоицизма на политическую концепцию «Всеобщей истории» Полибия. Упоминается противоречивость во мнении исследователей относительно времени знакомства историка с элементами этого философского учения. Особое внимание уделяется биологическому подходу к государству, учению о круговороте политических устройств, теории смешанной конституции. Рассматривается государственное устройство Римской республики в рамках политической концепции Полибия. Отмечается влияние морального разложения граждан Рима на будущее всего государства.

Ключевые слова: Полибий; стоицизм; анациклез; государство-организм; смешанная конституция.
Библиогр.: 22 назв.

A. N. Gur

Belarusian State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus,
6 Krasnoarmeyskaya Str., 220030 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (44) 591 23 41, html1994@mail.ru

THE INFLUENCE OF THE PHILOSOPHY OF STOICISM ON THE POLYBIUS CONCEPTION

This article is devoted to the research of the influence of the school of the philosophical stoicism on the political conception “Universal history” by Polybius. The inconsistency in opinion of scientists according the time of the historian’s first meeting with the elements of this philosophical doctrine is mentioned. Special attention is paid to the biological approach to the state, political cycle studies and the theory of mixed constitution. Also, the state system of the Rome republic within the framework of the political conception of Polybius is considered. It is pointed out the influence of moral degradation of the Rome’s citizens on the future of the state.

Key words: Polybius; stoicism; anacyclosis; the state-organism; mixed Constitution.
Ref.: 22 titles.

Введение. На мировоззрение любого историка так или иначе оказывают влияние философские убеждения, которые он стремится донести через свои сочинения. Особенно актуально это для эпохи античности, когда различные философские школы предлагали собственные варианты видения исторической действительности и закономерностей ее развития. Многие древние историки, являющиеся одновременно приверженцами определенных школ, в своих исторических произведениях пытались осмыслить ход развития событий через призму собственных философских убеждений.

Результаты исследования и их обсуждение. Не стал исключением и Полибий, автор «Всеобщей истории». Однако исследователям доподлинно неизвестно, философия какой из античных школ наиболее привлекала историка [1, с. 97]. Сам Полибий не указывает прямо на такую принадлежность. Он также нигде не высказывает даже косвенной симпатии к какой-либо школе, ограничиваясь хвалебными речами в сторону отдельных мыслителей [2, с. 5—6]. Более того, судя по всему, Полибий с иронией воспринимал философов, а в отдельных слу-

чаях даже прибегал к их открытой критике. В тексте «Всеобщей истории» можно найти насмешки Полибия над Афинской академией и ее учением: «Так, иные академики с целью запутать собеседника в расспросах о предметах, по общему мнению, познаваемых или непознаваемых, прибегают к самым причудливым суждениям и уснащают свою речь множеством необыкновенных доводов; так, например, предлагают вопрос: можно ли, находясь в Афинах, обонять запах яиц, которые варятся в Эфесе» [3, с. 66].

Потому философскую принадлежность Полибия можно вычленишь лишь искусственно, на основе косвенных свидетельств. Доподлинно можно утверждать лишь о том, что в словах историка прослеживается влияние сразу нескольких философских школ. Во «Всеобщей истории» мы усматриваем присутствие учения и Аристотеля, и даже высмеянной им академии. Но среди исследователей преобладает убеждение, что наибольшее влияние на Полибия оказала философия Стои.

Прежде всего это проявляется в особенности политической терминологии историка. Полибий в своем сочинении употребляет такие же понятия, которыми пользовались многие философы-стоики эллинистического периода [4, с. 136, 244, 297]. Затем утверждение Полибия о связи возникновения государственности с естественным процессом, который произошел согласно «законам природы», также характерно для стоиков [5, с. 247]. Наконец, приверженность Полибия к стоицизму подтверждается использованием им модели анациклоза — непрерывного круговорота политического устройства в любом государстве [6, с. 119].

Существует две основные версии о времени знакомства Полибия с философией Стои. По одной из высказывавшихся версий, оно произошло в юные годы на родине историка. Как известно, Полибий был уроженцем Мегалополя, крупного греческого полиса и центра Ахейского союза, где находились представители многих философских школ античности. Еще со времен образования союза мыслители предлагали здесь свои способы решения той или иной политической проблемы [7, с. 67]. Авторы нескольких исторических сочинений упоминают имена отдельных философов, которые жили в Мегалополе в III—II веках до н. э. и имели связь с семьей будущего стратега Филопемена, наставника юного Полибия. Так, Павсаний в «Описании Эллады» упоминает: «Говорят, учителями Филопемена, кроме других, были Мегалофан и Экдел, а их самих называют учениками Аркесилая из Питаны» [8, с. 246].

Более убедительной кажется версия о знакомстве Полибия с учением стоиков уже в римский период жизни историка, когда его и многих других наследников должностных лиц Ахейского союза отправили туда в качестве заложников. Историк оказался в городе, куда в 167 году до н. э. после Третьей Македонской войны Луцием Эмилием Павлом была вывезена библиотека македонского царя Персея — огромный кладезь лучших философских трактатов античности [9, с. 174]. Несмотря на то, что Полибий не упоминает об этом событии, сведения о связи римского консула с библиотекой Персея сообщает Плутарх: «Он [Эмилиий Павел] только разрешил сыновьям, большим любителям книг, забрать себе библиотеку царя» [10, с. 324]. В этой связи можно выдвинуть предположение, что Полибий ознакомился с основными идеями стоиков благодаря македонским трактатам, ведь один из сыновей консула — Публий Корнелий Сципион — был хорошим другом и покровителем автора «Всеобщей истории».

В 155 году до н. э. Рим посетило большое посольство, в котором участвовали крупные философы своего времени [11, с. 99]. Благодаря Цицерону, известно об участии в философском посольстве Диогена из Селевкии — видного представителя учения стоицизма: «Я и сам не раз от них слышал, как рады были и они и многие другие первые лица нашего общества, когда афиняне по важнейшим своим делам отправили в сенат послами знаменитейших философов того времени — Карнеада, Критолая и Диогена — и пока послы были в Риме, и сами эти мужи, да и многие другие были постоянными их слушателями» [12, с. 171]. Известно, что их лекции посещал Публий Корнелий Сципион, возможно, вместе с Полибием [11, с. 99].

Наконец, известны тесные связи историка с основателем римского стоицизма Панетием Родосским, прибывшим в столицу по приглашению Публия Корнелия Сципиона. О знакомстве Полибия с известным философом упоминает римский историк I века н. э. Гай Веллей Патеркул: «Ведь Сципион был настолько утонченным ревнителем и почитателем свободных искусств и всех наук, что держал при себе дома и на войне Полибия и Панетия, писателей исключительного дарования» [13, с. 16].

В историографии высказывались даже смелые утверждения о взаимном обучении Панетия и Полибия, когда он познакомил мегалопольца со своим учением, а тот в свою очередь заполнил пробел в историческом образовании философа [14, с. 250—251].

Наиболее сильное влияние философия Стои оказала на политическую концепцию Полибия, которой во «Всеобщей истории» посвящена VI книга, из-за своего содержания прозванная в историографии «политической». Именно здесь тесно переплетены между собой учение о смешанной форме правления, отождествление государства с биологическим организмом, непрерывный круговорот государственных устройств.

Как и любой биологический организм, государство в понимании Полибия проходит определенные стадии развития: «Так как всякое тело, всякое государство и всякое предприятие согласно природе проходят состояние возрастания, потом расцвета и наконец упадка» [15, с. 485]. Другими словами, все эти состояния живого организма поочередно сменяют друг друга, представляя собой замкнутый цикл событий, которые ведут к «старости» и «смерти» государства.

Неотъемлемой частью учения Полибия является представление о непрерывном круговороте государственных устройств, ввиду которого происходит смена одного политического устройства другим, а затем — возвращение к первой. Из этого следует, что развитие государства Полибий рассматривал через призму модели анациклоза (ἀνακύκλωσις) [16, с. 17]. Сам Полибий говорит по этому поводу следующее: «Таков круговорот государственного общежития, таков порядок природы, согласно коему формы правления меняются, переходят одна в другую и снова возвращаются» [15, с. 449].

Первым возникшим государственным устройством Полибий считает монархию: «Слабость побуждает собираться в однородную толпу, — один из людей будет превосходить прочих телесною силою и душевною отвагою. Он-то и будет вождем и владыкой» [15, с. 445].

Кризис монархического устройства историк связывает с появлением другой формы политического устройства — аристократии: «Тогда была совершенно упразднена форма царского и самодержавного управления и вместе с тем получила начало и возникла аристократия» [15, с. 447].

Наконец, при вырождении институтов аристократии на смену ей приходит власть граждан — демократия: «Единственная необманутая надежда, какая остается у граждан, это — на самих себя; к ней-то они и обращаются, изменяя олигархию в демократию и на самих себя возлагая заботы о государстве и охрану его» [15, с. 448].

Ни одну из форм государственного устройства Полибий не считал надежной и способной надолго поддержать жизнедеятельность страны. Монархия, аристократия и демократия неминуемо вырождаются, деградируют и трансформируются, соответственно, в тиранию, олигархию и охлократию.

Политический идеал историка — сочетание в государственном устройстве всех трех «правильных» форм политических институтов одновременно: «...они [писатели], как я полагаю, заблуждаются, ибо несомненно совершеннейшей государственной формой надлежит признавать такую, в которой соединяются особенности всех форм, поименованных выше» [15, с. 443].

Такое сочетание Полибий видит в римских республиканских институтах, в доказательстве преимуществ которых так остро нуждалось само государство. Произведение Полибия в данном случае стало для Римской республики не только оправданием ее завоеваний, но

и еще одним обоснованием преимуществ гражданского и политического устройства римлян перед другими странами с их устройством [17, с. 89].

Сочетание всех вышеуказанных форм власти в государственном устройстве Рима Полибий доказывает следующим образом. Каждую составляющую политического строя римлян он отождествляет с конкретной выделенной им ранее формой власти: «...если мы сосредоточим внимание на власти консулов, государство покажется вполне монархическим и царским, если на сенате — аристократическим, если, наконец, кто-либо примет во внимание только положение народа, он, наверное, признает римское государство демократией» [15, с. 452].

Однако главная мысль здесь заключается не в перечислении основных функций каждой из ветвей римской власти, а в описанных Полибием взаимопроникающих ограничениях, которыми консулат, сенат и комиции связаны между собой. Эти взаимоограничения позволили Риму обеспечить справедливое разделение власти внутри республики и достигнуть идеального баланса между ними [18, с. 210—211].

Консульскую власть (*ύπάτους*) значительно ограничивает экономическая составляющая военного дела, которая остается в компетенции сената: «Ибо, очевидно, легионы нуждаются в непрерывной доставке припасов; между тем помимо сенатского определения не может быть доставлено легионам ни хлеба, ни одежды, ни жалованья; вследствие этого, если бы сенат пожелал вредить и препятствовать, начинания вождей остались бы невыполненными» [15, с. 455].

Ограничение власти консулов народным собранием (*δημος*) Полибий видит в следующем: «Важнее всего то, что консулы обязаны при сложении должности отдавать отчет в своих действиях перед народом» [15, с. 455]. В качестве ограничения власти римского сената (*σύνκλητος*) Полибий указывает непосредственную зависимость тех от реакции народного собрания на решения, принимаемые сенаторами: «Но еще важнее следующее: хотя бы один из народных трибунов высказался против, сенат не только не в силах привести в исполнение свои постановления, он не может устраивать совещания и даже собираться, а трибуны обязаны действовать всегда в угоду народу и прежде всего сообразоваться с его волей» [15, с. 455].

Зависимость народных собраний от сената, по мнению Полибия, заключается во внутреннем экономическом развитии и судеустройстве Римской республики: «По всем этим делам решает сенат, именно: назначить срок уплаты, в случае несчастья облегчить плательщиков, или при несостоятельности совсем освободить от обязательства... Потом — что самое важное — из среды сенаторов избираются судьи в многочисленнейших тяжбах как государственных, так и частных» [15, с. 455].

Вместе с этим Полибий как приверженец философии стоицизма не мог считать Римскую республику и ее государственные учреждения вечными, так как любое государство в конечном итоге должно вступить в фазу гибели. Смешанная форма правления лишь замедлила маятник неминуемого рока, который уже начал раскачиваться над римлянами и их державой.

В связи с этим содержание VI книги «Всеобщей истории» демонстрирует читателю поворот убеждений автора от абсолютной уверенности в совершенстве государственной системы Римского государства к рассмотрению предпосылок морального разложения его граждан. На основании этого в немецкой историографии выдвигалось предположение, что Полибий с течением времени сам видоизменял свою политическую теорию. На это оказывали влияние различные процессы, происходящие внутри Римской республики. Иными словами, в учение о совершенстве политической системы Рима Полибий пытался вставить составляющую своего другого немаловажного элемента — этапов развития государства как биологического организма (в данном случае — начале упадка), что представляет собой неотъемлемый элемент философии стоицизма. Из этого следует, что VI книга создавалась в несколько этапов на протяжении весьма длительного времени [19, с. 8].

Впрочем, у этой теории есть свои оппоненты. Другой немецкий исследователь К. фон Фриц на основе анализа VI книги Полибия утверждает, что автор не создавал текст продолжи-

тельное время и не изменял своим первоначальным убеждениям, как утверждалось в историографии ранее. Некоторую несогласованность отдельных частей «политической» книги К. фон Фриц считает попыткой Полибия объяснить такое сложное явление, как государственное устройство, не одной, а сразу несколькими построенными схемами. При этом немецкий историк убежден, что эти конструкции Полибий позаимствовал у других античных историков и философов (Аристотеля, Платона и пр.), поместив их в свою работу в очень упрощенном виде [20, с. 98—99].

Так или иначе, Полибий сумел обнаружить коррозию морального разложения, которая только начала поражать высшее римское общество. С грустью историк констатирует вопиющие случаи пристрастия к роскоши в среде аристократической молодежи [21, с. 89]. Вспомним полные тревоги слова Марка Порция Катона из «Всеобщей истории», дошедшие до нас в пересказе Афиней: «Триста драхм платили за бочонок сельдей из Понта, а за красивых мальчиков давали больше стоимости полевого участка» [3, с. 366].

Несмотря на то, что между Марком Порцием Катонем и Полибием существовала открытая неприязнь, в вопросе морального разложения римской молодежи их точки зрения, судя по всему, полностью совпадали.

Очевидно, Полибий именно поэтому так пристально задумался о будущем Рима у стен горящего Карфагена, сопровождая консула Публия Корнелия Сципиона Младшего в его военном походе в Африку. Историк был убежден в том, что некогда могущественное государство пунийцев погубили его же граждане вследствие полного морального разложения [3, с. 449]. Потому неслучайно Полибий процитировал строки из «Илиады» Гомера, ставшие для Римской республики мрачным переименованием: «День придет, — и погибнет священная Троя. Погибнет / Вместе с нею Приам и народ копьеносца Приама» [22, с. 86].

Заключение. На политическую концепцию Полибия сильное влияние оказали философские убеждения историка, в частности, идеи стоической школы. Тесное знакомство со стоицизмом внесло в учение Полибия теорию развития любого государства сродни биологическому организму, проходящему определенные стадии развития. Все эти циклы сопровождают определенные политические состояния, соответствующие конкретным формам государственного устройства. И, несмотря на то, что смешанное политическое устройство способно несколько замедлить неминуемый конец державы, цикла гибели не сумеет избежать даже такое могущественное государство, как Римская республика.

Список цитируемых источников

1. *Тыжов, А. Я.* К вопросу о философской принадлежности Полибия / А. Я. Тыжов // Альм. соврем. науки и образования. — 2016. — № 1. — С. 95—98.
2. *Конрад, Н. И.* Полибий и Сыма Цянь / Н. И. Конрад // Вестн. древ. истории. — 1965. — № 4. — С. 3—25.
3. *Полибий.* Всеобщая история : в 2 т. / Полибий ; пер. с древнегреч. Ф. Мищенко ; под ред. А. Лактионовой. — М. : АСТ, 2004. — Т. 2. Кн. XI—XXXIX. — 765 с.
4. *Степанова, А. С.* Философия Стои как феномен эллинистическо-римской культуры / А. С. Степанова. — СПб. : Петрополис, 2012. — 400 с.
5. *Нерсисянц, В. С.* Политические учения Древней Греции / В. С. Нерсисянц. — М. : Наука, 1979. — 264 с.
6. *Лимонов, В. А.* Римский опыт циклического историзма / В. А. Лимонов // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Сер. «История, социология». — 2008. — № 56. — С. 163—173.
7. *Василевский, В. Г.* Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка / В. Г. Василевский. — СПб., 1869. — 330 с.
8. *Павсаний.* Описание Эллады / Павсаний ; пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева ; под ред. Е. В. Никитюк. — СПб. : Алетей, 1996. — Кн. V—X. — 562 с.
9. *Борухович, В. Г.* В мире античных светиков / В. Г. Борухович. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1975. — 224 с.
10. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания : в 3 т. / Плутарх ; пер. с древнегреч. С. П. Маркиша, М. Е. Грабарь-Пассек, С. И. Соболевского. — М. : Изд-во АН СССР, 1961. — Т. 1. — 504 с.

11. Тыжов, А. Я. Полибий в Риме / А. Я. Тыжов // Античная гражданская община. Проблемы социально-политического развития и идеологии / под ред. Э. Д. Фролова. — Л., 1986. — С. 92—100.
12. Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / Марк Туллий Цицерон ; пер. с лат. Ф. А. Петового, И. П. Стрельниковой, М. Л. Гаспарова ; под ред. М. Л. Гаспарова. — М. : Ладомир, 1994. — 475 с.
13. Гай Веллей Патеркул. Римская история / Гай Веллей Патеркул ; пер. с лат. А. И. Немировского, М. Ф. Дашковой. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. — 211 с.
14. Столяров, А. А. Стоя и стоицизм / А. А. Столяров. — М. : Ками Групп, 1995. — 448 с.
15. Полибий. Всеобщая история : в 2 т. / Полибий ; пер. с древнегреч. Ф. Мищенко ; под ред. А. Лактионовой — М. : АСТ, 2004. — Т. 1. Кн. I—X. — 765 с.
16. Сидорович, О. В. Рах Романа во «Всеобщей истории» Полибия / О. В. Сидорович // Новый истор. вестн. — 2001. — № 2. — С. 15—21.
17. Утченко, С. Л. Политические учения Древнего Рима (III—I вв. до н. э.) / С. Л. Утченко. — М. : Наука, 1977. — 257 с.
18. Егоров, А. Б. Античная демократия и римская политическая система (античные и современные политические теории) / А. Б. Егоров // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира / под общ. ред. Э. Д. Флорова. — СПб., 2013. — Вып. 13. — С. 207—226.
19. Meyer, E. Untersuchungen zur Geschichte der Gracchen / E. Meyer. — Halle : Max Niemeyer, 1894. — 46 s.
20. Фриц, К. Теория смешанной конституции античности. Критический анализ политических взглядов Полибия / К. Фриц ; пер. с англ. А. Б. Егорова, Г. А. Лапис. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. — 422 с.
21. Квашнин, В. А. Об одном парадоксе римских законов о роскоши / В. А. Квашнин // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2017. — № 4. — С. 85—96.
22. Гомер. Илиада / Гомер ; пер. с древнегреч. В. Вересаева. — М. : Гослитиздат, 1949. — 555 с.

Поступила в редакцию 30.08.2019

УДК 930(476)

Н. В. Козловская

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
Министерство образования Республики Беларусь, ул. Ожешко, 22,
230023 Гродно, Республика Беларусь, +375 (152) 77 32 57, n.kozlovskaya@grsu.by

ШЛЯХТА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО XIV—XVI ВЕКОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена изучению шляхты Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ) XIV—XVI веков в современной российской историографии. Автором рассмотрены и проанализированы ключевые работы историков (Б. Флоря, М. Лескинен, А. Хорошкевич, М. Бычкова, С. Полехов, М. Дмитриев, В. Янин, А. Горский, А. Кузьмин, С. Думин, А. Дворниченко, А. Филюшкин, А. Кибинь, Л. Аржакова, М. Кром, А. Лобин, Г. Ластовский), определены основные направления исследований. Отмечено, что основными центрами изучения ВКЛ сегодня выступают Институт славяноведения РАН (Москва), Институт российской истории РАН (Москва), Московский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет.

Ключевые слова: шляхта; политическая элита; Великое княжество Литовское; Речь Посполитая; современная российская историография.

Библиогр.: 60 назв.

N. V. Kazlouskaya

Yanka Kupala State University of Grodno, Ministry of Education of the Republic of Belarus,
22 Ozheshko Str., 230023 Grodno, the Republic of Belarus, +375 (152) 77 32 57, n.kozlovskaya@grsu.by

THE NOBILITY OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN XIV—XVI CENTURIES IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY: TRADITIONS AND NEW DIRECTIONS OF RESEARCH

The article is devoted to the study of the nobility of The Grand Duchy of Lithuania in XIV—XVI centuries in modern Russian historiography. The author describes and analyzes the key works of the historians (B. Floria, M. Leskinen, A. Horoshkevich, M. Bychkova, S. Polehov, M. Dmitriev, V. Yanin, A. Gorsky, A. Kuzmin, S. Dumin, A. Dvornichenko, A. Filyushkin, A. Kibic, L. Arzhakova, M. Krom, A. Lobin, H. Lastouski), and the main research directions are presented. It is noted that the main centers to study the Grand Duchy of Lithuania today are the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow), the Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Moscow State University and St Petersburg University.

Key words: nobility; political elite; Grand Duchy of Lithuania; Polish-Lithuanian Commonwealth; modern Russian historiography.

Ref.: 60 titles.

Введение. В данной статье автором предпринята попытка охарактеризовать степень изученности шляхты ВКЛ XIV—XVI веков в современной российской историографии, обозначить научные центры и основные направления исследования.

В 2003 году в рамках международного круглого стола по истории изучения ВКЛ историки Беларуси, России, Польши, Литвы и Украины подвели итоги ее изучения в национальных историографиях. По итогам конференции был издан сборник научных статей, где также представлены обширные библиографические указатели работ современных российских, белорусских, польских, украинских и литовских историков [1].

Отмечая степень изученности истории «правлящей титулованной и нетитулованной элиты Великого княжества Литовского» [2, с. 23], А. Кузьмин приходит к выводу, что данные вопросы находятся «...на стадии определения круга источниковедческих задач и аналитических проблем, которые было бы необходимо решить» [2, с. 23]. Трудности обусловлены отсутствием, с одной стороны, координирующего центра изучения данной проблематики, с другой — «авторитетных историографических обзоров и изданий источников по истории ВКЛ...» [2, с. 23].

А. Филюшкин, резюмируя достижения постсоветской российской историографии истории ВКЛ в целом, обращает внимание на отсутствие фундаментальных исследований и наличие значительного количества «белых пятен», особенно по истории XVII—XVIII веков [3, с. 15].

Изучение истории ВКЛ в российской исторической науке имеет давнюю историографическую традицию и связано с такими именами исследователей XIX — начала XX века, как В. Б. Антонович, М. Ф. Владимирский-Буданов, М. В. Довнар-Запольский, И. И. Лаппо, Ф. И. Леонтович, М. К. Любавский, С. А. Максимейко, И. А. Малиновский.

В советской историографии ключевые вопросы истории шляхты нашли свое отражение в обобщающих исследованиях по истории ВКЛ, Беларуси, Литвы, Польши, в исследованиях по социально-политической и социально-экономической истории, истории международных отношений, истории права, конфессиональной истории, многочисленных научных статьях.

Российская советская историография ВКЛ представлена ставшими уже классическими работами М. Е. Бычковой, М. В. Дмитриева, С. В. Думина, А. А. Зимина, В. Т. Пашуто, И. П. Старостиной, Б. Н. Флори, А. Л. Хорошкевич и др.

Многие традиции, направления исследований, проблематика, заложенные в советское время, были продолжены российскими историками и в постсоветский период. С. В. Думин, характеризуя ВКЛ как «Другая Русь», определил научный интерес российских исследователей к истории ВКЛ «как альтернативный вариант развития государственного строя у восточных славян в период феодализма» [4, с. 121].

Результаты исследования и их обсуждение. Одним из центров изучения ВКЛ является Институт славяноведения РАН.

Крупнейшим специалистом по социально-политической, конфессиональной и культурной истории славян, истории международных отношений XVI—XVII веков является Борис Николаевич Флоря (род. 1937) — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом истории средних веков, профессор кафедры истории России до начала XIX века МГУ. Докторская диссертация «Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII вв.» защищена в 1980 году.

Научные интересы Б. Н. Флори сфокусированы на конфессиональной истории ВКЛ, отношении высших церковных иерархов, представителей политической элиты к церковной унии 1596 года. Другим не менее значимым направлением остается изучение широкого круга вопросов внешнеполитической деятельности Речи Посполитой и Русского государства XVI—XVII веков [5—10].

Б. Н. Флоря выступил автором статей о великих князях литовских в «Православной энциклопедии» [11—14].

Спектр научных интересов Марии Войттовны Лескинен (род. 1970), доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника отдела восточного славянства — история и культура Речи Посполитой XVI—XVII веков, формирование национальных идеологий, этноконфессиональные особенности самосознания поляков и русских [15; 16].

Кандидатская диссертация М. Е. Лескинен «Образ сармата в истории: на пути формирования национального самосознания народов Речи Посполитой во второй половине XVI —

первой половине XVII вв.», посвященная формированию сарматской идеологии, была успешно защищена в 1998 году.

В монографии, изданной в 2002 году, автор раскрывает специфику политических, социальных, экономических институтов Речи Посполитой XVI—XVII веков, характеризует основные проявления сарматской идеологии, особое внимание уделяя отдельному «носителю» данной идеологической доктрины, ее преломлению в глазах современников [17, с. 28].

С институтом связаны последние годы жизни и деятельности Анны Леонидовны Хорошкевич (1931—2017), доктора исторических наук, профессора. Сфера научных интересов А. Л. Хорошкевич многогранна: социально-экономическая и политическая история Восточной Европы XIV—XVI веков, история международных отношений, историография, источниковедение [18—20]. А. Л. Хорошкевич — специалист по Литовской метрике, принимала самое активное участие в подготовке и издании источников по истории ВКЛ.

В Институте российской истории РАН изучением ВКЛ активно занималась Маргарита Евгеньевна Бычкова (1936—2014), доктор исторических наук, профессор, признанный специалист по изучению источников, относящихся к генеалогии привилегированных сословий России и ВКЛ, социально-политической истории княжества [21—24]. Кандидатская диссертация М. Е. Бычковой «Родословные книги XVI—XVII веков как исторический источник» была защищена в 1969 году, в 1975-м — опубликована в виде монографии.

Формированию феодального сословия посвящена монография «Состав класса феодалов России в XVI в.» (1986). Значительное внимание уделено служилым князя — Рюриковичам и Гедиминовичам, их социально-экономическому положению, правам и обязанностям, роли и месту в политической системе формирующегося централизованного Русского государства, единой структуре феодального класса. В 1996 году по данной проблематике М. Е. Бычкова защитила докторскую диссертацию.

Сравнительно-историческим аспектам политической истории ВКЛ и Русского государства, институтам власти, сословной структуре посвящена монография «Русское государство и Великое Княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.: опыт сравнительно-исторического изучения политического строя» (1996) [22].

В коллективном исследовании по истории европейского дворянства М. Е. Бычкова выступила автором статьи по истории шляхты ВКЛ, отмечая, что данный процесс имеет «уникальный характер в истории средневековой Европы» [23, с. 216]. Историк осветила основные сюжеты формирования шляхетского сословия, раскрыла содержание привилегий, закреплявших права и обязанности шляхты, роль и значение служилого землевладения в данном процессе. Охарактеризована сложная структура различных сословных групп феодалов ВКЛ, их отражение в Литовских Статутах, особенности политической культуры, взаимовлияние культурных и религиозных традиций.

Отдельные статьи автора по историографии, источниковедению, генеалогии, геральдике, социально-политической истории были опубликованы в сборнике «Русско-литовская знать XV—XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика» [24].

Молодое поколение российских историков — специалистов по истории ВКЛ XIII—XVI веков, политической элите княжества, истории средневековой Европы — представлено Сергеем Владимировичем Полеховым (род. 1986), кандидатом исторических наук, старшим научным сотрудником Института российской истории РАН [25—29]. Кандидатская диссертация «Внутриполитический кризис в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века» защищена в 2011 году.

Широкая панорама политической жизни княжества, формирование политической элиты, ключевые тенденции развития ВКЛ представлены автором в монографии «Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века» [29].

Появление данного исследования (во многом новаторского и оригинального) в современной российской историографии ВКЛ — знаковое событие. Опираясь на широкий круг источников, С. В. Полехов попытался дать взвешенную оценку событий внутриполитической борьбы в ВКЛ XV века [29, с. 129]. Раскрывая причины событий 1430—1432 годов, историк обращается к анализу основного круга лиц «русской» и «литовской» партий, входивших с состав элитарных групп княжества [29, с. 83]. В монографии дан подробный «ступенчатый» разбор «военно-иерархической пирамиды» привилегированного сословия ВКЛ [29, с. 95]. По мнению автора, состав правящей элиты ВКЛ в своих основных чертах сложился в XIV веке [29, с. 111], а ее роль заключалась в участии в «принятии господаем решений по важнейшим вопросам» [29, с. 114].

В МГУ имени М. В. Ломоносова изучением религиозной жизни ВКЛ, межконфессиональных отношений, историей протестантизма на землях ВКЛ и Речи Посполитой активно занимается Михаил Владимирович Дмитриев (род. 1958) — доктор исторических наук, профессор кафедры истории южных и западных славян, инициатор создания и директор Центра украинистики и белорусистики МГУ [30—33].

Отношения ВКЛ и Новгорода исследует в своих работах Валентин Лаврентьевич Янин (род. 1929) — доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, академик РАН, крупнейший специалист по археологии и источниковедению средневекового Новгорода. В монографии «Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII—XV веков» автор обращается к сюжетам сложных пограничных отношений двух земель, военного и политического сотрудничества, приглашения на службу в Новгород литовских династов [34].

Крупнейшим специалистом в области изучения социально-политической истории периода Средневековья является Антон Анатольевич Горский (род. 1959) — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России до начала XIX века, руководитель Центра источниковедения истории России Института российской истории РАН. Работы А. А. Горского представляют несомненный интерес при изучении ранней истории ВКЛ, складывания территории княжества, генеалогии и династических связей правящих родов [35—37].

Генеалогию военно-служилой знати эпохи Средневековья исследует Андрей Валентинович Кузьмин (род. 1973) — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник федерального государственного бюджетного учреждения «Российская государственная библиотека» (Москва) [38—40]. Тема кандидатской диссертации А. В. Кузьмина — «Титулованная и нетитулованная знать Северо-Восточной Руси XIII — первой четверти XV в. (историко-генеалогическое исследование)» (2013).

В двухтомнике «На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в.» автор рассматривает персональный состав, происхождение, систему династических связей отдельных военно-служилых родов, представителей династии Рюриковичей, утративших княжеские титулы, процесс формирования удельного боярства [39; 40].

Историю татар ВКЛ исследует Станислав Владимирович Думин (род. 1952) — кандидат исторических наук, президент Российской генеалогической федерации, научный сотрудник Государственного исторического музея. С. В. Думин является автором ряда работ по генеалогии и геральдике татарских родов, их социальному и правовому статусу в системе сословных отношений ВКЛ [41; 42].

В Санкт-Петербургском государственном университете историей ВКЛ, русско-литовскими, русско-польскими отношениями XV—XVIII веков, шляхетской проблематикой занимаются А. Ю. Дворниченко, А. И. Филюшкин, А. С. Кибинь, Л. М. Аржакова.

Андрей Юрьевич Дворниченко (род. 1957) — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до XX века [43; 44]. Докторская диссертация историка посвящена истории русских земель XIII—XV веков в составе ВКЛ [44].

В исследовании ученый затрагивает широкий круг вопросов, особое внимание уделено социально-политической истории, собственности и землевладению, государственности ВКЛ. В обширном историографическом обзоре А. Ю. Дворниченко характеризует российскую дореволюционную и советскую историографию, проблемы, дискуссии по проблеме феодализма в ВКЛ в историографической традиции.

Исследователь отмечает, что проблема формирования сословий в ВКЛ является одной из наиболее дискуссионных в историографии [44, с. 144], подчеркивает, что данный процесс был медленным, а грани между сословиями размыты. Специфику сословного строя автор видит, во-первых, в наличии большой семьи, во-вторых, в служилом характере, подчеркивая, что все население княжества являлось служилым [44, с. 148]. По мнению автора, ВКЛ — военно-служилое государство, «...в котором все были свободными и все служили» [44, с. 239], а основной причиной его формирования выступает военный фактор.

Признанным специалистом по истории Средневековья и Нового времени стран Центральной и Восточной Европы, истории международных отношений, в частности Ливонской войны, является Александр Ильич Филюшкин (род. 1970) — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории славянских и балканских стран, выпускающий редактор научного журнала “*Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*” [45—47].

А. И. Филюшкин отличается широтой своих научных интересов. Значительное внимание историк уделяет изучению истории ВКЛ в российской историографии [48; 49]. В последние годы научные интересы автора сосредоточены на истории международных отношений [50; 51].

Алексей Сергеевич Кибинь (род. 1985) — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории славянских и балканских стран — активно занимается изучением периода формирования ВКЛ. Кандидатская диссертация «Верхнее Понеманье в политической, социокультурной и этнической истории славян и балтов VIII—XIII веков» защищена в 2009 году. Истории литовско-русского пограничья посвящена монография «От Ятвязи до Литвы: политические и социокультурные трансформации в бассейне верхнего Немана в X—XIII веках» [52].

К истории ВКЛ в той или иной степени обращается в своих исследованиях Лариса Михайловна Аржакова (род. 1961) — доктор исторических наук, признанный историк-полонист, область научных интересов которой охватывает широкий спектр сюжетов XVI—XIX веков [53; 54].

Литуанистическими исследованиями в Санкт-Петербурге активно занимается Михаил Маркович Кром (род. 1966) — доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории Европейского университета. В 1993 году защитил кандидатскую диссертацию «Западно-русские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в.» [55—57].

Взаимодействию ВКЛ и Русского государства посвящена монография «Меж Русью и Литвой: западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в.» (первое издание — 1995, второе — 2010) [58]. Ключевое внимание М. М. Кром уделяет статусу, экономическому положению и роли князей в системе социальных и русско-литовских пограничных отношений рассматриваемого периода. Историка интересует позиция «украинных» князей [58, с. 43], чьи уделы находились непосредственно на литовско-русском пограничье, и православных («русских») князей ВКЛ [58, с. 119], их участие в мятеже М. Глинского [58, с. 139]. Не менее важный вопрос, по мнению автора: какие факторы оказывали влияние на выбор политических ориентаций и жизненных стратегий представителей княжеских родов ВКЛ. Изменения социально-политической ситуации в ВКЛ, соперничество ВКЛ и Московской Руси за пограничные территории и княжества, серия военных конфликтов на рубеже XV—XVI веков не могли не сказаться на положении удельных и служебных князей.

Анализ прав и обязанностей князей, их имущественного положения, места в государственном управлении позволяет исследователю утверждать, что в рассматриваемый период князья вместе с боярством были активно вовлечены в процесс формирования единого полиэт-

ничного шляхетского сословия [58, с. 134]. Позиции князей в политической системе ВКЛ были достаточно прочными, несмотря на статьи Городельского привилея, которые запрещали некаатоликам занимать высшие должности [58, с. 134—136]. Сословные интересы превалировали над интересами территориальными [58, с. 133], определяя позицию князей в противостоянии ВКЛ и Московского государства [58, с. 138, 153].

Из петербургских исследователей нельзя не отметить Алексея Николаевича Лобина (род. 1977) — кандидата исторических наук, сотрудника Государственного комплекса «Дворец конгрессов» Управления делами Президента Российской Федерации, специалиста по военной истории XVI—XVII веков. В контексте рассматриваемой проблематики интерес представляют его исследования битвы под Оршей, численности и персонального состава армий двух государств [59].

Из региональных центров следует отметить Смоленский государственный университет, где изучением истории ВКЛ занимается Геннадий Альбертович Ластовский — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России. Научные интересы исследователя сосредоточены на социально-политической истории ВКЛ, в частности Смоленского княжества [60].

Заключение. Анализ современной российской историографии истории шляхты ВКЛ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, изучение истории ВКЛ в целом и шляхетства в частности рассредоточено между академическими институтами и университетами. Выделить единый координирующий центр литуанистических исследований сегодня не представляется возможным.

Во-вторых, в проблематике наблюдается явный крен в сторону изучения процесса «собираения земель» ВКЛ и Русским государством, связанных с ними вопросов генеалогии и династических связей Рюриковичей и Гедиминовичей, истории войн и военно-политических конфликтов. Данные сюжеты были характерны как для российской дореволюционной, так и советской историографии ВКЛ. Нельзя утверждать, что современная российская историография осталась «верна традиции» в данном вопросе. Новые источники и походы, видение проблематики позволили более взвешенно подойти к изучению политической истории ВКЛ XIV—XVI веков, расширив спектр рассматриваемых сюжетов.

В-третьих, несмотря на достигнутые результаты, следует признать, что история привилегированного сословия ВКЛ, политические, правовые, экономические, культурные аспекты не нашли должного отражения в трудах современных российских историков. Обзорная статья М. Е. Бычковой, написанная в далеком 1997 году, равно как и монография, носят скорее «программный» характер [22; 23]. Значимыми являются исследования А. Дворниченко, М. Крома, А. Филюшкина, но они затрагивают лишь отдельные аспекты истории шляхты. Концептуальной в плане рассматриваемой проблемы, несомненно, является монография С. Полехова, охватывающая события XV века в ВКЛ [29].

Список цитируемых источников

1. Вялікае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991—2003 гг. = Grand duchy of Lithuania: history of research, 1991—2003 : матэрыялы Міжнар. круглага стала, Гродна, 16—18 мая 2003 г. / Гродз. абл. грамад. аб'яднанне маладых навукоўцаў «ВІТ» ; рэдкал.: С. Б. Каўн (адказ. рэд.) [і інш.]. — Мінск, 2006. — 540 с.
2. Кузьмин, А. В. Российская историография изучения генеалогии белорусской и литовской знати (1990—2003 гг.) / А. В. Кузьмин // Вялікае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991—2003 гг. = Grand duchy of Lithuania: history of research, 1991—2003 : матэрыялы Міжнар. круглага стала, Гродна, 16—18 мая 2003 г. / Гродз. абл. грамад. аб'яднанне маладых навукоўцаў «ВІТ» ; рэдкал.: С. Б. Каўн (адказ. рэд.) [і інш.]. — Мінск, 2006. — С. 17—24.
3. Филюшкин, А. И. Изучение Великого княжества Литовского и Речи Посполитой в российской историографии 1990-х гг.: проблемы, тенденции, перспективы / А. И. Филюшкин // Вялікае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991—2003 гг. = Grand duchy of Lithuania: history of research, 1991—2003 : матэрыялы

Міжнар. круглага стала, Гродна, 16—18 мая 2003 г. / Гродз. абл. грамад. аб'яднанне маладых навукоўцаў «ВІТ» ; рэдкал.: С. Б. Каўн (адказ. рэд.) [і інш.]. — Мінск, 2006. — С. 8—15.

4. *Думин, С. В.* Другая Русь (Великое княжество Литовское) / С. В. Думин // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — нач. XX в. / сост. С. В. Мироненко. — М., 1991. — С. 76—126.

5. *Флоря, Б. Н.* «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян / Б. Н. Флоря // Отечеств. история. — 1992. — № 2. — С. 56—74.

6. *Флоря, Б. Н.* Епископы, православная знать и братства. Вопрос о реформе церкви в последние десятилетия XVI в. / Б. Н. Флоря // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — начале XVII в. / отв. ред. Б. Н. Флоря. — М., 1996. — Ч. I : Брестская уния 1596 г.: исторические причины. — С. 95—116.

7. *Флоря, Б. Н.* Подготовка Брестской унии и политика духовной и светской власти Речи Посполитой / Б. Н. Флоря // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — начале XVII в. / отв. ред. Б. Н. Флоря. — М., 1996. — Ч. I : Брестская уния 1596 г.: исторические причины. — С. 155—168.

8. *Флоря, Б. Н.* Попытка осуществления церковной унии в Великом княжестве Литовском в последней четверти XV — начале XVI века / Б. Н. Флоря // Славяне и их соседи. — М., 1999. — Вып. 7 : Межконфессиональные связи в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVII веках. — С. 40—81.

9. *Флоря, Б. Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество / Б. Н. Флоря. — М. : Индрик, 2005. — 416 с.

10. *Флоря, Б. Н.* Два пути формирования общегосударственной политической элиты (на материале, относящемся к истории Польши XIV в. и Русского государства XV—XVI вв.) / Б. Н. Флоря // Вост. Европа в древности и средневековье. — 2011. — Т. 23. — С. 297—300.

11. *Флоря, Б. Н.* Витовт [Электронный ресурс] / Б. Н. Флоря // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. — М., 2004. — Т. 8. — С. 576—580. — Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/158862.html>. — Дата доступа: 10.08.2019.

12. *Флоря, Б. Н.* Владислав (Ягайло) [Электронный ресурс] / Б. Н. Флоря // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. — М., 2005. — Т. 9. — С. 91—95. — Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/154995.html>. — Дата доступа: 10.08.2019.

13. *Флоря, Б. Н.* Гедимин [Электронный ресурс] / Б. Н. Флоря // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. — М., 2005. — Т. 10. — С. 520—524. — Дата доступа: <http://www.pravenc.ru/text/161885.html>. — Режим доступа: 10.08.2019.

14. *Флоря, Б. Н.* Казимир IV Ягеллончик [Электронный ресурс] / Б. Н. Флоря // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. — М., 2012. — Т. 29. — С. 367—370. — Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/1319876.html>. — Дата доступа: 10.08.2019.

15. *Лескинен, М. В.* Национальный идеал поляка в истории: образ шляхтича-сармата / М. В. Лескинен // Славян. альм. — М., 1998. — С. 256—280.

16. *Лескинен, М. В.* Польский традиционализм и «старопольская» культура. Об интерпретации сарматских обычаев / М. В. Лескинен // Между Москвой, Варшавой и Киевом : сб. ст. к 50-летию проф. М. В. Дмитриева / Центр украинистики и белорусистики МГУ ; сост. и авт. вступ. ст. О. Б. Неменский. — М., 2008. — С. 194—216.

17. *Лескинен, М. В.* Мифы и образы сарматизма: истоки национальной идеологии Речи Посполитой (конец XVI — середина XVII вв.) / М. В. Лескинен. — М. : Ин-т славяноведения РАН, 2002. — 178 с.

18. *Хорошкевич, А. Л.* Великое княжество Литовское / А. Л. Хорошкевич // История Европы: с древнейших времен до наших дней : в 8 т. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории, Ин-т рос. истории, Ин-т славяноведения и балканистики ; редкол.: А. О. Чубарьян (предисл.) [и др.]. — М., 1992. — Т. 2 : Средневековая Европа. — С. 432—437.

19. *Хорошкевич, А. Л.* Куликовская битва и становление национального самосознания русских, украинцев и белорусов / А. Л. Хорошкевич // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси: события, памятники, традиции : тр. Юбилейн. науч. конф. «Дмитрий Донской — государственный деятель, полководец, святой», Тула — Куликово поле, 12—14 окт. 2000 / отв. ред. А. Н. Наумов. — Тула, 2001. — С. 3—78.

20. *Хорошкевич, А. Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века / А. Л. Хорошкевич. — М. : Древлехранилище, 2003. — 620 с.

21. *Бычкова, М. Е.* Великое княжество Литовское / М. Е. Бычкова // История Европы: с древнейших времен до наших дней : в 8 т. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории, Ин-т рос. истории, Ин-т славяноведения и балканистики ; редкол.: А. О. Чубарьян (предисл.) [и др.]. — М., 1993. — Т. 3 : От средневековья к новому времени (конец XV — первая половина XVII в.). — С. 114—117.

22. *Бычкова, М. Е.* Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.: опыт сравнительно-исторического изучения политического строя / М. Е. Бычкова. — М. : ИРИ РАН, 1996. — 176 с.

23. *Бычкова, М. Е.* Формирование правящего класса Великого княжества Литовского в XVI в. / М. Е. Бычкова // Европейское дворянство XVI—XVII вв.: границы сословия / отв. ред. В. А. Ведюшкин. — М., 1997. — С. 216—235.
24. *Бычкова, М. Е.* Русско-литовская знать XV—XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика / М. Е. Бычкова ; сост.: О. И. Хоруженко, Р. Б. Казаков. — М.: Квадрига, 2012. — 368 с.
25. *Полехов, С. В.* К вопросу о причинах государственного переворота в Великом княжестве Литовском в 1432 г. / С. В. Полехов // *Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы* : науч. сб. / редкол.: А. В. Мартынюк, Г. Я. Голенченко (отв. ред.) [и др.]. — Минск, 2008. — Вып. 1. — С. 34—55.
26. *Полехов, С. В.* Государственный переворот 1432 г. в Великом княжестве Литовском / С. В. Полехов // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8 : История*. — 2010. — № 1. — С. 35—48.
27. *Polechow, S.* Przywileje dzielnicowe Wielkiego Księstwa Litewskiego. Stan i perspektywę badań / S. Polechow // *Czasopismo prawnohistoryczne*. — 2014. — Т. LXVI, Zes. 2. — S. 45—65.
28. *Полехов, С. В.* Castrum nostrum Mensko. Из истории династической войны в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века / С. В. Полехов // *Studia historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы* : науч. сб. / редкол.: А. В. Мартынюк, Г. Я. Голенченко (отв. ред.) [и др.]. — Вып. 7. — Минск, 2015. — С. 247—257.
29. *Полехов, С. В.* Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века / С. В. Полехов. — М.: Индрик, 2015. — 712 с.
30. *Дмитриев, М. В.* Концепції унії в церковних і державних колах Речі Посполитої кінця XVI ст. / М. В. Дмитриев // *Історичний контекст, укладення Берестейської унії і перше поунійне покоління : матеріали Перших «Берестейських читань»*, Львів, Івано-Франківськ, 1—6 жовт. 1994 / під ред. Б. Гудзяка. — Львів, 1995. — С. 39—73.
31. *Дмитриев, М. В.* Характер первых контактов православного и католического общества в эпоху Контрреформации / М. В. Дмитриев // *Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — начале XVII в.* / отв. ред. Б. Н. Флоря. — М., 1996. — Ч. I : Брестская уния 1596 г.: исторические причины. — С. 61—84.
32. *Дмитриев, М. В.* Польская шляхта в XVI—XVIII в. / М. В. Дмитриев // *Европейское дворянство XVI—XVII вв.: границы сословия* / отв. ред. В. А. Ведюшкин. — М., 1997. — С. 192—215.
33. *Дмитриев, М. В.* Религиозные войны в Речи Посполитой: к вопросу о последствиях Брестской унии 1569 года / М. В. Дмитриев // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Петерб. славян. и балкан. исслед.* — 2008. — № 1. — С. 3—22.
34. *Янин, В. Л.* Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII—XV вв. / В. Л. Янин. — М.: МГУ, 1998. — 216 с.
35. *Горский, А. А.* Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII — начало XV в.) / А. А. Горский // *Средневековая Русь*. — М., 1996. — Вып. 1. — С. 76—110.
36. *Горский, А. А.* Восточная Европа в XIII—XV вв.: от «земель» к «великим княжениям» / А. А. Горский // *Вестн. истории, литературы, искусства*. — 2006. — Т. 2. — С. 63—69.
37. *Горский, А. А.* Русские земли в XIII—XIV веках: пути политического развития / А. А. Горский. — СПб.: Наука, 2016. — 185 с.
38. *Кузьмин, А. В.* Титулованная знать Великого княжества Литовского в «Великой войне» 1409—1411 гг. против Тевтонского Ордена / А. В. Кузьмин // *Велике княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV—XV стст.: саперніцтва, супрацоўніцтва, урокі. Да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Гродна, 8—9 ліп. 2010 г.* / уклад.: А. І. Груша, С. В. Марозава. — Мінск, 2011. — С. 26—75.
39. *Кузьмин, А. В.* На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. / А. В. Кузьмин. — М.: Яз. славян. культуры, 2014. — Т. 1. — 336 с.
40. *Кузьмин, А. В.* На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. / А. В. Кузьмин. — М.: Рукопис. памятники Древней Руси, 2015. — Т. II. — 452 с.
41. *Dumin, S.* Herbarz rodzin tatarskich Wielkiego Księstwa Litewskiego / S. Dumin. — Gdansk : Związek Tatarów Rzeczypospolitej Polskiej, 2006. — 186 s.
42. *Dumin, S.* Tatarskie Biografie. Tatarzy polsko-litewscy w historii i kulturze / S. Dumin, A. Jakubauskas, G. Sitdykov. — Białystok : Muzulmanski Związek Religijny w RP. Najwyższe Kolegium, 2012. — 232 s.
43. *Дворниченко, А. Ю.* Историография Великого княжества Литовского и «Очерк истории Литовско-Русского государства» М. К. Любавского / А. Ю. Дворниченко // *Очерк истории Литовско-Русского государства* / М. К. Любавский. — СПб., 2004. — С. 14—30.
44. *Дворниченко, А. Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.): очерки истории общины, сословий, государственности / А. Ю. Дворниченко. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1993. — 240 с.
45. *Филлошкин, А. И.* Андрей Михайлович Курбский / А. И. Филлошкин // *Вопр. истории*. — 1999. — № 1. — С. 82—96.

46. *Филюшкин, А. И.* Дискурсы Ливонской войны / А. И. Филюшкин // *Ab Imperio. Империя и война.* — 2001. — № 4. — С. 43—80.
47. *Филюшкин, А. И.* Легендарные родословцы великих князей литовских и великих князей московских / А. И. Филюшкин // *Рус. родословец.* — 2001. — № 1. — С. 6—14.
48. *Филюшкин, А. И.* Вглядываясь в осколки разбитого зеркала: Российский дискурс Великого княжества Литовского / А. И. Филюшкин // *Ab Imperio. Примирение через прошлое: панъевропейская перспектива.* — 2004. — № 4. — С. 561—601.
49. *Филюшкин, А. И.* «Другая Русь» в русской историографии / А. И. Филюшкин // *Lietuvos Didžiosios kunigaikštijos tradicija ir paveldo «dalybos»* / А. И. Филюшкин. — Vilnius : Vilniaus universiteto leidykla, 2008. — Р. 94—113.
50. *Филюшкин, А. И.* Изобретая первую войну России и Европы: балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков / А. И. Филюшкин. — СПб. : Изд-во Дмитрий Буланин, 2013. — 845 с.
51. *Филюшкин, А. И.* Когда Полоцк был российским. Полоцкая кампания Ивана Грозного 1563—1579 гг. / А. И. Филюшкин, А. В. Кузьмин. — М. : Рус. витязи, 2017. — 174 с.
52. *Кибинь, А. С.* От Ятвязи до Литвы: политические и социокультурные трансформации в бассейне верхнего Немана в X—XIII веках / А. С. Кибинь. — М. : Квадрига, 2012. — 272 с.
53. *Аржакова, Л. М.* Имперские черты шляхетской республики / Л. М. Аржакова // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2 : История.* — 2010. — № 4. — С. 46—52.
54. *Аржакова, Л. М.* К вопросу об этнических аспектах Грюнвальдской битвы / Л. М. Аржакова // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Петерб. славян. и балкан. исслед.* — 2010. — № 2. — С. 25—32.
55. *Кром, М. М.* Православные князья в Великом княжестве Литовском в начале XVI века: к вопросу о социальной базе восстания Глинских / М. М. Кром // *Отечеств. история.* — 1992. — № 4. — С. 145—154.
56. *Кром, М. М.* Отъезды московской знати в Литву во второй четверти XVI века / М. М. Кром // *Феодалная Россия: новые исследования : сб. науч. ст. / под ред. М. Б. Свердлов.* — СПб., 1993. — С. 34—37.
57. *Кром, М. М.* Стародубская война (1534—1537). Из истории русско-литовских отношений / М. М. Кром. — М. : Рубежи XXI, 2008. — 140 с.
58. *Кром, М. М.* Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. / М. М. Кром. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Квадрига : Объед. ред. МВД России, 2010. — 320 с.
59. *Лобин, А. Н.* Битва под Оршей 8 сентября 1514 года / А. Н. Лобин. — СПб. : О-во памяти игумении Таисии, 2011. — 251 с.
60. *Ластовский, Г. А.* Политическое развитие Смоленской земли в конце XIII — начале XVI веков / Г. А. Ластовский. — Минск ; Смоленск : Универсум, 2001. — 228 с.

Поступила в редакцию 27.08.2019

УДК 94(476)+94(470+571)

Д. Г. Корсаков

Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»,
Министерство образования Республики Беларусь, ул. Космонавтов, 1, 212022 Могилев,
Республика Беларусь, +375 (29) 240 00 88, dmitrii.korsakov.msu@mail.ru

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО КРАСНОГО КРЕСТА В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (1900—1914)

Деятельность Российского Общества Красного Креста (далее — РОКК) на белорусских землях является малоизученной темой в современной отечественной историографии и заслуживает обстоятельного исследования. В данной статье рассматривается деятельность отделений РОКК на территории Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерний Российской империи в начале XX века. Исследование основано на материалах отечественных и российских архивов и библиотек, некоторые из них впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: Российское Общество Красного Креста; благотворительность; общественные организации; санитарные отряды.

Библиогр.: 27 назв.

D. G. Korsakov

Mogilev State A. Kuleshov's University, Ministry of Education of the Republic of Belarus,
1 Kosmonavtov Str., 212022 Mogilev, the Republic of Belarus, +375 (29) 240 00 88, dmitrii.korsakov.msu@mail.ru

RUSSIAN RED CROSS SOCIETY IN THE BELARUSIAN PROVINCES OF THE RUSSIAN EMPIRE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (1900—1914)

The activity of the Russian Red Cross Society in the Belarusian lands remains an ill-studied topic in modern Belarusian historiography and thus needs a further thorough study. The author examines the activities of the Russian Red Cross Society departments in Vilna, Vitebsk, Grodno, Minsk and Mogilev provinces of the Russian Empire in the early twentieth century. The article is based on the materials of Belarusian and Russian archives and libraries, some of them being initially introduced into scientific circulation.

Key words: Russian Red Cross Society; charity; public organizations; sanitary teams.

Ref.: 27 titles.

Введение. История Красного Креста берет свое начало в 1863 году, когда по инициативе группы единомышленников во главе с А. Дюнаном был создан Международный комитет помощи раненым (с 1880 года называется Международным Комитетом Красного Креста). Благодаря усилиям А. Дюнана, в Женеве была созвана международная конференция, решения которой известны как Женевская конвенция. Согласно Конвенции, все раненые, а также врачебно-санитарный персонал в зонах военных действий объявлялись состоящими под защитой Комитета. После этого по всей Европе стали возникать общества по оказанию помощи раненым и больным воинам.

Россия присоединилась к Женевской конвенции в 1867 году. В том же году Александр II утвердил Устав «Российского общества попечения о раненых и больных воинах», которое в 1879 году было переименовано в РОКК. Представители императорской семьи непосредственно участвовали в создании и деятельности РОКК. Так, императрица Мария Федоровна (мать Николая II) была его покровительницей, а по сути, руководителем [1, с. 49—50].

Сегодня в отечественной исторической науке деятельность отделов РОКК на белорусских землях является малоизученной темой. В монографии С. Ф. Шимуковича [2] деятель-

ность РОКК рассматривается лишь как один из видов благотворительности. Исследователь О. Л. Помалейко уделила внимание деятельности сестер милосердия Красного Креста в рамках изучения деятельности женских организаций [3]. В связи с этим предлагаемая статья представляется достаточно актуальной.

Методология и методы исследования. Методологическую основу исследования составили принципы историзма и объективности, которые позволяют рассматривать деятельность РОКК как один из важных видов благотворительности. Принцип объективности дает возможность избежать политизации и тенденциозности при освещении его деятельности на белорусских землях. Системность и комплексность исследования обеспечена привлечением первоисточников и работ, затрагивающих данную проблематику. Применялись и общенаучные методы: анализ, синтез, систематизация.

Важными источниками по данной тематике являются ежегодные отчеты, которые отделения РОКК подавали в Главное управление в Санкт-Петербурге, а также статистические сведения. В Беларуси сохранилось очень мало таких материалов, несколько шире они представлены в архивах и библиотеках Российской Федерации. Некоторые из них впервые вводятся в научный оборот в предлагаемой статье.

Хронологические рамки статьи ограничены 1900—1914 годами. Нижняя граница обусловлена тем, что именно к началу XX века белорусские отделения РОКК накопили достаточные капиталы и смогли приступить к наиболее активной деятельности. Верхняя граница связана с началом Первой мировой войны, которая кардинально изменила условия работы отделов РОКК на белорусских землях.

Результаты исследования и их обсуждение. Согласно уставу, во время войны главной целью РОКК было содействие военной администрации в уходе за ранеными и больными воинами. В мирное время РОКК должно было заниматься накоплением средств на нужды военного времени, а также обязывалось участвовать в ликвидации последствий стихийных бедствий, в организации медицинского обслуживания населения и «оказывать увечным воинским чинам возможную во всех видах помощь» [4, с. 4—5]. Таким образом, в мирное время РОКК действовало как благотворительная организация.

Руководящим органом РОКК было Главное управление во главе с председателем общества, которое располагалось в Санкт-Петербурге. На местах опорой РОКК были его местные отделения: в губернских городах создавались местные управления (далее — МУ), в уездных — местные комитеты (МК). Для создания МУ требовалось 30 человек, а для открытия МК было достаточно пяти лиц, желающих служить делу Красного Креста [4, с. 12—14]. Еще одним типом отделений были крепостные комитеты, на белорусских землях такой действовал в Бобруйской крепости.

Местные управления РОКК в белорусских губерниях стали появляться в конце 1870-х годов в связи с проходившей в то время Русско-турецкой войной. К началу XX века РОКК было представлено в каждой из пяти белорусских губерний.

Ни государство, ни руководство общества не финансировали его отделения, поэтому основной задачей руководства МУ было привлечение и накопление денежных средств для обеспечения их работы.

Постоянным источником средств были ежегодные взносы членов МУ. Однако они редко составляли более десятой части доходов. Так, из 4 153 р. доходов Виленского МУ в 1902 году взносы составляли 345 р. [5, с. 4—5].

Надежным источником доходов были проценты с капиталов, размещенных в виде ценных бумаг. Все МУ в белорусских губерниях к началу XX века обзавелись значительными процентными капиталами. Так, Могилевское МУ обладало ценными бумагами на сумму 45 000 р. [6, с. 12], Виленское — 56 000 р. [7, с. 4—5], Витебское — более 60 000 р. [8, л. 3].

Исключение составляет Гродненское МУ, процентный капитал которого в 1904 году составлял лишь 3 657 р. [9, с. 23]. Руководители МУ старались постоянно увеличивать свои процентные капиталы.

Большую часть доходов отделения получали из непостоянных источников, таких как сбор пожертвований по подписным листам, кружечный сбор и проведение благотворительных мероприятий: балов, спектаклей, концертов, лотерей. Доход от таких мероприятий мог достигать суммы в несколько тысяч рублей [2, с. 70].

Иногда обеспеченные люди, сочувствующие делу РОКК, завещали отделениям свои средства. Однако МУ не всегда могли их принять. Так, в 1903 году один из витебских купцов завещал Витебскому МУ долговой вексель на сумму 666 р., однако взыскание долга по нему требовало участия в длительной судебной тяжбе, поэтому руководство МУ отказалось принимать вексель [10, л. 3].

Как правило, расходовались средства следующим образом: 10 % дохода отправлялось в Главное управление РОКК, часть средств тратилась на различные насущные нужды и пособие для Общин сестер милосердия (далее — ОСМ), оставшиеся средства перечислялись в специальные капиталы. Так, у всех МУ имелись запасной капитал для нужд военного времени, капитал на помощь увечным воинам, капитал для выдачи пособий погорельцам и специальные суммы. Недвижимого имущества МУ, как правило, не имело.

Прочное финансовое положение было у Витебского МУ. При нем действовала Витебская ОСМ с лечебницей при ней [8, л. 3]. Деятельность МУ главным образом была сосредоточена на оказании денежной помощи раненым и увечным воинам. Например, в 1909 году поступили 83 ходатайства от отставных военных чинов, 59 из них были удовлетворены, по ним были выданы пособия на сумму 664 р. [11, л. 17].

Хорошо была налажена работа Виленского МУ, при котором действовали Виленская Мариинская ОСМ, детская больница в память императора Александра III на 10 кроватей, а также дамский комитет [7, с. 4—5]. Содержать заведения позволяли высокие доходы, которые превышали несколько тысяч рублей в мирное время (в 1910 году — 5 598 р.), а в годы войны составляли более десяти тысяч (1905 — 13 995 р., 1914 — 11 099 р.) [12, с. 5—7; 13, с. 10—12; 14, с. 4—6].

В ведении Минского МУ в начале XX века состояли ОСМ и Бобруйский крепостной комитет. Это МУ активно занималось сбором пожертвований. Например, в 1902 году было собрано 613 р. в пользу губерний, пострадавших от неурожая, 115 р. для жителей городов Шемы и Андижан, пострадавших от землетрясения, кроме того, был устроен спектакль в пользу погорельцев Бобруйска, где было собрано 155 р. [15, с. 12—13]. После Русско-японской войны появился также сбор на помощь семьям убитых и раненых, в 1906 году было собрано 1 337 р., которые были переведены в Александровский комитет о раненых [16, с. 5].

Могилевское МУ имело в своем ведении Могилевскую Александровскую ОСМ с лечебницей и аптекой при ней [17, с. 96]. Важную роль в деятельности этого МУ играло рассмотрение прошений нуждающихся о назначении пособий. Так, в 1906 году было выдано пособий на сумму 470 р., в 1907-м — на сумму 1 445 р. [17, с. 14—15, 23].

Известно, что при Гродненском МУ РОКК в начале XX века действовала ОСМ [18, с. 4—5]. К сожалению, имеющиеся сведения об этом МУ очень скудны и не позволяют должным образом оценить его деятельность.

Члены МУ РОКК делились на несколько категорий. Так, действительные члены платили взносы в размере от 5 до 10 р. ежегодно или 100 р. единовременно, члены-соревнователи — от 1 до 5 р. ежегодно или 25 р. единовременно. Звания почетных, пожизненных почетных членов и членов-благотворителей присуждались лицам за особые заслуги или крупные пожертвования [2, с. 70].

Говоря о численности МУ в белорусских губерниях, важно отметить, что она не была неизменной: как правило, она возрастала во время войн и уменьшалась в мирные годы.

Весьма многочисленным было Витебское МУ РОКК, в 1901 году в его состав входили 13 почетных и 64 действительных члена [8, л. 15]. Однако имеющиеся данные не позволяют сделать более подробные выводы.

Гродненское МУ РОКК в 1903 году состояло из 19 действительных членов [18, с. 1], в 1904 году его численность увеличилась до 98 действительных членов [9, с. 1]. Такое резкое увеличение численности, вероятно, следует связывать с ростом патриотических настроений среди жителей губернии в годы Русско-японской войны.

После окончания войны в некоторых МУ произошло снижение численности. Так, Могилевское МУ РОКК в 1900 году состояло из 2 почетных и 45 действительных членов, а в 1906 году — из 4 почетных и 23 действительных [17, с. 13—14]. Наибольшей численности отделение достигло в годы Первой мировой войны. Так, в 1915 году в нем состояли 4 почетных, 54 действительных и 3 члена-соревнователя [19, с. 6—7]. То же характерно и для состава Виленского МУ РОКК: в 1902 году — 1 почетный и 57 действительных членов [5, с. 3—4], в 1904 году численность значительно возрастает — 1 почетный, 145 действительных членов и 38 членов-соревнователей [20, с. 3—4], но к 1907 году резко снижается до 34 действительных членов [21, с. 3—4]. Снижение численности МУ после Русско-японской войны, на наш взгляд, можно связать с ухудшением имиджа РОКК из-за огласки финансовых афер в годы войны [2, с. 71], а также со всеобщим разочарованием и начавшейся революцией 1905—1907 годов.

Однако эта закономерность прослеживается не для всех. Так, в Минском МУ в 1903 году состояло 2 почетных и 23 действительных члена [22, с. 2—3], а в 1906-м — 2 пожизненных почетных, 2 почетных и 34 действительных [16, с. 1], т. е. снижения численности не произошло. В дальнейшем численность Минского МУ увеличивалась, в 1913 году в его составе были 1 почетный и 54 действительных члена [23, с. 1].

Руководство РОКК придавало большое значение открытию при МУ ОСМ и медицинских заведений при них (больниц, амбулаторий, аптек). Создание и обустройство ОСМ было весьма затратным делом, тем не менее к началу XX века ОСМ действовали в каждой из пяти белорусских губерний.

Юридически ОСМ считались отдельными учреждениями, независимыми от МУ, на деле же они были тесно связаны с ними, прежде всего в финансовом плане. ОСМ получали субсидии от своих управлений, как правило, это было несколько тысяч рублей в год, чего было недостаточно для обеспечения работы общины. Дополнительными источниками средств для ОСМ служили доходы от процентных бумаг, от оплаты частных дежурств сестер милосердия, плата за прием амбулаторных и стационарных больных (если при общине было медицинское учреждение), а также от устройства благотворительных вечеров. Оригинальный источник дохода был у Могилевской ОСМ: в 1904 году община организовала «заведение для изготовления искусственных минеральных вод» и наладила их продажу на улицах города. На закупку оборудования было затрачено 1 500 р., уже в первый год работы заведение дало доход в 1 694 р., а в 1906-м — 2 154 р., тем самым заведение полностью оправдало себя [17, с. 33—36, 97—99].

Одной из основных задач ОСМ была подготовка квалифицированного женского медперсонала. Для этого при общинах действовали курсы подготовки сестер милосердия [2, с. 73]. Девушки и женщины от 18 до 40 лет, желавшие помочь делу милосердия, поступали в общину в качестве испытуемых. В дневное время они помогали сестрам милосердия, а вечером слушали лекции по медицине. После сдачи выпускных экзаменов испытуемая удостоивалась звания сестры милосердия и получала специальное свидетельство [17, с. 67—68].

Сестры милосердия работали в медицинских заведениях РОКК (если такие действовали при их общине) либо же отправлялись в государственные больницы и госпитали или на частные дежурства. Самой крупной на белорусских землях была Виленская ОСМ, в 1907 году в ней служили 50 сестер милосердия [24, с. 2].

Важно отметить, что в связи с национальной политикой самодержавия в то время в сестры милосердия принимали только женщин христианского вероисповедания. Это объяснялось тем, что

якобы представительницам других конфессий недоступно понимание «христианского» милосердия [2, с. 73]. Тем самым еврейки и мусульманки были лишены возможности участвовать в работе ОСМ.

Еще одной важной задачей было оказание врачебной помощи населению через открытие медицинских заведений. Известно, что амбулаторные лечебницы действовали при Витебской, Виленской и Могилевской ОСМ. За пользование их услугами с пациентов взималась небольшая плата. Так, в 1903 году Витебская лечебница ОСМ имела следующие расценки: за посещение врача — 25 к., за проведенные сутки в общей палате — 1 р. 50 к., в отдельной палате — 2 р. [2, с. 74]. В Могилевской лечебнице плата за посещение врача первоначально составляла 10 к., но с 1904 года была повышена до 15, прием вне очереди стоил 40 к. Бедных больных принимали бесплатно. Кроме того, в лечебницах проводили операции и делали прививки от оспы [17, с. 39—40]. Также при Могилевской лечебнице действовала амбулатория на 6 кроватей, в ней получали стационарное лечение 30—40 пациентов в год [17, с. 131].

Несмотря на платность услуг, в начале XX века лечебницы принимали 5—7 тыс. человек ежегодно. Это были не только жители городов, где действовала ОСМ, но и крестьяне, последние преобладали среди пациентов. Например, в 1904 году из 7 719 пациентов Могилевской лечебницы только 3 138 были жителями Могилева, остальные — выходцы из различных уездов губернии [17, с. 52—53]. Таким образом, РОКК давало возможность жителям сельской местности получить квалифицированную врачебную помощь.

Еще одной обязанностью МУ РОКК и ОСМ было участие в ликвидации последствий стихийных бедствий. Например, в 1902 году Бобруйский крепостной комитет открыл бесплатную столовую для жителей, потерявших кров в большом пожаре, случившемся в этот год [2, с. 73]. Весной 1908 года в Могилеве случилось большое наводнение, тогда МУ приняло участие в организации двух столовых для пострадавших [25, с. 6]. В 1910 году в Могилеве случилось два больших пожара, тогда при ОСМ была открыта столовая для погорельцев, а МУ организовало специальный фонд для выдачи пособий погорельцам [26, с. 3—6].

Следует отметить, что МУ РОКК в белорусских губерниях достойно проявили себя в годы Русско-японской войны. В каждой губернии были оперативно налажены сбор пожертвований, сбор принадлежностей для военных госпиталей, а также организация санитарных отрядов для отправки на Дальний Восток. Виленское МУ направило санитарный отряд в составе 20 человек [2, с. 74]. Могилевское МУ и ОСМ организовали и отправили на Дальний Восток санитарный отряд с лазаретом на 50 кроватей. Его организация обошлась в 12 109 р. [27, с. 37—38]. Этот отряд работал в Иркутске, где развернулся до 80 кроватей, в 1906 году он благополучно вернулся домой, а Могилевское МУ и ОСМ удостоились благодарности от императрицы Марии Федоровны [17, с. 97].

Заключение. Российское Общество Красного Креста активно действовало в белорусских губерниях Российской империи. В начале XX века отделения РОКК с ОСМ при них работали в каждой из пяти белорусских губерний. Их деятельность была представлена выдачей пособий раненым, а также семьям погибших воинов, участием в ликвидации последствий стихийных бедствий, подготовкой сестер милосердия. Кроме того, РОКК способствовало развитию медицины на наших землях. Открытие медицинских учреждений при ОСМ делало врачебные услуги доступными для тысяч жителей городов и сельской местности независимо от их национального происхождения и вероисповедания. Также МУ РОКК и ОСМ в белорусских губерниях достойно проявили себя в годы Русско-японской войны, организовав и отправив на Дальний Восток несколько санитарных отрядов.

С учетом изложенных фактов деятельность РОКК на белорусских землях заслуживает, на наш взгляд, положительной оценки. В то же время масштабов деятельности белорусских отделений РОКК было недостаточно для помощи всем нуждающимся в регионе. Также нельзя не отметить конфессиональных ограничений в деятельности ОСМ: сестрой милосердия могла стать только христианка.

Список цитируемых источников

1. Благотворительность в России / сост. по высочайшему повелению собств. его императ. величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии. — СПб., 1907. — Т. 1. — [601] с.
2. Шимукович, С. Ф. Благотворительность в Беларуси в конце XIX — начале XX вв. / С. Ф. Шимукович. — Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2006. — 188 с.
3. Помалейко, О. Л. Женские организации в Беларуси на рубеже веков (конец XIX — начало XX в.) / О. Л. Помалейко. — Минск : Тессей, 2012. — 128 с.
4. Устав Российского Общества Красного Креста. — Баку : Электротпечатня Бакин. губерн. правления, 1915. — 80 с.
5. Отчет Виленского местного управления Российского Общества Красного Креста за 1902 г. — Вильно : Тип. Штаба Вил. воен. окр., 1903. — 23 с.
6. Отчет Могилевского местного управления Российского Общества Красного Креста и состоящих в его ведении общин сестер милосердия и лечебных учреждений за 1900 г. — Могилев : Тип. губерн. правления, 1901. — 68 с.
7. Отчет Виленского местного управления Российского Общества Красного Креста за 1900 г. — Вильно : Тип. Вил. Св.-Дух. правосл. братства, 1901. — 16 с.
8. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. 2529. Оп. 1. Д. 219.
9. Отчет Гродненского местного управления Российского Общества Красного Креста за 1904 г. — Гродно : Тип. П. Ионас, 1905. — 23 с.
10. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. 2529. Оп. 1. Д. 252.
11. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. 2529. Оп. 1. Д. 404.
12. Отчет Виленского местного управления Российского Общества Красного Креста за 1910 г. — Вильно : Тип. Штаба Вил. воен. окр., 1911. — 40 с.
13. Отчет Виленского местного управления Российского Общества Красного Креста за 1905 г. — Вильно : Тип. Штаба Вил. воен. окр., 1906. — 155 с.
14. Отчет Виленского местного управления Российского Общества Красного Креста за 1914 г. — Вильно : Электротип. А. Минскара, 1915. — 30 с.
15. Отчет Минского местного управления Российского Общества Красного Креста за 1902 г. — Минск : Губерн. тип., 1903. — 19 с.
16. Отчет Минского местного управления Российского Общества Красного Креста за 1906 г. — Минск : Тип. А. С. Некрасова, 1907. — 16 с.
17. Отчет Могилевского местного управления Российского Общества Красного Креста за 1905—1907 гг. и состоящей в его ведении общины сестер милосердия за 1904—1907 гг. — Могилев : Тип. губерн. правления, 1908. — 163 с.
18. Отчет Гродненского местного управления Российского Общества Красного Креста за 1903 г. — Гродно : Тип. П. Ионас, 1904. — 11 с.
19. Отчет Могилевского местного управления Российского Общества Красного Креста за 1912 г. — Могилев : Тип. губерн. правления, 1913. — 22 с.
20. Отчет Виленского местного управления Российского Общества Красного Креста за 1904 г. — Вильно : Тип. Штаба Вил. воен. окр., 1905. — 116 с.
21. Отчет Виленского местного управления Российского Общества Красного Креста за 1907 г. — Вильно : Тип. Штаба Вил. воен. окр., 1908. — 40 с.
22. Отчет Минского местного управления Российского Общества Красного Креста за 1903 г. — Минск : Губерн. тип., 1904. — 14 с.
23. Отчет Минского местного управления Российского Общества Красного Креста за 1913 г. — Минск : Тип. А. С. Некрасова, 1914. — 10 с.
24. Благотворительность в России / сост. по высочайшему повелению собств. его императ. величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии. — СПб., 1907. — Т. 2. — [610] с.
25. Отчет Могилевского местного управления Российского Общества Красного Креста за 1908 г. — Могилев : Тип. губерн. правления, 1909. — 20 с.
26. Отчет Могилевского местного управления Российского Общества Красного Креста за 1910 г. — Могилев : Тип. губерн. правления, 1911. — 24 с.
27. Отчет комиссии по снаряжению могилевского санитарного отряда на 50 кроватей, отправленного на Дальний Восток 15 августа 1904 г. — Могилев : Скоропечатня и литограф. Ш. А. Шридланда, 1905. — 38 с.

Поступила в редакцию 05.08.2019

УДК 930.1

Е. Н. Котусев

Учреждение образование «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
Министерство образования Республики Беларусь, ул. Ожешко, 22, 230023 Гродно, Республика Беларусь,
+375 (29) 881 73 58, evgenii.kotusev@mail.ru

Н. Н. ЛЮБОВИЧ: ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ В ИСТОРИЮ ПОЛОНИСТИКИ И ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ЕГО ИССЛЕДОВАНИЙ

Николай Николаевич Любович — широко известный в свое время российский историк, занимающийся преимущественно исторической славистикой и полонистикой. В статье отражена тематика развития исторической полонистики. Данная проблематика в историческом наследии Н. Н. Любовича не стала предметом отдельных исследований и в этом контексте рассматривается впервые.

Статья посвящена жизненному пути Н. Н. Любовича — историка, преподавателя Варшавского университета, основателя историко-филологического факультета Ростовского университета, активного российского общественного деятеля и участника ряда научных объединений. В статье отражен долгий творческий путь и достижения историка как исследователя Реформации в Польше, медиевиста, автора исследований по методологии истории.

Ключевые слова: история; историк; историография; Варшавский университет; Ростовский университет; Реформация; медиевистика; историческая полонистика.

Библиогр.: 28 назв.

E. N. Kotusev

Grodno State University named after Y. Kupala, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 22 Ozhesko Str.,
230023 Grodno, the Republic of Belarus, +375 (29) 881 73 58, evgenii.kotusev@mail.ru

N. N. LUBOVICH: A CREATIVE WAY TO THE HISTORY OF POLONISTICS AND THE BASIC PROBLEM OF HIS RESEARCHES

Nikolai Nikolaevich Lyubovich, a well-known Russian historian, who was mainly engaged in historical Slavic and polonistic studies. The article reflects the development of historical polonistics. This issue in the historical heritage of N. N. Lyubovich did not become the subject of separate studies, and it is considered in this context for the first time.

The article is devoted to the life of N. N. Lyubovich is a historian, a professor at the University of Warsaw, the founder of the historical and philological faculty of Rostov University, an active Russian public figure and a member of a number of scientific associations. The article reflects many creative works and achievements of the historian as a researcher of reformations in Poland, a medievalist, an author of studies on the methodology of history.

Key words: history; historian; historiography; Warsaw University; Rostov University; Reformation; medieval studies; historical polonistics.

Ref.: 28 titles.

Введение. В данной статье автор ставит целью рассмотреть творческий путь одного из малоизвестных российских историков XIX — начала XX века Н. Н. Любовича, его вклад в развитие исторической славистики, прежде всего исторической полонистики, представить его теоретико-методологические взгляды, общественную позицию и основную проблематику его исследований. Процесс формирования научных и общественных взглядов Н. Н. Любовича представлен на фоне развития современной ему российской историографии в целом и российской исторической славистики в частности (И. В. Луцицкий, Н. И. Кареев, Е. Ф. Карский, П. Н. Жукович и др.).

Основой каждого исследования является идея, замысел. Будь то литературное произведение или научная работа — читателя привлекают в первую очередь не особенности текста

или игра слов автора, а идея мысли, которая может изменить наш взгляд на окружающую реальность. Может быть, поэтому в современной отечественной историографии наблюдается сдвиг внимания в пользу тех исследователей, которые больше посвятили сил конкретной исторической мысли, концепции. Они могут быть привлекательны и оказывать влияние на работу и деятельность исследователей как на ближних отрезках времени, так и пройти проверку годами и сохранить привлекательность спустя столетия. Среди ряда исследователей, которых объединил под своей крышей Варшавский университет, можно назвать как минимум двоих — Николая Ивановича Кареева (культурологические концепции и основы социологии) и Ефима Федоровича Карского (концепция белорусов как самостоятельной этнической группы), чьи работы выдержали данное испытание. Этого нельзя сказать о работах Николая Николаевича Любовича, талантливого исследователя, педагога и администратора, некоторое время руководившего историко-филологическим факультетом Варшавского университета.

Методология и методы исследования. Некоторые части творческого наследия Н. Н. Любовича в определенной степени стали предметом исследования в современной историографии. Так, в историографическом труде В. П. Бузескула отмечается тематика творческого наследия Н. Н. Любовича [1; 2]. Некоторые аспекты биографии творческого наследия затронуты в статьях Н. А. Казаровой [3]. Наиболее подробный анализ научного наследия и методов исторического исследования отмечается в труде Л. М. Аржаковой [4]. Т. Т. Кручковский рассматривает некоторые аспекты исторической полонистики Н. Н. Любовича [5; 6]. Упоминает роль и участие в переезде Варшавского университета в статье А. Г. Данилов [7]. А. В. Демидович провел анализ доказательств социально-экономической подоплеки Реформации движения в Польше [8]. В. В. Лобова осветила деятельность Н. Н. Любовича в Ростове-на-Дону [9]. Однако заявленная проблематика в историческом наследии Н. Н. Любовича не стала предметом отдельных исследований и в этом контексте рассматривается впервые.

Результаты исследования и их обсуждение. Николай Николаевич Любович родился 28 марта 1855 года в местечке Тульчин (современная Украина) в семье офицера. Родители отдали его на обучение в Киевскую гимназию. Усилия родителей и педагогов гимназии были вознаграждены, и Н. Любович, с отличием закончив Киевскую гимназию в 1873 году, поступил во Владимирский университет (Киев) на историко-филологический факультет [3].

Именно в Киевском университете сформировались ключевые навыки Н. Н. Любовича как историка-исследователя. Этому содействовало два факта из его студенческой биографии: авторитет и опыт Ивана Васильевича Лучицкого, научного руководителя Н. Любовича; участие в Историческом обществе Нестора-Летописца [1]. Иван Васильевич Лучицкий являлся одним из крупных российских историков-полонистов второй половины XIX века [10, с. 117]. Ученый разрабатывал вопросы позитивистской методологии истории [11, с. 1] и стал одним из основоположников этого методологического течения в России [11, с. 3]. И. В. Лучицкий исследовал реформационное движение в Западной Европе, а также хозяйственное развитие стран Западной Европы и России [11, с. 8].

Именно И. В. Лучицкий помог сформировать молодому ученому Н. Н. Любовичу ключевые навыки исследователя: овладеть позитивистской методологией, критически относиться к материалу исторических источников, проявлять исследовательский прагматизм, владеть на хорошем уровне многими языками, применять статистические данные. Площадку, на которой молодой ученый оттачивал свои выступления и возможности первых научных публикаций, ему предоставило Историческое общество. Участвуя в собраниях общества и публикуя ранние работы, Н. Н. Любович приобрел все необходимые для дальнейшей научной деятельности умения и навыки, сформировал свой научный стиль. Доказательством большого потенциала молодого ученого стала его дипломная работа «Марникс де Сент-Альдегонд как политиче-

ский деятель» [12]. В дипломной работе Н. Любович осуществил необычный для такого типа работ прием: через биографию и наследие политического деятеля раскрыл важную страницу истории западно-европейской Реформации — Нидерландскую революцию. Личность Марникса, чья жизнь использовалась для такого описания, тоже являлась весьма харизматичной. Марникс де Сент-Альдегонд был правой рукой Вильгельма Оранского, а также политическим и идеологическим лидером Нидерландской революции. На особенностях его работ, через подробный анализ мыслей и творчества Н. Н. Любович воспроизвел реакцию нидерландской аристократии на события второй половины XVI века. Научное качество этого исследования было высоко оценено научным сообществом. Это обстоятельство и позволило опубликовать его магистерский труд как полноценную научную работу [12].

После окончания университета Н. Н. Любович год проработал в Каменец-Подольской гимназии и начал готовиться к обучению в магистратуре. За время своего учительства Николай Николаевич опубликовал вторую свою работу «Иван-Подкова» и приступил к написанию своей магистерской диссертации. Она, как и работы его наставника, пересекалась с темой Реформации, но только не западно-европейской, а Реформацией на территории Польши и Литвы. Для подготовки этой работы молодому историку пришлось углубиться в церковные архивы Варшавы, Петербурга и Вильно. Результатом этой работы стало исследование «Рационалисты в Польше и Литве в XVI веке. Антитринитариизм» [3]. Эта работа, можно утверждать, стала прологом для его ключевого труда научной жизни.

В 1880 году Н. Н. Любович успешно защитил работу и получил звание магистра. После экзаменов ему поступает предложение о работе на кафедре всеобщей истории в Императорском Варшавском университете. Там он преподавал историю Великобритании и Франции, спецкурсы по истории Вселенских соборов и Реформации, истории Древней Греции, латинской палеографии [4, с. 440; 14, с. 317]. О роли русского Варшавского Императорского университета в политике русификации поляков неоднократно отмечалось в научной литературе [3; 4; 12]. Ввиду царившей здесь враждебной атмосферы русские ученые ехали в Варшаву неохотно. Это мнение поддерживается и в современной польской науке [13, с. 106]. Л. П. Лаптева не согласна с этим мнением, отмечая, что оно страдает односторонностью [14, с. 478].

Молодой ученый принимает приглашение на работу в Императорском Варшавском университете, видя в нем возможность реализации планов по созданию диссертации. Для пополнения материала ему приходится подавать заявку на работу в архивах Кракова и Вены. Историку удастся заполучить заявку, в 1881 году он отправляется в поиски нового материала, углубившись в самые недра архивов Кракова и Вены [3].

Работая над исследованием, Н. Н. Любович приходит к выводу, что все религиозные и духовные движения в каждом конкретном случае опираются на социальные противоречия и борьбу за блага и ценности между различными социальными группами [4, с. 423]. Исходя из этого вывода, он стал рассматривать европейскую Реформацию преимущественно с точки зрения экономического фактора как доминирующего. Так, Реформацию в Польше Н. Н. Любович оценивал как стремление дворянства (шляхетства) ослабить духовенство и получить его блага и земли. Итогом стала опубликованная в 1883 году диссертация «История реформации в Польше» [15]. Это научная работа, защищенная в Императорском Владимирском университете, стала одним из главных исследований в российской науке по истории Реформации в Польше. Она в значительной степени дополняла вышедшее годом ранее исследование П. Н. Жуковича (1882) по истории польской католической церкви и Реформации в ней [20]. Следует отметить, что исследование П. Н. Жуковича также было основано на привлечении широкого архивного материала. Правда, оценочные подходы П. Н. Жуковича были несколько иными: признавая важность экономического фактора в истории польской Реформации, он не считал его главным, а только одним из важнейших [3; 11]. Подобную позицию в оценке польского варианта Реформации как западно-европейского общественно-политического

и культурно-конфессионального явления занимал и коллега Н. Н. Любовича по Варшавскому университету Н. И. Кареев [3; 10]. Он опубликовал свою работу по истории Реформации в Польше так же в 80-е годы XIX века [20].

В последующие годы Н. Н. Любович регулярно чередовал педагогическую работу с научно-исследовательской деятельностью. Ему удалось получить доступ в крупнейшие архивы Европы, ему открываются двери в архивы многих стран [4]. Наиболее желанным в данной ситуации оказывался Ватиканский архив. Н. Н. Любович до сих пор является единственным русскоговорящим исследователем, который проводил в нем серьезные изыскания. Он обнаружил массу материалов, связанных с событиями, происходившими в XVI веке на территории Восточной Европы. Историк увидел, как церковный аппарат католической церкви реагировал на угрозы, спровоцированные Реформацией. Этот материал лег в дальнейшем в основу докторской диссертации Николая Николаевича «Начало католической реакции и упадок Реформации в Польше» [18] и небольшой публикации, посвященной деятельности иезуитов на землях современной Беларуси [16]. Эта работа стала главным трудом жизни Н. Н. Любовича и продолжением диссертации «История реформации в Польше». В ней он использовал материалы, обнаруженные в архивах Москвы, Петербурга, Варшавы, Женевы, Цюриха, Берлина, Венеции и Парижа. За столь подробную и колоссальную работу Николай Николаевич получил премию Академии наук, защитил диссертацию и получил звание доктора исторических наук [5]. Ценность работы Н. Н. Любовича признавали не только коллеги по университету, в том числе Н. И. Кареев, но и польские исследователи, такие как известный историк краковской консервативной школы Михал Бобжиньски [2; 4; 5].

Достигнув высот в поиске и анализе материалов по истории Реформации, Николай Николаевич направил свои силы и энергию на изучение более близких ему по настроению и духу тем — историю развития городов и стран Западной Европы. Накопив опыт в сотрудничестве с зарубежными архивами в ходе изучения щекотливых тем, связанных с церковью, Н. Н. Любович без проблем получал доступ в архивы Франции и Германии, где мог самостоятельно, без посредников, изучать старинные документы XIII—XV веков [18]. На основе данных исследований у него вышел ряд работ по истории развития городского хозяйства в Германии. Его работы позднего времени раскрывали быт и повседневную жизнь германских городов в самых разных аспектах. В этих работах он проводил некоторые параллели ситуации в немецких городах с экономическим положением польских городов, часто населенных немецкими горожанами и живущими согласно «немецкому праву» [17]. В этом вопросе его исследования перекликались с работами Н. И. Кареева [10, с. 186].

Н. Н. Любович в стенах русского Императорского Варшавского университета занимался также учебной работой и административной деятельностью [3]. С 1892 по 1896 год он являлся деканом исторического факультета Варшавского университета. Опыт этот, по всей видимости, был не слишком удачным, с его точки зрения, поскольку на позднейшие призывы возглавить факультет он отвечал решительным отказом, хотя и активно оказывал помощь в организационной и хозяйственной деятельности факультета [3]. Вероятно, историк, несмотря на свои, в общем, консервативные взгляды в польском вопросе, не желал быть активным проводником русификаторской политики правительства и насильственной деполонизации польской молодежи.

Больше всего Н. Н. Любовича привлекала педагогическая и научная деятельность. Накопленный в результате исследований материал он активно использовал на занятиях и благодаря феноменальной памяти мог проводить лекции без опорных конспектов. К сожалению, это привело к тому, что лекции и программные материалы Любовича не сохранились. Существует только ряд литографических изданий его лекций по истории Греции, истории XIX века и новой всеобщей истории [3]. Как и научные работы, его лекционные материалы выделяют живость языка, прагматичность и цельность образа, формируемого в рамках курса. Помимо

чтения специальных курсов на уже родном факультете Н. Н. Любович читал лекции на Высших женских курсах и состоял в экзаменационной комиссии курсов [7].

Регулярно ученый оказывал помощь и участвовал в развитии научного сообщества Киевского и Петербургского университетов. Он являлся учредителем созданного в 1901 году Общества истории, филологии и права при Варшавском университете. Развивая научное общество в Варшавском университете, Н. Н. Любович формировал собственную методологию как определенный вариант позитивизма, которая опиралась на статистические методы, и проводил оценку исторических данных с помощью сравнительного анализа [14, с. 534]. Он продолжал уделять особое внимание в исследовании исторических процессов социально-экономическому фактору.

Репутация первоклассного исследователя привлекала Н. Н. Любовича на различные научные съезды как в рамках Российской империи, так и за рубежом. В 1902 году Н. Н. Любович принимал участие в Международном историческом конгрессе в Риме, где поднял вопрос об интеграции научного сообщества Российской империи в международное сотрудничество [8].

Научная деятельность Варшавского университета оказалась парализована из-за Первой мировой войны. В результате наступления немецких войск царское правительство приняло решение об эвакуации университета в Ростов-на-Дону. Эвакуация происходила в спешке, поэтому многие научные материалы остались в Варшаве, в том числе и библиотека. Эвакуирован был и Н. Н. Любович.

Освоившись на новом месте, он не забросил преподавательскую деятельность. Составил новые учебные курсы и подготовил новые научные статьи, участвовал в создании Библиотечной комиссии и стал одним из основателей нового Ростовского университета. Наука и педагогическая деятельность давали Н. Н. Любовичу силы и мотивацию работать.

В самые сложные годы, отягощенные революцией и гражданской войной, он остался в городе и принял участие в создании сначала историко-филологического факультета, а затем факультета общественных наук [9]. Ученый сумел адаптировать учебные программы под новые требования и включить в них концепции К. Маркса и Ф. Энгельса. Несмотря на все тяготы жизни после гражданской войны, Н. Н. Любович создал Общество этнографии, археологии и краеведения при Донском университете. В 1924 году он был избран членом Академии наук СССР.

К сожалению, в этот период времени усилились нападки на преподавателей и остальных представителей бывшей царской системы. В результате этого Николай Николаевич Любович в 1929 году был вынужден покинуть университет. Информация о последних годах жизни профессора противоречива. По одним источникам, он скончался вскоре после увольнения. По другой информации, он был подвергнут репрессиям, освобожден в 1932 году и до 1935 года проживал в Ростове [10].

Заключение. Николай Николаевич Любович является одним из немногих историков начала XX века, который попытался интегрировать свою систему взглядов и воззрений на историческое прошлое исторической науки дореволюционных времен в марксистско-ленинскую историческую школу. Этому способствовал ряд особенностей его исследований: концентрация на самих событиях, а не их интерпретациях, внимание к социально-экономическим процессам как движущей силе истории, прагматизм взглядов на те или иные процессы. На столь печальном провале данной интеграции сказался в первую очередь возраст преподавателя: к моменту основания СССР ему было 67 лет, что по меркам даже нашего времени можно рассматривать как солидный возраст. Повреждение и неполная доставка исторических материалов из Варшавского университета также не содействовали укреплению доверия к властям со стороны Н. Н. Любовича. Это привело к забвению жизни и творчества Н. Н. Любовича на

долгие годы, и только сейчас ведутся активные работы по восстановлению и открытию его наследия для широкой публики.

Само творческое наследие историка раскрывает Н. Н. Любовича как исследователя-практика, чем методолога. Тщательное изучение архивов и активная педагогическая деятельность раскрывают нам этапы становления Н. Н. Любовича как исследователя: дипломная и магистерская работы; работы, посвященные Реформации в Польше; отдельные исследования по социально-экономическому развитию Западной Европы; программы подготовки студентов и выступления на заседании краеведческого клуба. Это помогает увидеть в нем талантливого ученого и педагога, который внес значительный вклад в исследование проблематики российской исторической полонистики в целом и реформационного движения в Польше в частности.

Список цитируемых источников

1. Бузескул, В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / В. П. Бузескул. — Л. : Изд-во АН СССР, 1931. — Ч. 1. — 356 с.
2. Бузескул, В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и в начале XX века / В. П. Бузескул. — Л. : Изд-во АН СССР, 1929—1931. — Ч. 2. — 423 с.
3. Казарова, Н. А. Историк Н. Н. Любович к 160-летию со дня рождения [Электронный ресурс] / Н. А. Казарова // Киберленинка. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istorik-n-n-lyubovich-k-160-letiyu-so-dnya-rozhdeniya>. — Дата доступа: 19.02.2018.
4. Аржакова, Л. М. Польский вопрос и его преломление в русской полонистике XIX в. / Л. М. Аржакова. — СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, 2014. — 546 с.
5. Кручковский, Т. Т. Польская проблематика в русской историографии II пол. XIX века / Т. Т. Кручковский. — Гродно, 1994. — 198 с.
6. Кручковский, Т. Т. История Польши в основных концепциях русской историографии XIX — начала XX вв. / Т. Т. Кручковский. — Гродно : ГрГУ, 2016. — 384 с.
7. Данилов, А. Г. Варшавский университет в Ростове-на-Дону [Электронный ресурс] / А. Г. Данилов // Киберленинка. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/varshavskiy-universitet-v-rostove-na-donu-1915-1917-gg-ch-2>. — Дата доступа: 19.08.2018.
8. Демидович, А. В. Влияние реформационного движения на православную церковь ВКЛ в освещении российской дореволюционной историографии / А. В. Демидович // Христианство и общество (к 1700-летию Миланского эдикта) : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Барановичи, 17 мая 2013 г. / редкол.: А. Н. Никишова (гл. ред.), А. В. Демидович (отв. ред.), З. Н. Козлова [и др.]. — Барановичи : РИО БарГУ, 2013. — С. 124—127.
9. Лобова, В. В. Становление высшего исторического образования на Дону в первой половине XX в. [Электронный ресурс] / В. В. Лобова // Диссеркат. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/stanovlenie-i-gazvitie-vysshego-istoricheskogo-obrazovaniya-na-donu-v-pervoi-chetverti-xx-v>. — Режим доступа: 03.09.2018.
10. Нечухрин, А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX — 1917 г.) / А. Н. Нечухрин. — Гродно : ГрГУ, 2003. — 349 с.
11. Лучицкий, И. В. Отношение истории к науке об обществе / И. В. Лучицкий // Знание. — 1875. — № 1. — С. 1—43.
12. Любович, Н. Н. Марникс де Сент-Альдегонд как политический писатель / Н. Н. Любович. — Киев : Университет. тип., 1877. — 175 с.
13. Лаптева, Л. П. Русский историк Н. И. Кареев и его взаимоотношения с политическими режимами / Л. П. Лаптева // Проблемы славяноведения : сб. науч. ст. — Брянск, 2000. — Вып. 2. — С. 88—95.
14. Лаптева, Л. П. История славяноведения в России в XIX веке / Л. П. Лаптева. — М. : Индрик, 2005. — 848 с.
15. Любович, Н. Н. История реформации в Польше: кальвинисты и антитринитарианцы / Н. Н. Любович. — Варшава : Тип. Земкевича и Нолковского, 1883. — 348 с.
16. Любович, Н. Н. К истории иезуитов в литовско-русских землях в XVI в. / Н. Н. Любович. — Варшава : Тип. К. Ковалевского, 1888. — 28 с.
17. Любович, Н. Н. Хозяйство и финансы немецких городов в XIV—XV века / Н. Н. Любович. — Варшава : Тип. Варш. учеб. округа, 1904. — 63 с.
18. Любович, Н. Н. Начало католической реакции и упадок реформации в Польше / Н. Н. Любович. — Варшава : Тип. К. Ковалевского, 1888. — 421 с.
19. Жукович, П. Н. Кардинал Гозий и польская церковь его времени / П. Н. Жукович. — СПб., 1882. — 557 с.
20. Кареев, Н. И. Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше / Н. И. Кареев. — М. : Тип. А. И. Мамонтова и К^о, 1886. — 192 с.

Поступила в редакцию 04.10.2018

УДК 476(091)«1991/2010»

Д. А. Кривошей

Государственное научное учреждение «Институт истории Национальной академии наук Беларуси»,
Министерство образования Республики Беларусь, ул. Академическая, 1, 220072 Минск,
Республика Беларусь, +375 (17) 284 27 00, kryvasheidz@gmail.com

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В БЕЛАРУСИ: РАЗВИТИЕ СТРАТЕГИИ (1991—2010)

В статье рассмотрены основные цели, приоритеты и задачи политики государства в сфере культуры в период 1991—2010 годов. На основе анализа законодательных актов, программ социально-экономического развития и отраслевых программ, выступлений руководителей страны показана постепенная трансформация стратегии культурной политики. Сделан вывод о том, что в течение изучаемого периода основные цели государства в области культуры существенно не изменились. На протяжении всего периода государство оставалось главным субъектом культурной политики, гарантом сохранения и развития культуры. При этом приоритетные направления их реализации корректировались под воздействием социально-экономических процессов. Значительное влияние на культурные процессы оказало изменение политического вектора развития. Проведённый анализ позволил автору выделить три этапа в развитии стратегии культурной политики в Республике Беларусь: национально-либеральный (1991—1995), переходный (1995—1999), патерналистский (2000—2010).

Ключевые слова: государственная культурная политика; Республика Беларусь; стратегия развития; принципы культурной деятельности; цели развития.

Библиогр.: 22 названий.

D. A. Kryvoshei

State Scientific Institution “Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus”,
Ministry of Education of the Republic of Belarus, 1 Akademicheskaya Str., 220072 Minsk,
the Republic of Belarus, +375 (17) 284 27 00, kryvasheidz@gmail.com

STATE CULTURAL POLICY IN BELARUS: THE STRATEGY DEVELOPMENT (1991—2010)

The main objectives, priorities and tasks of the state policy in the sphere of culture during the period between 1991 and 2010 are reviewed in the article. The gradual transformation of cultural policy strategy is shown: it is based on the analysis of legislation, social and economic development programs, branch programs and country leaders' statements. It has been concluded that during the period under consideration, the main objectives of the state in the sphere of culture did not change much. The state was the main subject of cultural policy, as well as a guarantor of the preservation and development of culture. The priority areas for their implementation were adjusted under the influence of socio-economic processes. The significant impact on cultural processes was done with a change of political development vector. Based on the analysis, three stages of the development strategies in cultural policy of the Republic of Belarus were singled out: the national liberal (1991—1995), the transitional (1995—1999) and the eclectic stage (2000—2010).

Key words: state cultural policy; the Republic of Belarus; development strategy; principles of cultural activities; development goals.

Ref.: 22 titles.

Введение. В новейшей истории независимой Беларуси одной из насущных проблем была и остается проблема культурного развития, так как культура тесно связана с процессами становления государственности и политической жизнью общества. Культура была, есть и будет одним из механизмов реализации властью своих политических интересов.

В данной статье на основании анализа законодательных актов, программ социально-экономического развития и отраслевых программ, выступлений руководителей страны мы

попытались проследить изменения стратегии государственной культурной политики в Беларуси и ее идеологической составляющей. Под стратегией в данном случае мы понимаем общие цели и принципы, приоритеты, задачи и способы их достижения.

Результаты исследования и их обсуждение. Первым законодательным актом, который определил общие контуры государственной культурной политики, стал Закон Республики Беларусь «О культуре в Республике Беларусь», принятый 4 июня 1991 года. Он был направлен среди прочего на «реализацию принципов идеологической и политической независимости культуры от общественно-политических структур, создание правовых условий для свободного саморазвития культурных процессов, обеспечение материальных и финансовых гарантий развития культуры», а также «социальную защиту работников культуры в условиях рыночных отношений» [1].

В качестве *приоритетов* культурной политики назывались возрождение и развитие белорусской национальной культуры и культур национальных сообществ Беларуси как составной части общечеловеческой культуры; формирование культурной среды, моральных начал, эстетических взглядов и вкусов народа и приобщения его к художественному творчеству, к гуманистическим ценностям культуры (ст. 2). Статья 19 закона декларировала создание государством условий для развития традиционной культуры.

Отдельная статья (ст. 8) определила *материально-финансовые приоритеты* в области развития культуры: возрождение, сохранение, развитие и распространение белорусской национальной культуры; создание и популяризация произведений искусства и литературы для детей, эстетическое образование и воспитание детей; популяризация классических произведений отечественного и мирового искусства и лучших образцов современной культуры; обеспечение развития культуры в сельской местности, расширение культурной инфраструктуры села.

Законом были определены основные *задачи* политики государства в сфере культуры: создание, сохранение, распространение и популяризация произведений материальной и духовной культуры, сохранение и передача культурных традиций, охрана исторических и культурных ценностей. Указывалось на необходимость соединения государственных и общественных начал в организации культурной деятельности.

В русле определенных законом «О культуре в Республике Беларусь» задач высказывались и первые лица государства. Так, 21 декабря 1992 года на встрече с представителями творческой интеллигенции в г. п. Мир Председатель Совета Министров Республики Беларусь В. Кебич отмечал, что первичная *задача* государства заключается в том, чтобы «вернуть народу духовные ценности и, прежде всего, ценности христианского учения, которое олицетворяло и олицетворяет национальную мораль и совесть белорусской нации». Духовной опорой народа Беларуси должны были стать *национальный патриотизм* в сочетании с *христианской благотворительностью и моралью*. Перед интеллигенцией была поставлена задача расширения круга национальных святынь в целях формирования национального сознания [2].

В те годы *культура рассматривалась как отрасль экономики*, в которой действуют те же экономические законы, что и везде. В кризисных условиях экономики в целом и сферы культуры в частности выход виделся только в коренном реформировании, сокращении сети бюджетных учреждений и убыточных предприятий культуры, переустройстве их в экономично свободные компании, акционерные, кооперативные и прочие, которые владели бы рациональными стратегиями коммерческо-предпринимательской деятельности, передовыми инновационными технологиями в сфере культуры [3].

В феврале 1993 года была принята отраслевая Программа действий по преодолению экономического кризиса в культуре на 1993—1994 годы. В ней были определены меры экономического, организационного и правового характера для решения задачи культурного развития общества. Сущность проблемы виделась в несоответствии (и даже противоречии) суще-

ствующих организационных форм культурной деятельности, инфраструктуры, материально-технического и кадрового обеспечения учреждений культуры характеру стихийного культурного самоопределения общества, новым методам и задачам государственной культурной политики [4, л. 36—41].

В программе отмечалось, что в переходный период к рыночной экономике государство в лице Министерства культуры объективно остается основным гарантом, который должен обеспечить всевозможную поддержку культурной деятельности. Основная задача государственной культурной политики в этот период виделась в сохранении культурного потенциала нации и контроле над изменениями, которые происходили в сфере культуры.

Право граждан на участие в культурной жизни в дальнейшем было гарантировано ст. 51 Конституции Республики Беларусь [5]. Основным закон закрепил ответственность государства за сохранение историко-культурного наследия, свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих в Республике Беларусь (ст. 15). Белорусский язык получил статус государственного (ст. 17), при этом каждому было гарантировано право пользоваться своим родным языком, выбирать язык общения, свободу выбора языка воспитания и обучения и право сохранять свою национальную принадлежность (ст. 50). Отмечалась обязанность каждого беречь национально-культурное наследие и другие культурные ценности (ст. 54).

Существенное влияние на стратегию государственной культурной политики в середине 1990-х оказали итоги референдума 1995 года. Решение о придании русскому языку статуса государственного наравне с белорусским, замена «националистических» государственных символов на немного скорректированные символы советской эпохи вызвали дискуссии о том, что такое национальная белорусская культура, какую роль в ней играет белорусский язык. В стране произошла существенная корректировка *культурно-идеологической составляющей* государственной политики. Постепенно сворачивается сфера употребления белорусского языка в публичном пространстве, все больше звучат высказывания о славянском братстве, критика идей национального возрождения. Так, на встрече Президента Республики Беларусь с представителями творческой интеллигенции страны 24 ноября 1995 года было отмечено: «Социальная справедливость, соборность, славянское братство — это наш выбор, наш путь, наша политическая философия!» [6]. По мнению Президента Республики Беларусь, агрессивный национализм наиболее проявил себя в духовной сфере. Он обвинил «радикально-националистические круги» в том, что они «смогли в значительной степени подмять под себя сферу культуры, искусства, журналистики» [6].

В кругах творческой интеллигенции ярко выраженным стал раздел во взглядах. Часть деятелей культуры и искусства поддержали новый политический курс А. Г. Лукашенко, а вторая часть стала более радикальной. В 1998 году писатель Павел Мисько так описывал новую ситуацию в среде писателей: «Идеям Возрождения, которые еще несколько лет назад вдохновляли и объединяли почти всех членов союза и которым они служили, много кто изменил». И это не случайно, так как «даже страна не имеет общенациональной идеи, блуждает с завязанными глазами» [7].

Значительное влияние на *идеологическую* составляющую культурной политики оказывал процесс политической интеграции Беларуси и России. В апреле 1997 года было подписано Соглашение о создании Союза Беларуси и России. Шло формирование исполнительных органов Союза, общего бюджета, разрабатывались первые союзные программы. Понятно, что все это сопровождалось значительной информационной поддержкой со стороны средств массовой информации. Во внешней культурной политике ярко выраженным стал российский вектор. Так, в 1998 году Дни культуры Беларуси прошли в пяти регионах России и г. Санкт-Петербург. В кругах белорусской интеллигенции эти процессы воспринимались неоднозначно. Некоторые деятели культуры и искусства видели в этом измену белорусских политиков, предвещали скорую потерю независимости Беларуси. Об этом писал Нил Гилевич (стихотво-

рение «Як прыгажэе ў свеце»), Анатолий Вертинский (стихотворение «Здарэнне з беларускім часам»), Геннадий Буравкин («Новыя вершы») [8, с. 247—250].

Постепенно возрождался давно известный принцип взаимоотношений власти с творческой интеллигенцией — материальная поддержка лояльных к власти деятелей. На встрече Президента Республики Беларусь с членами Рады Союза белорусских писателей 5 августа 1998 года было заявлено: «Поддержка со стороны государства, власти и Президента вам будет обеспечена на принципах взаимности» [9, с. 2].

Коррективы в практику реализации культурной политики вносили экономические процессы. В соответствии со ст. 13 Конституции Республики Беларусь всем субъектам гарантировались равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, и равная защита и условия для развития всех форм собственности. В соответствии с этим положением выстраивались отношения и в сфере культуры. В 1996 году первый заместитель Министра культуры Республики Беларусь В. Рылатко заявлял о равенстве всех субъектов культурной политики: театров, товариществ, национальных объединений, коммерческого менеджмента и т. д. «В культурной политике создание равных условий — одно из базовых оснований, по которым должна развиваться культура. Только развитие инициативы в культурной политике может принести результат», — подчеркивал чиновник [10, с. 5].

Однако в условиях экономического кризиса государство предприняло шаги по поддержке своих (т. е. государственных) учреждений культуры. Коммерческий сектор столкнулся с непредвиденными трудностями. В 1998 году было введено лицензирование гастрольно-концертной деятельности. От платы за лицензию были освобождены государственные филармонии, когда они занимались своей основной деятельностью в рамках устава.

Приоритет государственному сектору был отдан и в одобренной в конце 1999 года Концепции приоритетных направлений развития театрального дела на ближайший период [11]. В ней отмечалось, что основой сценического искусства на ближайшую перспективу будет являться государственный, репертуарный, с постоянной труппой театр. Такая позиция расходилась с принципами культурной деятельности, закрепленными в ст. 3 Закона Республики Беларусь «О культуре» 1991 года (плюрализм направлений и стилей в творчестве, отказ от монополизма в культуре). «В переходный период основную заботу по развитию культуры, укреплению духовных основ общества должно взять на себя государство. Национальной культуре не выжить без активного участия государства в ее судьбе», — отмечалось в послании Президента Республики Беларусь Национальному собранию в 1999 году [12, с. 2].

Новые цели государственной культурной политики были определены в Основных направлениях социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2010 года, принятых в 2000 году [13]. Среди них: существенное повышение уровня культурного обслуживания; внедрение новых моделей и типов учреждений культуры. В качестве одной из важнейших задач было определено интенсивное развитие *туристской инфраструктуры*. Ставилась задача шире вовлекать историко-культурные ценности страны в индустрию туристского бизнеса.

Положения данного программного документа вошли в утвержденную в 2001 году первую в истории независимой Беларуси Государственную программу в сфере культуры «Функционирование и развитие культуры Республики Беларусь до 2005 года» [14]. Документ определил **приоритеты** развития отрасли на ближайшие годы: сохранение фольклора; поддержка театров и кинематографии; развитие профессионального искусства; информатизация сферы культуры.

В начале 2000-х *патерналистские* позиции государства в отношении государственных учреждений культуры стали еще более заметными. Это нашло свое отражение в значительном увеличении роли бюджетного финансирования, усилении контроля государства за использованием бюджетных средств. В то же время позиция государства относительно творческой ин-

теллигенции изменилась в контексте рыночных отношений. С 2002 года творческие союзы начали существовать почти исключительно на общественных началах.

Важным событием в *идеологической составляющей* культурной политики стало утверждение в 2002 году нового Государственного гимна. Конкурс на его создание был объявлен еще в 1992 году. Но после нескольких продлений он был фактически прекращен. В феврале 2002 года Совет Министров объявил новый конкурс. На этот раз он прошел очень быстро и завершился в конце июня. Победителем стал измененный вариант текста гимна БССР (поэт В. Коризна переработал текст М. Климковича) с той же музыкой композитора Н. Соколовского. Такой выбор во многом был символическим. Власти фактически продемонстрировали преемственность традиций советской эпохи. Слова гимна не содержали никаких идей национального Возрождения. В то же время они подчеркивали патриотизм граждан Беларуси и дружбу между народами.

Начиная с 2003 года, в стране наблюдался значительный рост экономики, что позволило направить больше денег в отрасль культуры. В государстве продолжает выстраиваться идеологический фундамент общественно-политической жизни. На задачи и способы реализации культурной политики оказывает воздействие идеология построения в Беларуси социально ориентированной рыночной экономики и обоснование в 2003 году «белорусской модели развития» [15]. По мнению Президента Республики Беларусь, «марксистско-ленинская, консервативная, либеральная идеология в разной степени, но должны быть присущи нам» [16, с. 2]. В формировании государственной идеологии большое значение отводилось культуре. Президент поставил перед белорусской культурой задачу противостоять культурно-идеологической агрессии западного мира, создавать произведения, закладывающие духовную основу независимой государственности, воспитывающие высокие духовные качества гражданина независимой Беларуси. Прозвучал призыв к деятелям культуры и искусства создавать в своих произведениях светлые образы белорусских героев нашего времени, которым будет подражать молодежь, которые будут вдохновлять молодежь на созидание, на добрые дела [16, с. 2].

Президент дал указание восстановить в полном объеме в школах общественные организации. Этот шаг красноречиво свидетельствует о закреплении в концепции государственной идеологии доктрины преемственности традиций эпохи социализма. Правда, в нее были внесены существенные изменения. В качестве духовных опор белорусского народа были названы *церковь, семья и коллектив* [16, с. 2].

Указом Президента Республики Беларусь от 20 февраля 2004 года в органах исполнительной власти были созданы подразделения *идеологической работы*. Политическая борьба в стране требовала дальнейшей конкретизации принципов государственной культурной политики. Осудив еще в середине 1990-х понятие «национализм», власти активно стали использовать понятия «патриот» и «патриотизм». В то же время на самом высоком уровне было заявлено о необходимости примирить разделенное по политическим взглядам еще во второй половине 1990-х общество в целом и деятелей культуры в частности. Так, Глава государства высказался категорически против «разделения мастеров культуры на придворных, оппозиционных, правых, левых» [17].

В 2003 году Президент Республики Беларусь поручил усилить роль государственных концертных организаций в осуществлении гастрольно-концертного обслуживания населения, активизировать их гастрольно-концертную деятельность. Министр культуры дал следующее объяснение неравных условий для государственных и негосударственных субъектов, занимающихся концертным обслуживанием: «Необходимо создать самые доброжелательные условия для работы государственных концертных организаций» [18, л. 46].

В 2004 году закон «О культуре в Республике Беларусь» был принят в новой редакции. В нем появилась десятая статья, в части 2 которой были перечислены *цели* государственной политики в области культуры. Частично они повторили положения редакции 1991 года. Среди

новых: обеспечение и защита конституционного права каждого на участие в культурной жизни; содействие сохранению, развитию и распространению культуры на благо интересов человека и общества. Закон декларировал равенство субъектов культурной деятельности перед законом, недопустимость установления преимуществ и привилегий в области культуры, которые противоречат закону.

Что касается **приоритетных** направлений, то изменения были незначительные по содержанию, но многозначительные по смыслу. Если раньше стояла задача сохранения, развития и распространения белорусской национальной культуры, то сейчас добавилось «и языка». Если раньше говорилось о необходимости создания и популяризации произведений искусства и литературы только для детей, то теперь и для молодежи. Эти изменения можно рассматривать как попытку государства остановить негативные тенденции в отдельных сферах культуры. Фактически проблемное поле государственной культурной политики по сравнению с 1991 годом расширилось. Национальная культура значительно сдала свои позиции в обществе (особенно в части белорусского языка). Проблема чтения стала актуальной не только для детей, но и для молодежи. Кроме того, в новой редакции исчезло положение о расширении культурной инфраструктуры села.

Вторым значительным изменением в глобальных целях государства наряду с построением социально ориентированной рыночной экономики стало *формирование гражданского общества*. О важности культуры в формировании гражданского общества в Беларуси говорил А. Г. Лукашенко на совещании «О мерах по решению проблем развития культуры и искусства» в феврале 2001 года: «Развитие общественных институтов, создание общественных организаций и объединений — все это определяет современный образ Беларуси. В этих процессах наибольшую активность проявляет творческая интеллигенция» [19].

Важное изменение в **приоритетах** государственной политики в сфере культуры произошло в 2005 году. В послании Президента Национальному собранию целый раздел был посвящен туризму («Беларусь — страна туризма»). В качестве **стратегической задачи** было определено развитие *въездного туризма*. В том же документе широко рассмотрена сфера культуры (отдельный раздел «Культура — основа самобытности народа»). Был подчеркнут приоритет народной культуры, которая была названа «вечной ценностью и национальным достоянием». С высокой трибуны было озвучено намерение государства «поддерживать тех деятелей культуры и искусства, которые действительно занимаются творчеством» [20]. Эти слова послужили своеобразным посылом власти деятелям культуры и искусства — заниматься творчеством и не участвовать в политике.

В последующие годы были сделаны политические заявления Главы государства, которые внесли определенные коррективы в культурную политику. Так, в 2006 году было заявлено о развитии *государственно-частного партнерства в контексте гражданского общества*. Сама же культура рассматривалась как мощный фактор общественных преобразований, сфера, которая волевым решением или указанием сверху не развивается. Была определена и **новая задача** государства — формировать среду, благоприятную для творческого развития [21].

Несмотря на такое видение сферы культуры и деятеля культуры, власти в рамках модели государственного патернализма требовали конкретных результатов, которые бы оправдывали государственную поддержку. В условиях кризиса 2008—2010 годов была подчеркнута необходимость более эффективного использования государственных ресурсов на поддержку культуры и искусства, увязки финансирования с той идеологической и творческой отдачей, которую получает от них общество, поставлена задача формирования системы, способной увеличить приток внебюджетного инвестирования в культуру [22].

Заключение. В течение изучаемого периода основные цели государства в области культуры существенно не изменились. На протяжении всего периода государство оставалось глав-

ным субъектом культурной политики, гарантом сохранения и развития культуры. При этом приоритетные направления их реализации корректировались под воздействием социально-экономических процессов. Значительное влияние на культурные процессы оказало изменение политического вектора развития. Проведенный анализ позволяет нам выделить несколько этапов в развитии стратегии культурной политики в Республике Беларусь.

1991—1995 годы — национально-либеральный. В эти годы на формирование государственной культурной политики большое влияние оказывают процессы национального возрождения, строительства независимого государства, социально-экономической трансформации. Суровые условия кризиса, попытки построения рыночной экономики сделали популярными либеральные идеи. В сфере культуры это нашло отражение в реализации такой идеи, как равноправие и равенство всех субъектов культурной деятельности, значительном снижении степени участия государства в регулировании экономики, отказе от разнообразной государственной поддержки учреждений культуры и работников сферы.

1995—1999 годы — переходный. Принципы государственной культурной политики корректируются в соответствии с итогами референдума 1995 года. Происходит изменение основных философских составляющих политического курса страны (социальная справедливость, соборность, славянское братство), выстраивается политическая интеграция с Россией. Государство постепенно отходит от гарантированных Конституцией равных прав для всех субъектов независимо от формы собственности в осуществлении хозяйственной и иной деятельности. Заметными становятся патерналистские позиции государства в отношении государственных учреждений культуры. Создаются преференции и льготы для государственного сектора.

2000—2010 годы — патерналистский. На задачи и способы реализации культурной политики оказывает воздействие идеология построения в Беларуси социально ориентированной рыночной экономики и обоснование в 2003 году «белорусской модели развития». Государство выстраивает фундамент общественно-политической жизни на основе марксистско-ленинской, консервативной и либеральной идеологии. Активно используются понятия «патриот» и «патриотизм». Некоторая коррекция приоритетных направлений культурной политики свидетельствует о фактическом расширении ее проблемного поля. В качестве стратегической задачи было определено развитие въездного туризма. В глобальных целях государства наряду с построением социально ориентированной рыночной экономики стало формирование гражданского общества и развитие в его контексте государственно-частного партнерства.

Список цитируемых источников

1. О культуре в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 4 июня 1991 г., № 832-XII // Ведамасці Вярхоўн. Савета Беларус. ССР. — 1991. — № 20. — Арт. 291.
2. Экономика, нравственность, культура — столпы нашей государственности : выступление В. Ф. Кебича — Председателя Совета Министров Республики Беларусь на встрече с творческой интеллигенцией республики в г. п. Мир 21 декабря 1992 г. // Совет. Белоруссия. — 1992. — 23 дек. — С. 1.
3. Ширшов, И. Е. Прогностическая модель организационно-экономических преобразований отрасли культуры в Республике Беларусь / И. Е. Ширшов // Аператыўн. інфарм. па праблемах культуры і мастацтва. — 1994. — № 6. — С. 2—114.
4. Праграма дзеянняў па пераадоленню эканамічнага крызісу ў культуры на 1993—1994 гг. : зацв. загадам Міністра культуры Рэсп. Беларусь Вайтовіча Я. К. № 15 ад 15.02.1993 г. // Нац. архив Респ. Беларусь (НАРБ). — Ф. 974. Оп. 4. Д. 1.
5. Конституция Республики Беларусь 1994 года // Ведамасці Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь. — 1994. — № 9. — Ст. 144.
6. Подлинная культура всегда была элементом созидания, несущей конструкцией человеческого дома : тезисы выступления Президента Респ. Беларусь Лукашенко А. Г. на встрече с творч. интеллигенцией 24 нояб. 1995 г. // Совет. Белоруссия. — 1995. — 8 дек. — С. 2.

7. Што з'езд чарговы нам рыхтуе? // ЛіМ. — 1998. — № 14. — С. 3.
8. *Крывавай, Д. А.* Уплыў палітычных працэсаў у Беларусі на творчасць літаратараў (1991—2010) / Д. А. Крывавай // *Acta Albarguthenica*. — 2016. — Т. 16. — С. 235—260.
9. Президент — писатели: диалог во имя Беларуси : стенограмма встречи А. Г. Лукашенко с членами Рады Союза белорус. писателей 5 авг. 1998 г. // Совет. Белоруссия. — 1998. — 16 сент. — С. 1—4.
10. *Рылатка, У. П.* Некаторыя пытанні культурнай палітыкі на сучасным этапе / У. П. Рылатка // Чалавек. Культура. Эканоміка : матэрыялы навук. канф., Мінск, 21—22 ліст. 1996 г. / навук. рэд. А. Я. Міхневіч ; Беларус. ін-т праблем культуры. — Мінск : БелППК, 1997. — С. 3—8.
11. Канцэпцыя прыярытэтных накірункаў развіцця тэатральнай справы на бліжэйшы перыяд // Нац. архив Респ. Беларусь (НАРБ). — Ф. 974. Оп. 4. Д. 284. Л. 38—44.
12. *Лукашенко, А. Г.* Послание Президента Национальному собранию / А. Г. Лукашенко // Совет. Белоруссия. — 1999. — С. 1—3.
13. Об утверждении основных направлений социально-экономического развития Республики Беларусь : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 3 апр. 2000 г., № 445 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2000. — № 34. — 5/2914.
14. Государственная программа «Функционирование и развитие культуры Республики Беларусь до 2005 года» / под науч. ред. В. П. Скороходова. — Минск : БелГИПК, 2002. — 70 с.
15. Выступление Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на итоговом пленарном заседании постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов 22 марта 2002 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vystuplenie-prezidenta-respubliki-belarus-ag-lukashenko-na-itogovom-plenarnom-zasedanii-postojanno-5783 . — Дата доступа: 30.10.2018.
16. *Лукашенко, А. Г.* Сильная и процветающая Беларусь должна иметь прочный идеологический фундамент / А. Г. Лукашенко // Нар. газ. — 2003. — 29 марта. — С. 1—3.
17. Состоялась встреча Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко с представителями творческой интеллигенции [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20040313132353/http://www.president.gov.by/rus/president/news/archive/december2003/15-21/> . — Дата доступа: 28.03.2018.
18. Об итогах работы организаций Министерства культуры в 2003 году и задачах на 2004 год : доклад Министра культуры Респ. Беларусь Л. П. Гуляко // Нац. архив Респ. Беларусь (НАРБ). — Ф. 974. Оп. 4. Д. 886. Л. 42—70.
19. *Лукашенко, А. Г.* Выступление на совещании «О мерах по решению проблем развития культуры и искусства» 1 февраля 2001 г. [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. — 2001. — Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20130213150724/http://www.president.gov.by/press10266.html> . — Дата доступа: 08.11.2018.
20. Обращение Президента Республики Беларусь А. Лукашенко с посланием белорусскому народу и Национальному собранию [Электронный ресурс]. — 19.04.2005. — Режим доступа: <http://www.president.gov.by/press13483.html#doc/> . — Дата доступа: 08.11.2018.
21. Ежегодное послание Президента Беларуси белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — 30.04.2008. — Режим доступа: <http://www.president.gov.by/press57289.html#doc> . — Дата доступа: 20.10.2018.
22. Послание Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию [Электронный ресурс]. — 21.04.2010. — Режим доступа: <http://www.president.gov.by/press10256.html> . — Дата доступа: 20.10.2018.

Поступила в редакцию 19.11.2018

УДК 930.1

Т. Т. Кручковский

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
Министерство образования Республики Беларусь, ул. Ожешко, 22, 230023 Гродно, Республика Беларусь,
+375 (152) 730 392, tkruczkowski@yahoo.com

РЕФОРМАЦИЯ В ПОЛЬШЕ В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Рассмотрена проблематика исследования истории Реформации в Польше в оценке русской историографии второй половины XIX — начала XX века. Показаны основные оценочные позиции по данной проблематике и их отличия в русской либеральной и консервативной традиции. Определено, что данная проблематика не являлась приоритетной для русской науки. Исследования русских историков истории реформационного движения в Польше касались, прежде всего, последствий этого явления для собственно Польши и русских православных территорий Литвы.

Ключевые слова: русская историческая полонистика; Польша; Литва; русские православные земли Литвы; Реформация.

Библиогр.: 40 назв.

T. T. Kruczkowski

Yanka Kupala State University of Grodno, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 22 Ozheshko Str.,
230023 Grodno, the Republic of Belarus, +375 (152) 730 392, tkruczkowski@yahoo.com

THE REFORMATION IN POLAND IN THE ASSESSMENT OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE SECOND HALF OF THE 19TH — EARLY 20TH CENTURY

The problems of studying the history of the reformation in Poland in the assessment of Russian historiography of the second half of the XIX — beginning of the XX century are considered. The main evaluation positions on this issue and their differences in the Russian liberal and conservative tradition are shown. It was determined that this issue was not a priority for the Russian research. Studies by Russian historians of the history of the reform movement in Poland dealt primarily with the consequences of this phenomenon for Poland itself and the Russian Orthodox territories of Lithuania.

Key words: Russian historical polonistics; Poland; Lithuania; Russian orthodox lands of Lithuania; reformation.

Ref.: 40 titles.

Введение. В историографическом плане заявленная тематика отдельно не изучалась. Ряд ее проблем затрагивались косвенно современной польской (Ю. Бардах [1], К. Блаховска [2; 3]) и русскоязычной историографией (Т. Т. Кручковский [4—7], Л. М. Аржакова [8—10]). В данном контексте комплексного историографического изучения заявленная проблематика исследуется впервые.

История реформационного движения и его поражения в Польше являлась для русской историографии исследуемого периода новой проблемой, за разработку которой она взялась во второй половине XIX века. XVI век — время реформационного движения и начала Контрреформации в Польше — считался в русской исторической науке как либерального, так и консервативного направления временем резкого перелома, изменения направления общественного развития страны. Н. И. Кареев утверждал (вслед за польским историком А. Павинским), что Польша в тот период стояла перед выбором пути развития: король мог взять власть в свои руки через реформационное движение, так как политическая власть шляхты находилась в ста-

дии становления. «XVI век был поворотным в польской истории, — писал далее он, — когда после некоторого колебания польская нация определила свой путь, приведший общество к культурному застою, а государство к разделам» [11, с. 31].

Методология исследования. В статье поставлена цель — рассмотреть основные оценочные подходы к истории Реформации в Польше в русской историографии второй половины XIX — начала XX века. Выделены два основных оценочных подхода к заявленной проблематике — либеральная и консервативная традиции. Определено, что данная проблематика не являлась приоритетной для русской исторической науки исследуемого периода. Исследования русских историков истории реформационного движения в Польше касались, прежде всего, последствий этого явления для собственно Польши и русских православных территорий Литвы.

Автор для передачи специфики оценочных подходов русской исторической науки рассматриваемого периода использует названия государственной принадлежности территорий, употребляемые в дореволюционной российской историографии. Польша и ВКЛ после Кревской унии, Речь Посполитая определялись в ней как польско-литовская государственность или чаще всего как Польша. Территории Беларуси и Украины понимались в ней как западно-русские православные земли, православные земли ВКЛ или, говоря современной российской терминологией, как часть русского мира.

Результаты исследования и их обсуждение. Разработка и оценки проблематики реформационного движения в Польше в русской историографии второй половины XIX — начала XX века основывались, с одной стороны, как на общих положениях русских историков первой половины XIX века (Н. М. Карамзин, Н. Г. Устрялов, М. П. Погодин) в отношении к католической Польше в целом, так и католичеству на православных землях ВКЛ в частности; с другой стороны, на исследованиях современной ей польской историографии проблематики (В. Закшевски, Ю. Шуйски, М. Бобжиньски, А. Павиньски). Новым явлением для российской историографии заявленной проблематики в этот период, в отличие от первой половины XIX века, являлось широкое использование польской и западно-европейской источниковой базы (прежде всего — Н. Н. Любович и П. Н. Жукович), а также положений западной и польской историографии данной тематики (Н. И. Кареев).

Общим положением для русской науки второй половины XIX — начала XX века было определение отношений в Речи Посполитой между православием и католичеством, унаследованное от русской историографии первой половины XIX века как постоянного религиозного противостояния. Основали эту традицию еще Н. И. Карамзин и Н. Г. Устрялов, главным критерием было отношение к католичеству. Так, говоря о том, что постоянно в Польском королевстве преследовалось православие, академик Н. Г. Устрялов заявлял, что «иго польское было тягостнее татарского» [12, с. 19].

Главным событием, благодаря которому ВКЛ было окончательно подчинено Польше, а православная церковь — Риму, по мнению Н. Г. Устрялова, была церковная уния. Одной из главных причин этой унии была ее всесторонняя поддержка польским королем Сигизмундом III, а также деятельность иезуитов, основной целью которых было «распространить папскую власть во всех концах мира» [12, с. 26]. Исходя из такой традиции, также и наиболее известным русским либеральным историком второй половины XIX века С. М. Соловьевым отношения католичества и православия в Речи Посполитой и ВКЛ были интерпретированы изначально как враждебные: «православная церковь в Литве имела мучеников при Ягайле» [13, с. 293]. Развивая положение о конфессиональном вопросе как главной причине борьбы православных с польско-литовской государственностью, С. М. Соловьев утверждал: «Подобные попытки имели следствием народную вражду и стремление русских людей оторваться от польско-литовского союза и присоединиться к единой Восточной России» [14, с. 358].

Точка зрения Н. Г. Устрялова на роль католичества в ВКЛ впоследствии была принята в российской консервативной историографии XIX — начала XX века (Д. И. Иловайский, П. Д. Брянцев, М. О. Коялович). В либеральной историографии второй половины XIX — начала XX века, хотя в основном и принималось это положение, однако основное внимание обращалось на последствия реформационного движения для Польши и ВКЛ (В. О. Ключевский, Н. И. Кареев).

Реформация рассматривается русской исторической наукой второй половины XIX — начала XX века в тесной связи с другими важнейшими событиями XVI века для Польши: Люблинской унией как завершением длительного процесса интеграции Польши и ВКЛ, Брестской церковной унией и формированием оригинального шляхетского государственного устройства польско-литовского государства, а также с точки зрения общеевропейской истории того периода.

Так, Н. И. Кареев интерес русской историографии к истории реформационного движения в Польше объяснял не только тем, что часть русских земель в это время находилась в составе Речи Посполитой, но и с точки зрения всемирной истории. Историк отмечал, что польская Реформация представляет интерес не меньший, нежели французская. «Достаточно указать, — писал он, хотя бы на развитие в Польше антитринитарских учений, этого “крайне левого” течения в протестантизме XVI века» [11, с. 32]. Оригинальный характер польской Реформации и ее связь с европейской Реформацией отмечал также и Н. Н. Любович [15, с. 1].

При исследовании истории польского реформационного движения русская историческая наука основывалась как на собственных источниковых исследованиях (в первую очередь Н. Н. Любовича, работавшего над поиском документов в архивах Москвы, Петербурга, Варшавы, Парижа, Ватикана, а также отчасти П. Н. Жуковича), так и на уже опубликованных источниках и результатах исследований польской историографии (Н. И. Кареев, П. Н. Жукович), давая им собственную интерпретацию в соответствии со своими взглядами на данную проблему.

Большое влияние в таких условиях на достижения русской исторической науки оказала степень разработки данной проблематики в польской историографии. Она была, как отмечает В. Закшевски — один из исследователей истории Реформации, в начальной стадии разработки [16, с. 1]. Сам В. Закшевски, исследуя данную тематику, обращал особое внимание на политическую сторону Реформации. Вышедший позже труд Ю. Шуйского по истории Реформации освещал ее с культурологической точки зрения, рассматривая ее как феномен истории культуры Западной Европы и Польши XVI века [17, с. 6]. М. Бобжиньски, сторонник сильного государственного устройства, написавший историю Польши как историю государства, и Реформацию рассматривал с этой точки зрения, оценивая период Реформации как упущенную возможность усиления центральной власти в Польше XVI века [18].

Хотя такие подходы подвергались критике в русской историографии за их односторонность [11, с. 17], но анализ историографической практики доказывает влияние этих трудов на русскую историческую науку (особенно это заметно у Н. И. Кареева). П. Н. Жукович, давая обзор польской историографии реформационного движения, отмечал заслуги В. Закшевского и Ю. Шуйского [19, с. 114—115]. По мнению Н. И. Кареева, достижения польской науки в данной проблематике связаны с именами В. Закшевского и М. Бобжиньского [11, с. 13—17]. Особенно импонировали Н. И. Карееву оценки Реформации и ее последствий для истории Польши М. Бобжиньского, что отразилось в целом на его оценочных подходах к польской Реформации в области политического развития Польши.

По истории реформационного движения в Польше в российской историографии второй половины XIX века имеется ряд специальных исследований Н. Н. Любовича [15; 20—22], П. Н. Жуковича [19], Н. И. Кареева [11; 23; 24]. В определенной степени Н. И. Кареев касался данной проблематики и в своем II томе «История Западной Европы в новое время» [25], а также во «Введении в историю нового времени» [26]. Проблема Реформации в Польше осве-

шалась в той или иной степени в трудах П. Д. Брянцева, Д. И. Иловайского, М. О. Кояловича, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, А. С. Трачевского, Ф. М. Уманца и других, посвященных истории Польши или России. История Реформации в таких трудах носит второстепенный характер, являясь сравнительным фоном, или носила характер определенной оценки Речи Посполитой. При этом следует отметить, что в большинстве своем они носят компилятивный характер оценки тех или иных моментов польской Реформации. Например, Д. И. Иловайский и П. Д. Брянцев ссылаются и почти полностью повторяют ряд консервативных выводов Н. Н. Любовича [4].

Реформация рассматривалась в русской либеральной историографии вслед за европейской и польской как сложное религиозное и общественное движение в жизни Европы XVI века, направленное против засилья католической церкви при переходе от Средневековья к Новому времени. А. С. Трачевский отмечал, что в Польше в период Реформации, как и у всех, была задача широкого культурного значения — великая задача просвещения [27, с. 25]. За исключением Н. И. Кареева и отчасти Н. Н. Любовича и П. Н. Жуковича, никто в российской историографии не пытался самостоятельно осмыслить характер и особенности этого сложного культурно-общественного явления, имеющего огромные последствия не только в области религии, культуры, но и оказавшего огромное влияние в сфере политики, экономики. Это связано и с тем, что русские историки-отечественники в основном отличались поверхностным знанием всеобщей истории, все они в данном случае, за исключением Н. Н. Любовича и Н. И. Кареева, были историками-отечественниками. В свою очередь Н. Н. Любович по причине своего методологического кредо не стремился к широким историческим обобщениям [4].

В наиболее разработанном виде концепция характера Реформации и ее польского варианта имеется у Н. И. Кареева. Определенные шаги в этом направлении были сделаны также Н. Н. Любовичем и П. Н. Жуковичем. Реформацию Н. И. Кареев рассматривал как чисто западно-европейское явление, уходящее корнями в особенности западно-европейского Средневековья: дуализм светского и церковных начал (феодализм и католичество), где первое стремилось к отдельной государственности и национальной обособленности, а второе — космополитическому объединению вокруг Рима христианских народов. По мнению историка, Западная Европа в Средневековье была обособленным целым от остального мира. Выражением единства этого римско-германского мира было папство и империя. Именно католицизм и феодализм, по Н. И. Карееву, представляли собой два выдающихся явления Средневековья. Католицизм объединял народы Европы в одно целое, давал цельное мировоззрение [26, с. 45]. Средневековый католицизм, считал он, был цельной системой, налагал свои рамки на всю культуру и социальный организм средневековых народов. «Его универсализм, — продолжал ученый, — отрицал национальность, его теократическая идея давила государство, его клерикализм, создавший духовенству привилегированное положение в обществе, подчинял его опеке светские сословия» [11, с. 34].

Исходя из своей методологической концепции о том, что личность, ее развитие являются основным двигателем исторического процесса и критерием прогресса, ученый и рассматривал Реформацию. Реформация, по Н. И. Карееву, — это изменения в духовной и культурной жизни общества, это целый поворот в мировоззрении западно-европейских народов, который был обусловлен новыми потребностями личности и новыми политическими идеями, которые стали оказывать влияние на фактические отношения государства и общества [28, с. 228]. «Поэтому, — писал Н. И. Кареев, — следует считать Реформацию антикатолическим движением» [29, с. 26]. Именно эту сторону Реформации подчеркивала чаще всего российская историография (С. М. Соловьев, М. О. Коялович, П. Д. Брянцев, Д. И. Иловайский и др.). В отличие от Н. И. Кареева, считавшего данную особенность характерной чертой реформационного движения во всей Западной Европе, как реакцию на засилье католической церкви в эпоху Средневековья, вышеназванные историки делали упор на несоответствие, по их мнению, католичества

славянской душе польского народа. Объясняется это как влиянием славянофильской традиции рассматривать гусизм и Реформацию в славянских странах как попытку возвращения к православию, так и общим негативным отношением к католицизму.

В позитивистском русле объяснения причин Реформации как комплекса равнозначных духовных, политических, экономических причин, где в каждой стране выступают свои определяющие причины, подходила русская позитивистская историография к проблеме польской Реформации (Н. Н. Любович, Н. И. Кареев). Все же в этом подходе имеются существенные отличия. Если Н. И. Кареев выдвигал в отношении причин и характера реформационного движения комплекс религиозно-политических, нравственных причин, считая в отношении Польши главными идеологические, политические, то Н. Н. Любович считал главными в Реформации экономические причины. Эта идея была сформулирована историком еще до начала его разработки истории польской Реформации [30, с. 6]. В отношении польского варианта Реформации Н. Н. Любович замечал, что в ней религиозные мотивы играли далеко не первую роль, и «в сущности под покровом религии совершается часто революция совершенно иного характера и религия служит ей только знаменем» [15, с. 1].

Исходя из положения о том, что основанием наиболее крупных исторических движений является создание моральных принципов и экономических интересов, Н. И. Кареев подходил к определению характера и причин европейской Реформации и ее особенностей в Польше как частного варианта. В Реформации, полагал Н. И. Кареев, религиозный протест имел нравственную подкладку, став выразителем общественных интересов, были ли то интересы узкосословные (как в Польше и Франции) или интересы общенародные (как в Германии) [29, с. 553]. Данное положение Н. И. Кареева было принято впоследствии известными русскими историками А. Л. Погодиным и М. К. Любавским [4].

По мнению Н. И. Кареева, если во все европейские страны реформационное движение пришло сверху (через короля) или снизу (через народные массы), то в Польшу и Францию ни сверху, ни снизу, а посредством шляхетского сословия [29, с. 278]. Реформация быстро добилась в Польше значительных успехов, что объяснялось, по мнению Н. И. Кареева, слабостью оказанного ему сопротивления католической церковью [11, с. 55]. Поразительный успех Реформации в Польше отмечался всей русской историографией, объясняется это как слабым сопротивлением католической церкви, так и идеями веротерпимости, господствующими в польском обществе, отсутствием фанатизма (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Н. И. Кареев, Ф. М. Уманец).

Само реформационное движение С. М. Соловьев не исследовал, но представил его глобальные последствия [14, с. 359]. Он считал, что Реформация в Польше привела к совершенно противоположным последствиям: с одной стороны, она вызвала ослабление католической воинственности и возможность присоединения русских земель; с другой — «на помощь католицизму явились иезуиты, раздули фанатизм в католиках; борьбой с протестантизмом не ограничились, начата была борьба с православием» [31, с. 594]. В. О. Ключевский, как и С. М. Соловьев, увидели возможность Люблинской унии только как результата ослабления католической пропаганды в период Реформации [32, с. 92].

В. О. Ключевский также не занимался исследованием истории Реформации и в интерпретации ее следовал за традициями русской науки. В отличие от исследователей польской Реформации (Н. Н. Любович, Н. И. Кареев, П. Н. Жукович), он считал, что польская католическая церковь сохраняла верность своим идеям. «Она склонила правительство, — писал он, — издать постановление, грозившее конфискацией имущества и вечным изгнанием всякому, кто будет ввозить, продавать и распространять в Польше сочинения Лютера» [32, с. 93]. Однако далее, рассматривая эту тематику, В. О. Ключевский выдвигал положения, не отвечающие этому его исходному тезису. Так, говоря о политике польского правительства, историк, противореча своим положениям, писал о религиозной терпимости Ягеллонов: «Последние Ягел-

лоны <...> были равнодушны к религиозной борьбе» [32, с. 94]. Протестантизм, утверждал ученый, и подготовил унию: «С ослаблением католической пропаганды <...> православное население Литвы перестало относиться боязливо или враждебно к польскому правительству. Этот поворот в народном настроении и сделал возможным продолжение политической унии Литвы с Польшей» [32, с. 95].

Противоречиво в российской историографии решался вопрос о социальных слоях в Польше, поддерживающих идеи Реформации. «В силу ряда особенностей действительности, — отмечал П. Н. Жукович, — Реформация в Польше получила исключительно шляхетский характер» [19, с. 87]. По мнению же Н. И. Кареева, Реформация охватила только магнатию и состоятельную шляхту. Н. Н. Любавич считал, что Реформацию приняла только шляхта, но не магнатирия. Ф. М. Уманец выдвигал положение о том, что сторонниками Реформации были в основном магнаты, обосновывая это положение тем, что для принятия протестантизма требовался определенный уровень развития. В умственном же плане, считал он, аристократия далеко опередила шляхту, и именно ее большинство приняло Реформацию [33, с. 143].

«В результате особенностей Польши того периода, — писал Н. И. Кареев, — Реформация распространилась исключительно среди одного сословия — шляхты». В этом отношении, считал он, Польша оказалась в сходной ситуации с Францией. «Протестантизм, — писал далее ученый, — связывал свои вождедения в обеих странах с дворянством, но во Франции это вылилось в антимонархические тенденции дворянства, а в Польше — антиклерикальные. Общей особенностью Польши и Франции было то, что в этих странах король и народные массы остались католическими» [11, с. 79]. Польская шляхта приняла Реформацию в основном в форме кальвинизма: он импонировал ее аристократическо-республиканским устремлениям, допущением к управлению светского элемента. «Но в польском кальвинизме, — утверждал Н. И. Кареев, — не было присущей ему религиозной ревности, из-за отсутствия в Польше вообще в то время религиозного фанатизма» [11, с. 55]. Однако впоследствии, считал Н. И. Кареев вслед за своим учителем В. И. Герье [34], это привело к победе католической реакции и ликвидации в стране религиозной свободы [11].

Крестьянство, утверждал П. Н. Жукович, из-за своей забитости, темноты и бесправия не могло принять участия в Реформации, его вера определялась верой господ [19, с. 90]. Положение о том, что крестьянство и значительная часть горожан остались в стороне от Реформации, являлось общим для русской исторической науки второй половины XIX века. Оказалось оно и в арсенале историков следующего поколения (А. Л. Погодин, М. К. Любавский, Н. В. Ястребов) [4].

Наступление периода католической реакции в русской историографии обычно связывается с приходом в Польшу и ВКЛ иезуитов и началом их деятельности. Здесь явно сказалось влияние В. Закшевского, определившего приход иезуитов и бескорольеве в Речи Посполитой как начало Контрреформации. Так, П. Н. Жукович считал началом католической реакции приход иезуитов и смерть Сигизмунда Августа [19, с. 411]. Н. И. Кареев берет за точку отсчета время, когда прекратилось наступление Реформации, связывая его с периодом бескорольевий (1572, 1575) и началом наступления католической реакции [11, с. 172]. Вместе с тем оба русских историка подчеркивали, что религиозная свобода для правящего сословия еще осталась. Победу католической реакции и ликвидацию религиозных свобод П. Н. Жукович связывал с деятельностью иезуитов и относил ко времени Сигизмунда III.

Как русская, так и польская историография единодушно отмечали, что в польских условиях Контрреформация должна была в силу уже указанных причин действовать совершенно другими методами, чем в Западной Европе. П. Н. Жукович писал, что польская веротерпимость заставила иезуитов менять свои методы, здесь они должны были перевоспитывать новое молодое поколение шляхты [19, с. 509]. «Иезуиты, — указывал В. И. Герье, — вели свою

деятельность всегда способами, наилучше отвечающими достижению цели, в данном случае, в Польше через образование» [34, с. 49]. Н. И. Кареев также отмечал, что в таких условиях иезуитам пришлось бороться с протестантизмом без инквизиции и костров и делать основную ставку на перевоспитание молодого поколения. Иезуиты начали с образования, так как оно отставало в Польше, а среди шляхетской молодежи было много желающих учиться. «В этом плане, — говорил Н. И. Кареев, — им удалось добиться поразительных результатов: молодое поколение шляхты польской выросло религиозным, многие дети приезжали в Рим замаливать свои грехи и грехи своих отцов» [11, с. 164]. Эта же особенность признавалась и Н. Н. Любичем, который отмечал, что «такой переворот, тем более поразителен, что он совершался вполне мирным путем, почти без всяческих ужасных насилий, как повсюду в Западной Европе» [22, с. 27].

Одним из последствий польской Реформации, отмечаемым в русской историографии, являлось влияние ее на православные земли Речи Посполитой (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, М. О. Коялович, Ф. М. Уманец, П. Д. Брянцев и др.). Реформация, по мнению В. О. Ключевского, не коснулась Восточной Европы в смысле религиозно-нравственных последствий, но оказала огромное влияние на международные отношения [32, с. 92]. Достигнув Польши и быстро овладев ее обществом, говорил В. О. Ключевский, протестантизм ослабил энергию католической пропаганды среди Литовской Руси. «С ослаблением католической пропаганды, которую поддерживали прежние короли, — писал В. О. Ключевский, — православное население Литвы перестало относиться боязненно или враждебно к польскому правительству». «И этот поворот, — согласно В. О. Ключевскому, — в народном настроении, и сделал возможным продолжение унии Литвы с Польшей» [32, с. 94].

Как видно, обоснование возможности политической унии Польши и Литвы через влияние Реформации у известных русских либеральных историков испытало на себе влияние славянофильской теории об извечной и непримиримой борьбе православия и католичества. В такой оценке отношений Польши и Литвы заметно также влияние фундаментальных идей российской полонистики консервативного толка, когда взаимовлияние католической и православной культур, противоборство церквей на русских землях рассматриваются исключительно в категориях цивилизационной или религиозной борьбы Польши и Москвы за западные русские земли.

М. О. Коялович, Д. И. Иловайский, П. Д. Брянцев отмечали определенное распространение Реформации и в русских землях ВКЛ. Реформация, считал М. О. Коялович, распространилась в Литве еще быстрее, чем в Польше, так как католичество в Литве было введено насильственно [35, с. 193]. В то же время для православия, утверждал церковный историк, протестантизм не был особенно опасным. Это было связано, по его мнению, с тем, что православие, в отличие от католичества, сохранило у себя чистоту христианства, их общим врагом было католичество. Похожую точку зрения высказывал и либеральный историк С. М. Соловьев [36].

Распространение Реформации в ВКЛ М. О. Коялович рассматривал также под углом возможности уничтожения католичества и возможности соединения ВКЛ и России [35, с. 188]. Но, как утверждал он, эта возможность не осуществилась из-за рационалистического характера протестантизма и быстро наступившей католической реакции, вернувшей протестантов в католичество, а также начавшегося перехода высшего сословия русского общества в католичество. «Над Литвой, — писал М. О. Коялович, — витал злой дух и подстерегал малейшие проявления ее самобытности» [35, с. 193].

Введение церковной унии 1596 года рассматривается в русской историографии либерального направления (Н. И. Кареев, А. Н. Пыпин) как результат победы в Польше католической реакции [4]. Консервативная историография (Н. Н. Любич, М. О. Коялович, П. Д. Брянцев, Д. И. Иловайский и др.) считала католическую реакцию постоянно действующим явлением, приостановленным лишь на недолгий период Реформации этим движением.

Исключение здесь составлял лишь П. Н. Жукович, оценки которого близки и позициям либеральной историографии. Общим и для либералов, и консерваторов было положение о католической реакции и экспансии на русские земли в составе Речи Посполитой в XVII—XVIII веках. Н. И. Кареев, как и В. О. Ключевский, отмечал, что только победившая католическая реакция пошла на осуществление церковной унии, считая, что раньше этот вопрос не ставился и не мог ставиться из-за религиозной толерантности, господствующей в обществе [4; 36]. Более того, известный либерал и полонифил Н. И. Кареев рассматривал победу католической реакции в Польше и введение Брестской церковной унии вслед за консервативной традицией в российской историографии как одну из важнейших причин будущего падения Польши [37].

Большинство русских историков обращало внимание только на одну сторону последствий Реформации на религиозные отношения в Речи Посполитой: на переход посредством протестантизма православных в католичество, на полонизацию через Реформацию высшего слоя русского общества. Ф. М. Уманец и Н. Н. Любович отмечали и ее другую сторону: усиление через протестантизм сепаратных настроений в Пруссии и ее германизацию. Н. Н. Любович считал, что герцог Альбрехт, секуляризируя Орден через введение протестантизма, прекрасно понимал, что это дает возможность усилить онемечивание населения [20, с. 177]. Но, как верно отмечал Ф. М. Уманец, этот сепаратизм сдерживался до тех пор, пока в Польше господствовала веротерпимость и Польша оставалась верна первоначальным идеям Люблинской унии [33, с. 80]. В подтверждение своего положения Ф. М. Уманец ссылался на мнение известного немецкого консервативного историка Л. Ранке, считавшего, что только секуляризация Ордена сохранила для Германии Пруссию, так как Орден уже не мог сопротивляться усилившейся полонизации [38]. Подобное мнение, также со ссылкой на мнение Л. Ранке, высказывал и С. М. Соловьев [39]. С. М. Соловьев рассматривал, как и Л. Ранке, как одно из последствий поражение Реформации в Польше, обострение польско-германских отношений и их как одну из причин падения Речи Посполитой [40, с. 6—7].

Заключение. В исследовании выявлена источниковая база и концептуальные подходы русской историографии исследуемого периода к изучаемой тематике Реформации в Польше. Определено, что русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века (Н. И. Кареев, А. Л. Погодин) в изучении заявленной проблематики шла как за исследованиями польских историков (В. Закшевски, Ю. Шуйски, М. Бобжиньски, А. Павиньски), так и выдвигала собственные концепции этого явления (Н. Н. Любович, П. Н. Жукович, М. О. Коялович и др.). Разработка данной проблематики на основании собственных исследований источниковой базы характерна, прежде всего, для Н. Н. Любовича и П. Н. Жуковича. Исследования Н. И. Кареева основывались на опубликованной источниковой базе рассматриваемой тематики, прежде всего польских историков.

Установлено, что проблема Реформации в Речи Посполитой и православных землях ВКЛ не была приоритетной для российской историографии исследуемого периода. Выделены два основных оценочных подхода к заявленной проблематике — либеральная и консервативная традиции. Определено, что данная проблематика не являлась приоритетной для русской исторической науки исследуемого периода. Собственно изучением этого явления занялась небольшая группа историков (Н. Н. Любович, Н. И. Кареев, П. Н. Жукович). Для большинства историков интересны были только последствия этого движения, причем в первую очередь с точки зрения влияния на православные земли Речи Посполитой.

Реформация в Польше рассматривается русской исторической наукой второй половины XIX — начала XX века в тесной связи с другими важнейшими событиями XVI века в истории Польши: Люблинской унией как завершением длительного процесса интеграции Польши и ВКЛ (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, М. О. Коялович, Д. И. Иловайский и др.), Брестской

церковной унией как процессом католизации православного населения на территориях ВКЛ (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Н. И. Кареев, М. О. Коялович, П. Н. Жукович, Н. Н. Любавич и др.) и формированием оригинального шляхетского государственного устройства Речи Посполитой (Н. И. Кареев, П. Н. Жукович, А. Л. Погодин). Новым явлением для русской историографии рассматриваемого периода в отношении заявленной тематики было ее рассмотрение также с точки зрения общеевропейской истории того периода (Н. И. Кареев, С. М. Соловьев, Н. Н. Любавич).

Следует отметить, что проблема Реформации в польско-литовской государственности в русской исторической науке исследуемого периода рассматривалась преимущественно в отношении территорий собственно Польши. В отношении православных земель ВКЛ рассматривалась в основном не сама проблематика реформационного движения и ее особенности и специфика, а, прежде всего, ее последствия для русских православных земель.

Список цитируемых источников

1. *Bardach, J.* Problematyka polska w liberalnej historiografii rosyjskiej schyłku XIX — początku XX wieku: N. I. Kariejew / J. Bardach // *Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX i XX wieku.* — Warszawa, 1980. — S. 104—154.
2. *Włachowska, K.* Narodziny Imperium: Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku / K. Włachowska. — Warszawa : Wydawnictwo Neriton, 2001. — 350 s.
3. *Włachowska, K.* Wiele historii jednego państwa. Obraz dziejów Wielkiego księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX wieku / K. Włachowska. — Warszawa : Wydawnictwo Neriton, 2009. — 410 s.
4. *Кручковский, Т. Т.* Польская проблематика в русской историографии II пол. XIX века / Т. Т. Кручковский. — Гродно, 1994. — 198 с. (Наш радавод, кн. 6, ч. II.).
5. *Кручковский, Т. Т.* Н. И. Кареев о цивилизационном выборе польского народа в средневековье / Т. Т. Кручковский // *Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1 : Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія.* — 2010. — № 1. — С. 78—86.
6. *Кручковский, Т. Т.* Причины образования польского шляхетского государственного устройства в оценке русской историографии XIX — начала XX веков / Т. Т. Кручковский // *Вестн. БарГУ. Сер. 2. Исторические науки и археология. Юридические науки.* — 2013. — Вып. 1. — С. 33—39.
7. *Кручковский, Т. Т.* Проблема цивилизационного выбора Польши и его последствия в оценке русской историографии XIX — начала XX вв. / Т. Т. Кручковский // *История Польши в историографической традиции XIX — начала XXI вв. : материалы Междунар. науч. конф., Гродно, 29—30 окт. 2009 г.* — Гродно, 2011. — С. 24—35.
8. *Аржакова, Л. М.* Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке / Л. М. Аржакова. — СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2010. — 343 с.
9. *Аржакова, Л. М.* Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века / Л. М. Аржакова. — СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2014. — 543 с.
10. *Аржакова, Л. М.* Н. И. Кареев и его интерпретация причин падения Речи Посполитой / Л. М. Аржакова // *Вестн. СПбГУ. Сер. 2 : История.* — 2010. — № 3. — С. 36—45.
11. *Кареев, Н. И.* Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше / Н. И. Кареев. — М. : Тип. А. И. Мамонтова и К^о, 1886. — 192 с.
12. *Устрялов, Н. Г.* Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? / Н. Г. Устрялов. — СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1839. — 42 с.
13. *Соловьев, С. М.* Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьев / подгот.: В. С. Рыкалов, В. С. Шульгин ; отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. — М. : Мысль, 1988. — Кн. 2 : История России с древнейших времен. — Т. 3—4. — 765 с.
14. *Соловьев, С. М.* Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьев. — М. : Мысль, 1990. — Кн. 5 : История России с древнейших времен. — Т. 9—10. — 718 с.
15. *Любович, Н. Н.* История реформационного движения в Польше. Кальвинисты и антитринитари / Н. Н. Любавич. — Варшава, 1883. — 376 с.
16. *Zakrzewski, W.* Powstanie i wzrost reformacji w Polsce (1520—1572) / W. Zakrzewski. — Lipsk, 1870.
17. *Szujski, J.* Odrodzenie i reformacja w Polsce / J. Szujski. — Kraków, 1881.
18. *Bobrzyński, M.* Dzieje Polski w zarysie / M. Bobrzyński. — Warszawa : Gebethner i Wolff, 1879.

19. Жукович, П. Н. Кардинал Гозия и польская церковь его времени / П. Н. Жукович. — СПб., 1882. — 557 с.
20. Любович, Н. Н. Альбрехт герцог Прусский и реформация в Польше / Н. Н. Любович // ЖМНП. — 1885. — Ч. ССХІІ. — С. 173—220.
21. Любович, Н. Н. К истории иезуитов в литовско-русских землях в XVI веке / Н. Н. Любович. — Варшава : Тип. К. Ковалевского, 1888. — 28 с.
22. Любович, Н. Н. Начало католической реакции и упадок реформации в Польше / Н. Н. Любович. — Варшава : Тип. К. Ковалевского, 1890. — 400 с.
23. Кареев, Н. И. Вопрос о религиозной реформации XVI в. в Речи Посполитой / Н. И. Кареев. — М. : Тип. В. С. Балашева, 1885. — 55 с.
24. Кареев, Н. И. Отзыв о сочинении проф. Любовича под заголовком «Начало католической реакции и упадок реформации в Польше» / Н. И. Кареев. — СПб., 1892. — 24 с.
25. Кареев, Н. И. История Западной Европы в новое время : в 7 т. / Н. И. Кареев. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1904. — Т. II. — 624 с.
26. Кареев, Н. И. Введение в курс истории нового времени / Н. И. Кареев. — Варшава : ВУИ, 1884. — 117 с.
27. Трачевский, А. С. Польское бескоролье по прекращению династии Ягеллонов / А. С. Трачевский. — М. : Тип. Грачева и К°, 1869. — 664 с.
28. Кареев, Н. И. Историко-философские и социологические этюды / Н. И. Кареев. — СПб., 1899. — 518 с.
29. Кареев, Н. И. История Западной Европы в новое время : в 7 т. / Н. И. Кареев. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1904. — Т. I. — 416 с.
30. Любович, Н. Н. Общественная роль религиозных движений / Н. Н. Любович. — Варшава, 1880. — 27 с.
31. Соловьев, С. М. Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьев / ред. А. Л. Хорошкевич. — М. : Мысль, 1989. — Кн. 3 : История России с древнейших времен. — Т. 5—6. — 784 с.
32. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. Курс русской истории / В. О. Ключевский. — М. : Мысль, 1989. — Т. 3. — 415 с.
33. Уманец, Ф. М. Вырождение Польши / Ф. М. Уманец. — СПб., 1872. — 341 с.
34. Герье, В. И. Борьба за польский престол в 1733 году / В. И. Герье. — М., 1862. — 671 с.
35. Коялович, М. О. Лекции по истории Западной России / М. О. Коялович. — М. : Тип. Бахметева, 1864. — 394 с.
36. Кручковский, Т. Т. История Польши в основных концепциях русской историографии XIX — начала XX века / Т. Т. Кручковский. — Гродно : ГрГУ, 2016. — 384 с.
37. Кручковский, Т. Т. Н. И. Кареев о причинах падения Речи Посполитой / Т. Т. Кручковский. — М., 1991. — 48 с. — Деп. в ИНИОН АН СССР 28.10.1991, № 45652.
38. Кручковский, Т. Т. История Польши в исторической концепции С. М. Соловьева / Т. Т. Кручковский // Весн. ГрДУ. — 2015. — № 3. — С. 67—85.
39. Кручковский, Т. Т. Уманец Ф. М. как историк Речи Посполитой / Т. Т. Кручковский // Весн. ГрДУ. — 2007. — № 2. — С. 47—53.
40. Соловьев, С. М. История падения Польши / С. М. Соловьев. — М., 1863. — 369 с.

Поступила в редакцию 10.05.2019

УДК 930(=16)

А. В. Литвинский

Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
Министерство образования Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи,
Республика Беларусь, +375 (163) 50 91 01, litvinski@inbox.ru

МОДЕЛИ ЭТНОГЕНЕЗА СЛАВЯН В ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА

В представленной статье рассматриваются основные научно-теоретические модели этногенеза славян, конструируемые и используемые в научных трудах конца XX — начала XXI века. Обосновывается авторское понимание термина «модель» в применении к процессу научно-исторического исследования, характеризуется каждая из основных моделей этногенеза славян с показом ее сильных и слабых сторон, раскрывается эпистемологический потенциал различных научно-исследовательских подходов к решению проблемы происхождения славян.

Ключевые слова: славяне; этногенез; прародина; методология; балто-славянская проблема; праславянский язык; научно-теоретическая модель.

Библиогр.: 52 назв.

A. V. Litvinski

Baranovichi State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21 Voykova Str.,
225404 Baranovichi, the Republic of Belarus Belarus, +375 (163) 50 91 01, litvinski@inbox.ru

SLAVIC ETHNOGENESIS MODELS IN HISTORIOGRAPHY OF THE END XX — EARLY XXI CENTURY

This article discusses the basic scientific and theoretical models of Slavic ethnogenesis, designed and used in scientific works of the late 20th and early 21st centuries. The author's understanding of the term "model" is justified as applied to the process of historical research, each of the main models of Slavic ethnogenesis is characterized with an indication of its strengths and weaknesses, and the epistemological potential of various research approaches to solving the problem of the origin of the Slavs is revealed.

Key words: the Slavs; ethnogenesis; the ancestral homeland; methodology; Balto-Slavic problem; Proto-Slavic language; the scientific and theoretical model.

Ref.: 52 titles.

Введение. Этногенез любого народа является проблемой, сложной для корректного и убедительного научного решения. Как правило, история застаёт некую этническую общность уже в достаточной степени сформировавшейся. В данном случае создатели письменных исторических источников, на страницах которых помещена информация о какой-либо подобной общности, имеют дело с конечным результатом этногенеза. Сам же процесс, к нему приведший, обычно недоступен пониманию современников по разным причинам. Пожалуй, единственное, что они могут, — это изложить на страницах своих трудов этногенетический миф, который, однако, только лишь затемняет истинное знание в области происхождения того или иного народа.

В этом смысле не является исключением проблематика славянского этногенеза. В ранее подготовленных научных публикациях нами уже неоднократно в той или иной степени обращалось внимание на определенную парадоксальность, сопутствующую многочисленным попыткам решить данную научную проблему, являющуюся междисциплинарной по своей сути [1—7]. Зачастую создается впечатление, что чем больше продвигаются исследователи по

пути познания, тем труднее им сформулировать основные положения концепции, в рамках которой получили бы непротиворечивое и убедительное объяснение факты, установленные поколениями историков, археологов, лингвистов и представителей иных наук, занимающихся исследованием происхождения славян. Иногда так получается, что, акцентируя пристальное внимание на некоторых аспектах этногенеза, ученые в недостаточной мере показывают значение других аспектов, поскольку последние, будучи неудобными, нарушают целостность той или иной гипотезы.

И все же имеет смысл проанализировать различные подходы специалистов в области изучения этнических процессов к решению данной проблемы, пусть эти подходы и не всегда отображаются в виде стройных научных концепций. Наша статья, представленная на суд квалифицированного и взыскательного читателя, имеет целью выяснить эпистемологический потенциал существующих в науке моделей этногенеза славян (во всяком случае, презентабельных моделей, в наибольшей степени соответствующих принципу научности) на основе достаточно лаконичного описания и характеристики данных моделей с упором на показ методологической обусловленности каждой из них (в рассматриваемом случае лаконичность определяется форматом научной статьи).

При этом вынесенный в заголовок статьи термин «историография» понимается нами достаточно широко, в виде комплекса научных исследований не только по истории и археологии, но и по этнологии, этнографии, лингвистике, фольклористике, антропологии, популяционной генетике и геногеографии, ибо этногенез историчен по своей сущности [7, с. 29]. Необходимо также отметить, что на протяжении интересующего нас периода (а это последняя четверть XX — начало XXI века) в историографии произошли обусловленные выходом в свет концептуальных научных трудов весьма значительные изменения относительно контекста рассматриваемой междисциплинарной научной проблемы, которые, если наметившая тенденция сохранится и усилится, в перспективе могут привести к существенной коррекции ныне существующей парадигмы исследования славянского этногенеза [7, с. 28—29]. Поэтому данный период и выбран для нашего исследования. В его рамках обосновывается авторское понимание термина «модель» в применении к процессу научно-исторического исследования, характеризуется каждая из основных моделей этногенеза славян с показом ее сильных и слабых сторон, раскрывается эпистемологический потенциал различных научно-исследовательских подходов к решению проблемы происхождения славян.

Материал и методы исследования. В ходе подготовки статьи был использован достаточно обширный круг источников, созданных или воспроизведенных как на печатных (по большей части), так и на электронных носителях информации. Основу его составили научные работы, в которых комплексно и наиболее четко отражены позиции их авторов относительно хронологии, ареала, движущих сил, направленности и результатов этногенеза славян [8—29]. Благодаря данному комплексу представленных в этих трудах идей, указанные публикации фактически приобрели значение концептуальных, независимо от объема и степени их фундаментальности. Важно также отметить, что большинство данных работ активно используется в различных проявлениях научного дискурса (имеется ввиду контекст этногенеза славян), и это тоже стало причиной, по которой они нами отмечены в качестве первоочередных по уровню своей репрезентативности.

Научный дискурс, о котором чуть выше велась речь, включает в себя и обнародование результатов эмпирических исследований, и уточнение каких-то важных моментов, ведущее в отдельных случаях к частичному пересмотру прежних взглядов, и дискуссию, приобретающую иногда форму довольно острой полемики. Поэтому в нашем исследовании использовались также источники, в которых нашли отражение пути научного поиска в его различных проявлениях [30—46], причем среди них — работы, вышедшие в свет несколько ранее

рассматриваемого периода, но не утратившие своего научного значения [43—46]. Нашлось место в списке источников и «Своду древнейших письменных известий о славянах» [47—48], а также работам, не имеющим непосредственного отношения к проблеме происхождения славян (хотя косвенным образом этот аспект в них присутствует), однако весьма важным с точки зрения теории этногенеза [49—52].

Среди источников представлены работы историков, археологов, филологов, генетиков, этнологов. Широка и география источников, если можно так выразиться. В той или иной степени отражены взгляды белорусских, российских, украинских, польских, французских, американских исследователей. Сразу же следует оговориться, что невозможно охватить весь круг источников по анализируемой проблеме, в той или иной мере имеющих историографический характер, не то что в статье, но, пожалуй, и в монографии, поэтому мы признаем факт определенной субъективности в их выборе, надеясь, однако, на соответствие выбранных нами источников общеметодологическому принципу необходимости и достаточности для достижения цели исследования.

Сложен вопрос об историографии проблемы. По состоянию на время подготовки данной статьи можно лишь отметить, что анализ моделей этногенеза славян проводится, прежде всего, в крупных работах либо в форме историографического обзора, либо в форме полемических замечаний различного уровня заостренности, причем эти замечания могут быть с большей или меньшей степенью равномерности распределены по всему тексту работы (в качестве примера можно привести публикации, авторами которых являются В. Д. Баран, Э. М. Загорюльский, С. А. Иванов, С. Е. Рассадин, В. В. Седов, Р. В. Терпиловский, М. Б. Щукин, О. Н. Трубочёв, Ф. Курта [10; 12; 13; 20; 22—24; 26; 27]). Вряд ли это можно рассматривать в качестве систематизированной историографии проблемы, поскольку специальные работы по ней фактически отсутствуют (во избежание путаницы еще раз обращаем внимание на то, что речь идет только о периоде конца XX — начала XXI века и об оценке специалистами в области историографии научных трудов по славянскому этногенезу, опубликованных на протяжении именно этого периода, а не об историографии проблемы в целом).

Главными методологическими принципами, которыми мы руководствовались в процессе подготовки данной статьи, являются принципы объективности и историзма в сочетании с комплексным научным междисциплинарным подходом, столь актуальным в контексте исследования происхождения славян. Были использованы методы моделирования, анализа и синтеза, а также методы, присущие герменевтике. Особое значение придавалось структурно-функциональному методу, поскольку его применение позволяет выделить и в определенной мере классифицировать модели этногенеза славян, характерные для рассматриваемого периода. Также использовались историко-генетический и сравнительно-исторический методы.

Еще следует добавить, что специфика выбранной для исследования темы предполагает и соответствующее оформление статьи, в тексте которой мы сочли уместным отдать предпочтение не прямому, а косвенному цитированию работ коллег или, по-другому говоря, не текстовым цитатам, а отсылкам к данным трудам [7, с. 29]. Исключение составляют немногие случаи цитирования, когда важно передать мысль автора, имеющее научно-методологическое значение, в наиболее точном виде. Кроме того, мы сочли возможным не снабжать ссылками каждое упоминание достаточно известных в науке и практически общепризнанных фактов, констатация которых имеет место в очень многих научных трудах, ибо такое упоминание в противном случае донельзя загромодило бы текст статьи, да и вообще представляется нам излишним.

Результаты исследования и их обсуждение. Прежде чем охарактеризовать каждую из основных моделей этногенеза славян, необходимо изложить наше понимание сути этого термина в применении к проблематике этнических процессов. По нашему мнению, модель этно-

генеза представляет собой некоторую мысленную конструкцию, для которой характерно в идеале непротиворечивое сочетание научно-теоретической подготовки специалиста, предполагающей высокий уровень квалификации и эрудиции с накопленным за годы исследований научно-практическим опытом, в свою очередь предполагающим умение применять полученные результаты исследования в процессе моделирования и дальнейшего построения соответствующей концепции или хотя бы выдвижения достаточно выверенной гипотезы, отвечающей строгим критериям научности. В ходе создания модели этногенеза ученый должен выяснить для себя, каково его понимание сущности этногенеза и этнической истории, определиться с хронологией и территорией этногенеза, выбрать в изучаемом процессе те факторы, которые в его понимании являются наиболее важными, охарактеризовать потенциал различных научных дисциплин (ибо проблема этногенеза междисциплинарная) и, соответственно, отдать предпочтение тем или иным методам исследования, согласовать информацию науки, которую он представляет, с наработками иных наук.

Если говорить более конкретно, в контексте данной темы исследования, то весьма важными здесь являются следующие вопросы: о характере обособления праславянского языка от других языков индоевропейской семьи и о связанном с этим процессом начале славяногенеза (здесь, кроме всего прочего, имеется в виду так называемая балто-славянская проблема); о славянской прародине (и о понимании самого термина «прародина» тем или иным автором, и о локализации ее в конкретном ареале [7]); об установлении преемственности между археологическими культурами [26, с. 110—118] и о соотношении материальной культуры с духовной, в частности, с этническим самосознанием и языком; о сущности первоначальной славянской этнической общности (к примеру, о роли в сложении данной общности биологических, социальных, геополитических и других факторов); о причинах и характере славянизации огромных просторов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (первые и последние вопросы из перечисленных нам представляются самыми важными в построении модели этногенеза славян).

При этом стоит заметить, что, согласно нашему пониманию, термин «модель» не тождествен термину «гипотеза», «концепция» и «теория». В рамках одной модели могут сосуществовать различные гипотезы, поскольку ученые, имея похожие взгляды по большинству из перечисленных чуть выше вопросов, по-разному расставляют акценты при ответах на другие вопросы.

Для модели характерно преобладание научно-теоретической, в определенной мере априорной составляющей по сравнению с научно-эмпирической. Связано это с тем, что специалист в области этногенеза, какой бы широчайшей эрудицией ни обладал, все же не является «мастером на все руки» и, следуя требованиям, предъявляемым к нему междисциплинарным характером проблемы происхождения славян, во многих случаях просто доверяет данным иных наук, в которых он не столь сведущ по сравнению с профильными научными дисциплинами. А эти данные во многом определяют картину этногенеза славян, создаваемую исследователем.

Между тем вопрос о соотношении информации источников, различных по происхождению, и по сей день далек от удовлетворительного научного ответа. Особенно это касается соотношения данных сравнительно-исторического языкознания и археологии. Как отмечает в статье «Междисциплинарный подход и этногенез» российский историк и этнолог В. А. Шнирельман, «лингвистические реконструкции могут использоваться для исторических построений только после соответствующего источниковедческого анализа. При этом следует учитывать, что лингвистические и археологические источники могут отражать исторический процесс весьма по-разному, и это создает почву для некоторых противоречий, возникающих при работе по корреляции этих данных друг с другом» [52].

Этот вопрос каждый исследователь решает для себя, исходя из собственных методологических представлений. Например, украинский археолог В. Д. Баран, признавая значитель-

ный вклад различных наук в процесс выяснения истоков славян, отдаёт, однако, предпочтение научно-исследовательскому потенциалу археологии, что вполне понятно [10, с. 6—16]. А вот российский компаративист О. Н. Трубочёв был скептически настроен в отношении возможностей археологии добиться ясности в ключевых моментах славяногенеза, к примеру, в определении абсолютной хронологии этого процесса и установления соответствия между его этапами и археологическими культурами [24, с. 59—60] (хотя фактически в том же месте своей концептуальной работы он признаёт, что «археология добилась огромных успехов», но не поясняет, каких именно [24, с. 60]). Свое понимание данного вопроса с большей или меньшей полнотой и убедительностью излагали также и другие исследователи [6, с. 27—31].

Чтобы не попасть в своеобразную «априорную ловушку», предполагающую некоторую зависимость в своих научно-теоретических построениях от концептуальных положений, выработанных в недрах других наук, археологи иногда предлагают сравнивать собственные результаты с лингвистическими наработками только в самом конце исследования [22, с. 36; 26, с. 118]. Нами уже высказывалось довольно скептическое отношение к возможности в первозданной чистоте сохранить верность этому методологическому подходу [1, с. 254; 6, с. 27; 7, с. 34].

Как бы то ни было, но с большим или меньшим акцентом декларируемое уважение к достижениям различных наук, разумеется, значительно лучше вторжения в область исследования происхождения славян без надлежащей подготовки, но с претензией на получение некоего окончательного знания при фактическом игнорировании данных достижений. Так, критикуя построения российского биохимика А. А. Клёсова прежде всего за то, что он преувеличивает значение принадлежности большинства современных славян к Y-хромосомной группе R1a1 (речь в этом случае идет о мужчинах как носителях Y-хромосомы), российский археолог и филолог Л. С. Клейн утверждает: «Антропология, как и генетика (гаплогруппы) показывает, что все народы носят сильно смешанный характер, а сопоставление антропологии с археологией показывает, что преемственность культурная и генетическая часто идут разными путями. Культуры вообще подвержены влияниям и заимствованиям, так что состоят из смеси элементов разного происхождения. А так как языки в отличие от культур являются системами и передаются обычно как системы, то происхождение языков, история языковых семей и их филиации — это четкий предмет для исследования, простирающийся на многие тысячелетия, и обычно исследование этногенеза к этому и сводится. Остальные науки играют в этом деле вспомогательную роль и должны с этим смириться» [42].

Признавая оттенок категоричности в последней фразе ученого, быть может, излишний, уместно обратить внимание на то, что славяне (по определению) — языковая общность, и, ставя вопрос об их происхождении, это следует учитывать в первую очередь. Иного фактора, бесспорно объединяющего славян, просто нет [7, с. 33—34], и вряд ли плодотворны его поиски, особенно в русле попыток представить в качестве такового генетический фактор, понимаемый к тому же весьма односторонне.

Прежде чем перейти к характеристике различных моделей этногенеза славян, следует предупредить читателя, что модели эти в данной статье описываются лаконично, ибо отдельные их аспекты были нами проанализированы в предшествующих работах [1—7]. При этом нас больше всего интересует хотя бы относительная непротиворечивость и достаточная убедительность каждой из предложенных моделей, ее соотносимость с формально-логическим и методологическим принципом, известным как «бритва Оккама» (чем меньше спекулятивных допущений, которые трудно или даже невозможно подтвердить эмпирическим путем, делается в ходе объяснения, тем более убедительным оно является, особенно если в рамки этого объяснения вписывается значительное большинство фактов, установленных в процессе исследования происхождения славян).

При этом надо отдавать себе отчет в том, что резкой грани между различными моделями нет и, пожалуй, быть не может. Следует вести речь о том, что существует ряд идей, общих для

двух или нескольких моделей, о состоянии диффузии или, если угодно, континуума между моделями.

Как было отмечено выше по тексту статьи, вопрос об особенностях выделения из индоевропейской общности языка, предкового для засвидетельствованных историей и реально существующих славянских языков, является основополагающим для понимания славянского этногенеза тем или иным исследователем и построения соответствующей модели данного процесса. Образно говоря, ответ на него сродни выполнению первого действия в ходе решения математической задачи. От того, каким он будет, зависит научная прочность концепции этногенеза славян. Следует также заметить, что представления об отношении праславянского языка к «собратьям» по индоевропейской семье напрямую влияют на определение абсолютной и относительной хронологии процесса происхождения славян [4].

Еще в XIX веке, когда было установлено родство языков, названных в конечном итоге индоевропейскими, и принадлежность к этой семье славянских языков, была установлена также особая близость последних к балтским языкам. Как известно, имеется несколько объяснений феномену этой близости: существование в древности балто-славянских языков как стадии их развития в самостоятельные группы (в качестве уточненного, модернизированного варианта этого объяснения можно рассматривать утверждение о достаточно позднем отделении праславянского языка от прабалтского и, соответственно, синхронном сосуществовании архаичной балтской языковой системы с более молодой — славянской [16; 43]); самостоятельном, независимом друг от друга выделении из индоевропейской семьи балтских и славянских языков (в таком случае факт их близости интерпретируется либо типологически сходным развитием, либо относящимся к более поздним периодам ареальным контактам языков [24, с. 5—6, 19]). Возможно также объяснение, основанное на признании многофакторности процесса, в рамках которого учитывается и общность происхождения, и ареальные контакты (непосредственные либо осуществляемые через языки-посредники).

Те исследователи, которые придерживаются позиции, согласно которой праславянский язык (или протославянский, встречается и такой вариант его обозначения) без балто-славянской стадии развивался из гипотетического диалекта праиндоевропейского языка, фактически чуть ли не обязаны утверждать о существовании праславянской этноязыковой общности еще в бронзовом веке, ибо датировать распад праиндоевропейского языка более поздним периодом не представляется возможным [50, с. 859—865]). Здесь элементарная логика подсказывает своеобразную закономерность следующего утверждения: если уже в бронзовом веке был реален праславянский язык, то, разумеется, была некая социальная общность, состоявшая из людей, разговаривавших на нем, притом же эта общность мыслится как достаточно консолидированная и довольно-таки стабильная на очень большом отрезке времени, иначе языковое единство не сохранилось бы. Данный тезис является ключевым для построения соответствующей модели этногенеза славян.

Наиболее последовательно отстаивал подобный взгляд на протяжении рассматриваемого нами периода О. Н. Трубочёв [24], возводивший славян к так называемой центрально-европейской общности, включавшей в себя, кроме славян, германцев, кельтов, италиков, иллиро-венетов [24, с. 23, карта] (принадлежность к ней балтов является спорной). Находит поддержку такой взгляд и в трудах известных археологов, в частности, Б. А. Рыбакова [21] и Э. М. Загорюльского [13; 36].

В то же время интересно отметить, что эти исследователи, склонные увеличивать возраст славян, по-разному локализируют территорию славянской прародины: Б. А. Рыбаков — между Одером и Днестром [21, с. 11—108]; Э. М. Загорюльский — между Эльбой и Вислой и даже вплоть до Немана (он отождествляет эту территорию с ареалом распространения Культуры шаровидных амфор) [13, с. 98—128]; О. Н. Трубочёв — в Среднем Подунавье, причем именно этим фактом он объясняет письменную и фольклорную традицию, связывающую сла-

вянскую общность с Дунаем [24, с. 5—6; 13—14] (кстати, вполне возможна и другая интерпретация феномена особого внимания славян к великой европейской реке, связанная со славянской миграцией VI—VII веков [35; 38, с. 148—155]).

Сильной стороной данной модели является возможность относительно непротиворечиво вывести исторических славян из гипотетической общности бронзового века: раз уж славяне издревле обитали в Европе, то нет ничего удивительного в том, что в начале второй половины I тысячелетия они существенно расширили ареал своего обитания. Однако и возражений такая модель вызывает немало. Во-первых, очень трудно проследить преемственность археологических культур: от Тшцинецкой и Лужицкой (как у Б. А. Рыбакова) или от Культуры шаровидных амфор (как у Э. М. Загорюльского) до Пражской, которая значительным большинством археологов ныне признается в качестве первой достоверно славянской культуры (а это, кроме всего прочего, еще означает, что никакая из предыдущих культур пока что не получила подобного признания) [2; 3; 26].

Во-вторых, весьма трудно соотнести основанный на весьма небесспорной лингвистической реконструкции постулат, согласно которому славяне родом из бронзового века, с фактом относительно очень позднего упоминания их под этим именем («склавины»-славяне) в письменных источниках: у Иордана и Прокопия Кесарийского [47, с. 106—111, 127—154, 170—249], а также у других авторов. Если предположить, что до VI века реальные славяне фигурировали в сообщениях позднеантичных авторов (Гая Плиния Секунда Старшего, Публия Корнелия Тацита, Клавдия Птолемея), то сразу возникает вопрос: а под каким именем — «венеты/венеды» (самая распространенная, хотя далеко не общепринятая версия), «ставаны» [29, с. 9—11], а может быть, «суобены»?

Любая попытка установить прямую преемственность между носителями этих этнонимов и славянами является, по состоянию науки на начало XXI века, довольно-таки гипотетической и вызывает достаточно серьезные контраргументы. Особенно это характерно в отношении венетов/венедов, поскольку лаконичность, фрагментарность и запутанность информации о них, содержащейся в письменных источниках, созданных вышеназванными авторами эпохи Римской империи [47, с. 21—35, 37—45, 50—62], их локализация в различных регионах Европы, согласно данным этих же источников, открывает большие возможности для интерпретации сведений о них, не всегда находящейся в увязке с историческими славянами [20, с. 134—166; 26, с. 129—130].

Есть еще одно сомнение в плодотворности данной модели — сомнение лингвистического плана. Дело в том, что праславянский язык, как и любой иной, должен был эволюционировать на протяжении огромного периода времени, который сторонники такой модели отводят на этногенез славян, причем эволюционировать, скорее всего, в направлении филиации, которая привела бы к появлению языков-потомков, что, как известно, и произошло. Но в таком случае можно было бы ожидать гораздо большего расхождения между славянскими языками, чем то, которое мы наблюдаем теперь. Особенно трудно объяснить подобное противоречие с точки зрения концепции «широкой» прародины, которой придерживался Б. А. Рыбаков. Допустимо, конечно, в некоторой степени умозрительное предположение о том, что древние славяне на всем протяжении почти трехтысячного периода своей истории, отводимого им в рамках рассматриваемой модели, обитали на относительно компактной территории, что способствовало оживленным контактам и, соответственно, сохранению языкового единства, однако подобное предположение весьма затруднительно обосновать путем анализа эмпирического материала.

В рамках следующей модели этногенеза славян, по нашему мнению, в ощутимо большей степени, по сравнению с первой из рассмотренных моделей, уделяется внимание таким характеристикам данного процесса, как стадийность, многофакторность, дискретность, даже в каком-то смысле противоречивость. Ученые, придерживающиеся этой модели, отсчет этноге-

неза славян начинают не со времени распада индоевропейской общности, а с более позднего периода, признавая тем самым сложность этногенетических процессов.

Особо следует подчеркнуть методологическое значение стадиальности. Она в анализируемом контексте имеет несколько проявлений. Во-первых, отчетливо признается эволюция праславянского языка, наличие в его истории нескольких этапов развития и, что представляется нам очень важным, допускается наличие постепенно сменяющих друг друга нескольких состояний праславянской языковой системы, тогда как в рамках первой из рассмотренных моделей эта сменяемость весьма ограничена (если праславянский язык или хотя бы диалект существовал чуть ли не с бронзового века, тогда он должен был уже обладать некоторыми особенностями, сохранившимися до времени их письменной фиксации в исторически известном старославянском языке).

Во-вторых, предполагается, что различного рода геополитические изменения могут хотя бы в какой-то мере определять основные характеристики развития славянской общности и являться вехами, знаменующими наступление следующей стадии этногенеза. Притом же таковые изменения (в материальной культуре, в системе социальных отношений, в религии) обычно приводят к инновациям в структуре данной общности, в определенной степени нарушают стабильность ее существования, придают ее развитию положительную или отрицательную динамику, однако не разрушают структуру полностью, сохраняя некоторую преемственность.

Среди лингвистов подобный комплекс идей, на наш взгляд, наиболее четко выражен у В. В. Мартынова. В приведенном ниже списке источников помещена всего лишь одна его работа из вышедших в свет на протяжении анализируемого периода, в которой, однако, в достаточно концентрированном виде отражена его концепция происхождения славян [16]. В рассматриваемом нами контексте важно отметить, что автор, будучи сторонником теории выделения праславянского языка из балтской общности на рубеже II—I тысячелетий до н. э., придавал особое значение ареальным контактам и «субстратно-суперстратным отношениям» с италийскими, иранскими, кельтскими и германскими языками как факторам, определяющим стадиальный характер славянского глоттогенеза и, в общем-то, специфику праславянского языка, обусловившую его отличие от исторических балтских языков [16, с. 38].

Из работ археологов, которые наиболее соответствуют этой модели, необходимо выделить фундаментальный труд В. В. Седова [22]. В нем ученый создал обширную панораму этногенеза славян от формирования около 400 года до н. э. Культуры подклешевых погребений (на основе миксации позднелужицких древностей с Поморской культурой) до образования первых государств у различных групп славян. Интересно отметить, что в данном исследовании археолог постарался проследить различные пути эволюции славянской этноязыковой общности: миграции, инфильтрацию, пребывание в составе различных полиэтнических образований, дифференциацию, сопровождавшуюся ассимиляцией неславянского населения и приведшую к возникновению исторических и современных славянских этносов.

Только что описанная модель нам представляется достаточно надежной с точки зрения логики науки и ее методологии. Постулируемая многофакторность позволяет понять всю сложность процесса происхождения славян, его вариативность и в определенных случаях многовекторность, направленность по своеобразной синусоиде, расстояние между точками экстремумов которой не является постоянным. В. В. Мартынов в целом удовлетворительно объяснил специфику славянского праэтноса с точки зрения компаративистики, а в рамках научной конструкции, предложенной В. В. Седовым, столь же удовлетворительно показаны особенности славянизации значительной части Европы.

Однако необходимо отметить, что интерпретируемые ими факты могут быть объяснены по-иному [26, с. 116—117]. К примеру, балтско-италийские, праславяно-иранские, славяно-германские языковые контакты В. В. Мартынов тесно увязывал с Висло-Одерской локализацией прародины славян, как, по большому счету, единственно возможной, но если учиты-

вать подвижность тех же иранцев или германцев, зафиксированную письменными источниками, то территория этих контактов могла простирается на восток и юго-восток от Вислы, охватывая почти все Поднепровье и даже земли Днепро-Донского Междуречья.

Третья модель (по порядку анализа в данной статье) во многом базируется на факте позднего появления этнонима «славяне» (в разных вариантах его передачи на греческом, латинском, арабском языках) в письменных источниках — впервые, как уже отмечалось выше, в VI веке, у Иордана (“*sclaueni*” [47, с. 106]) и Прокопия Кесарийского (“*Σκλαβηνοι*” [47, с. 180]). Приверженцы этой модели руководствуются примерно такими рассуждениями: если славяне под своим именем появляются на исторической арене довольно поздно, то нет особого смысла вводить их происхождение вглубь веков, ведь в этом случае возникают серьезные возражения, ставящие под сомнение корректность научных конструкций, в рамках которых утверждается об исключительной древности славян [7, с. 31]. Не лучше ли идти путем ретроспективного анализа, проделываемым в обратной хронологической последовательности существования объектов изучения, от известного к неизвестному, от периода славянизации Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы к эпохе Великого переселения народов и дальше, в римское время?

Симптоматичны в данном отношении как будто говорящие сами за себя названия работ, подготовленных сторонниками данной модели и опубликованных на рубеже XX—XXI веков: «Откуда начинать этническую историю славян? (По поводу нового труда польских исследователей)» [12], «Первые славяне. Славяногенез» [20], «Рождение славян. Из истории вопроса. Два пути ретроспективного поиска» [26] (во всех этих работах речь идет в основном о первых веках нашей эры). В данном случае подчеркивается тенденция к своеобразному сжатию хронологических рамок славяногенеза, к повышению уровня его «временного порога», проще говоря, к отнесению начала славяногенеза на доступное ретроспективному анализу более позднее время по сравнению с иными моделями.

Особенно ярко данная тенденция проявилась в археологии, прежде всего в построениях краковской (К. Годловский, М. Парчевский и др.) [28] и ленинградской/петербургской (Г. С. Лебедев, Г. А. Мачинский, М. Б. Щукин и др.) [14; 17; 26] научных школ. В контексте рассматриваемой модели можно также назвать работы И. О. Гавритухина [11], С. Е. Рассадина [20], В. Г. Белевца [30]. Для исследований этих авторов характерно стремление (пусть в несколько разной степени) решать проблему происхождения славян преимущественно с помощью ретроспективного метода, шаг за шагом, твердо опираясь на накопленный эмпирический материал и не увлекаясь при этом соблазном посмотреть на историю становления крупнейшей европейской этноязыковой общности «с высоты птичьего полета» и удревнить ее корни без особых на то научных оснований.

Подобная тенденция наблюдается в сравнительно-историческом языкознании, хотя, на наш взгляд, в несколько меньшей степени. В качестве примера можно предложить работу крупнейшего американского филолога-слависта Х. Бирнбаума, подготовленную им в конце творческого и жизненного пути [32]. В ней он, во многом ссылаясь на наработки своего коллеги Г. Галтона, связывал некоторые известные явления в реконструированном праславянском, а также в исторически реальном старославянском языке с влиянием языка некоего народа алтайской семьи — или гуннского, или аварского [32, с. 16—21].

Таким образом, выходит, что перечисленные в статье Х. Бирнбаума очень важные особенности славянских языков, определяющие их специфику по сравнению с балтскими, да и вообще облик славянских языков, сформировались в период интенсивных праславянско-алтайских контактов, для которых было характерно сначала гуннское, потом аварское политическое доминирование, а это приблизительно 400—800 годы [32, с. 19—20]. Такое утверждение вполне вписывается в третью модель этногенеза и находится в достаточно надежной корреляции с археологической информацией, особенно что касается Пражской культуры.

Заключение. Подводя итоги рассмотрения основных моделей этногенеза славян в историографии конца XX — начала XXI века, следует отметить наличие различных подходов к определению хронологических рамок, характера, направления и движущих сил данного процесса, что, собственно говоря, и определяет специфику каждой из моделей. Во многом эпистемологический потенциал их зависит от методологических принципов, которых придерживается тот или иной исследователь. Накопленная за почти двухсотлетний период развития славистики сумма знаний, идей, гипотез, теорий, концепций иногда ощутимо довлеет над учеными, поскольку в условиях, когда ответ на те или иные вопросы невозможен без тесного междисциплинарного взаимодействия, наблюдается тенденция коррелировать собственные наработки с теми научными взглядами, бытующими среди представителей других наук, которые в наибольшей мере соответствуют данным работкам.

Построение модели этногенеза во многом зависит от представлений о сущности славянского праязыка и праславянского языка, и можно сделать вывод, что в этом отношении лидерские позиции принадлежат компаративистике, несмотря на попытки археологов оспорить их. Например, каково отношение к идее балто-славянской общности, таким очень часто является понимание самого характера этногенеза, в целом определяющее особенности избираемой, а иногда и конструируемой модели данного процесса. Поэтому, как нами замечено, лингвисты в меньшей степени используют аргументы археологического происхождения, чем археологи — лингвистического.

Мы не ставили целью давать оценку каждой из рассмотренных моделей и, вообще, придавать статье характер рецензии, хотя от определенных замечаний, особенно по поводу первой из проанализированных моделей, не воздержались. В исследовании славяногенеза должны приветствоваться разнообразные подходы, лишь бы они соответствовали научной парадигме. Этого требует сама логика междисциплинарного исследования, ведь только во взаимодействии различных наук возможны успехи на пути решения фактически всегда актуальной и в научном, и в социальном смысле проблемы происхождения славян.

Список цитируемых источников

1. *Литвинский, А. В.* Этногенез славян: проблема соотношения источников различных видов / А. В. Литвинский // Смена парадигм в историографии XIX — начала XXI вв. : сб. науч. ст. (к 60-летию проф. А. Н. Нечухрина) / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Э. С. Ярмусик, Н. В. Козловская, Е. И. Мелешко. — Гродно : ГрГУ, 2012. — С. 250—260.
2. *Литвинский, А. В.* Киевская археологическая культура в контексте локализации прародины славян: обзор историографии конца XX — начала XXI в. / А. В. Литвинский // Сохранение национальной идентичности белорусского общества: прошлое, настоящее, перспективы : материалы Респ. науч. конф., 21 апр. 2016 г., г. Барановичи, Респ. Беларусь / редкол.: А. В. Никишова (гл. ред.), А. В. Демидович (отв. ред.), З. Н. Козлова [и др.]. — Барановичи : РИО БарГУ, 2016. — С. 46—51.
3. *Литвинский, А. В.* Генезис Пражской археологической культуры в историографии конца XX — начала XXI века / А. В. Литвинский // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф., Пинск 21—22 окт. 2016 г. / Полес. гос. ун-т ; под ред. Р. Б. Гагуа. — Пинск, 2016. — С. 30—37.
4. *Литвинский, А. В.* Хронология славянского этногенеза: основные концептуальные подходы в историографии конца XX — начала XXI в. / А. В. Литвинский // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы X Междунар. науч. конф., Гомель, 25—26 мая 2017 г. / М-во образования Респ. Беларусь ; под общ. ред. В. В. Кириенко. — Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2017. — С. 161—164.
5. *Литвинский, А. В.* Примордиализм и конструктивизм в исследовании этногенеза славян (конец XX — начало XXI века) / А. В. Литвинский // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе : сб. науч. ст. по материалам II Междунар. науч. конф., Пинск, 24—25 нояб. 2017 г. : в 2 ч. / Полес. гос. ун-т ; под ред. Р. Б. Гагуа. — Пинск : ПолесГУ, 2017. — Вып. 2. — Ч. 1. — С. 185—192.

6. Литвинский, А. В. Лингвистические аргументы в археологических исследованиях этногенеза славян / А. В. Литвинский // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сб. науч. ст. по материалам III Междунар. науч. конф., Пинск, 30 нояб. — 1 дек. 2018 г. / Полес. гос. ун-т ; под ред. Р. Б. Гагуа. — Пинск : ПолесГУ, 2018. — Вып. 3. — С. 26—32.
7. Литвинский, А. В. Методологические аспекты локализации прародины славян в историографии конца XX — начала XXI века // Вестн. БарГУ. Сер. «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки»; вып. 6, декабрь, 2018. — С. 28—36.
8. Балановский, О. Как складывался генофонд славян и балтов. Реконструкция генетической и лингвистической истории балто-славянских популяций [Электронный ресурс] / О. Балановский, Н. Маркина. — Режим доступа: http://генофонд.рф/?page_id=4440. — Дата доступа: 16.08.2019.
9. Балановский, О. Генофонд славян — единство в многообразии. Реконструкция генетической и лингвистической истории балто-славянских популяций (краткий вариант текста) [Электронный ресурс] / О. Балановский, Н. Маркина. — Режим доступа: http://генофонд.рф/?page_id=4507. — Дата доступа: 16.08.2019.
10. Баран, В. Д. Давні слов'яни / В. Д. Баран. — Київ : Альтернативи, 1998. — 336 с.
11. Гавритухин, И. О. Понятие Пражской культуры / И. О. Гавритухин // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды ГЭ. — Вып. XLIX. — СПб., 2009. — С. 7—25.
12. Иванов, С. А. Откуда начинать этническую историю славян? (По поводу нового труда польских исследователей) / С. А. Иванов // Совет. славяноведение. — 1991. — № 5. — С. 3—13.
13. Загорюльский, Э. М. Славяне: происхождение и расселение на территории Беларуси / Э. М. Загорюльский. — Минск : БГУ, 2012. — 367 с.
14. Лебедев, Г. С. Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза / Г. С. Лебедев // Славяне. Этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования) : межвуз. сб. науч. ст. / науч. ред. А. С. Герд, Г. С. Лебедев. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. — С. 105—115.
15. Лопатин, Н. В. Северные рубежи раннеславянского мира в III—V вв. н.э. (Раннеславянский мир, выпуск 8) / Н. В. Лопатин, А. Г. Фурасьев — М. : ИА РАН, 2007. — 252 с. : ил. = The northern frontier of the early Slavic world in the 3rd — 5th cc. AD.
16. Мартынов, В. В. Славянский, италийский, балтийский (глоттогенез и его верификация) / В. В. Мартынов // Славяне. Этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования) : межвуз. сб. науч. ст. / науч. ред. А. С. Герд, Г. С. Лебедев. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. — С. 37—44.
17. Мачинский, Д. А. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII — середине XI в. / Д. А. Мачинский // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды ГЭ. — Вып. XLIX. — СПб., 2009. — С. 460—538.
18. Носевич, В. Истоки славянства / В. Носевич // Основные вехи этногенеза белорусов [Электронный ресурс]. — 2010. — Режим доступа: <http://vln.by/node/176>. — Дата доступа: 26.02.2012.
19. Носевич, В. Славяне и субстрат / В. Носевич // Основные вехи этногенеза белорусов [Электронный ресурс]. — 2010. — Режим доступа: <http://vln.by/node/181>. — Дата доступа: 26.02.2012.
20. Рассадин, С. Е. Первые славяне. Славяногенез / С. Е. Рассадин. — Минск : Беларус. экзархат, 2008. — 288 с.
21. Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. / Б. А. Рыбаков — М. : Наука, 1982. — 591 с.
22. Седов, В. В. Славяне: историко-археологическое исследование / В. В. Седов. — М. : Яз. слав. культуры, 2002. — 624 с.
23. Терпиловский, Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. / Р. В. Терпиловский. — Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2004. — 232 s.
24. Трубочёв, О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: лингвистические исследования / О. Н. Трубочёв. — М. : Наука, 2003. — 489 с.
25. Хабургаев, Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» / Г. А. Хабургаев. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. — 232 с.
26. Щукин, М. Рождение славян. Из истории вопроса. Два пути ретроспективного поиска / М. Щукин // Стратум. Структуры и катастрофы. — СПб. : Нестор, 1997. — С. 110—147.
27. Curta, F. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region. — S. 500—700. (Cambridge Studies in Medieval Lifeand Thought, Fourth Series) / F. Curta. — Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2001. — 466 p.
28. Godłowski, K. Pierwotne siedziby Słowian: wybór pism / Kazimierz Godłowski ; pod red. Michała Parczewskiego ; Instytut Archeologii Uniwersytetu Jagiellońskiego. — Kraków : IA UJ, 2000. — 436, [2] s. : il., napy kolor.
29. Kazanski, M. Les Slaves. Les origines (Ier—VIIe siècle après J.-C.) / M. Kazanski. — Paris : Errance, 1999. — 159 p.
30. Белевец, В. Г. Контакты населения вельбарской культуры и носителей традиции восточноевропейской лесной зоны в Белоруссии: постановка проблемы / В. Г. Белевец // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы

в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. — Вып. 1. — Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2008. — С. 209—237.

31. *Бирнбаум, Х.* Славянская прародина: новые гипотезы (с заметками по поводу происхождения индоевропейцев) [Электронный ресурс] / Х. Бирнбаум // *Вопр. языкознания.* — 1988. — № 5. — С. 35—49. — Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics3/birnbaum-88.htm>. — Дата доступа: 28.08.2018.

32. *Бирнбаум, Х.* Славянский, тохарский, алтайский: генетическая связь и ареально-типологическое влияние (Вяч. Вс. Иванов, С. А. Бурлак, И. Б. Иткин. Примечания к статье) / Х. Бирнбаум // *Вопр. языкознания.* — 2003. — № 5. — С. 6—29.

33. *Вялікі гістарычны атлас Беларусі : у 3 т. / пад рэд. В. Л. Насевіча.* — Мінск : Белкартаграфія, 2009. — Т. 1. — 246 с.

34. *Вяргей, В. С.* Помнікі тыпу Прагі-Карчак і Лукі-Райкавецкай / В. С. Вяргей // *Археалогія Беларусі : у 4 т. / А. А. Егарэйчанка [і інш.] ; пад. рэд. В. І. Шадыры, В. С. Вяргей.* — Мінск : Беларус. навука, 1999. — Т. 2 : Жалезны век і раннія сярэднявечча. — 502 с. : іл.

35. *Гавритухин, И. О.* Дунайский «страт» славянской археологии. От редакторов этого номера / И. О. Гавритухин // *Stratum plus. Славяне на Дунае. Обретение Родины. = The Slavs on the Danube. Homeland found.* — СПб. ; Кишинёв ; Одесса ; Бухарест, 2015. — № 5. — С. 17—26.

36. *Загорюльский, Э. М.* Проблема датирования начала славянского этногенеза / Э. М. Загорюльский // *Працы гістарычнага факультэта : навук. зб. Вып. 1 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.].* — Мінск : БДУ, 2006. — С. 153—158.

37. *Егорейченко, А. А.* Культуры штрихованной керамики / А. А. Егорейченко. — Минск : БГУ, 2006. — 207 с.

38. *Петрухин, В. Я.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье / В. Я. Петрухин, Д. С. Раевский. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Знак, 2004. — 416 с.

39. *Фурасьев, А. Г.* О роли миграций в этногенезе ранних славян // *Истоки древнерусской государственности [Электронный ресурс] / А. Г. Фурасьев.* — 2009. — Режим доступа: <http://www.archaeology.ru/rp5/t1800/index.html>. — Дата доступа: 14.04.2014.

40. *Иванов, С. А.* «В тени Юстиниановых крепостей»? Ф. Курта и парадоксы раннеславянской этничности / С. А. Иванов // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Петербургские славянские и балканские исследования.* — СПб., 2008. — № 2 (4). — С. 5—12.

41. *Шувалов, П. В.* Изобретение проблемы (по поводу книги Флорина Курты) / П. В. Шувалов // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Петербургские славянские и балканские исследования.* — СПб., 2008. — № 2 (4). — С. 13—20.

42. *Клейн, Л.* Происхождение славян, версия биохимическая [Электронный ресурс] / Л. Клейн // *Рос. археолог. ежегодник.* — 2015. — № 5. — С. 651—664. — Режим доступа: http://генофонд.рф/?page_id=500. — Дата доступа: 16.08.2019.

43. *Иванов, В. В.* К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. — М. : Изд-во АН СССР, 1958. — 41 с.

44. *Иванов, В. В.* Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. — М. : Наука, 1974. — 342 с.

45. *Вернер, И.* К происхождению и распространению антов и склавенов / И. Вернер // *СА.* — 1972. — № 4. — С. 102—114.

46. *Кобычев, В. П.* В поисках прародины славян / В. П. Кобычев. — М. : Наука, 1973. — 106 с.

47. *Свод древнейших письменных известий о славянах / изд. 2-е, испр.* — М. : Вост. лит. РАН, 1994. — Т. I (I—VI вв.). — 472 с. : карты.

48. *Свод древнейших письменных известий о славянах.* — М. : Вост. лит. РАН, 1995. — Т. II (VII—IX вв.). — 590 с. : карты, схемы.

49. *Монгайт, А. Л.* Археологические культуры и этнические общности / А. Л. Монгайт // *Археология Западной Европы. Каменный век [Электронный ресурс].* — 1973. — Режим доступа: <http://texts.news/stran-evropu-i-istoriya/arheologicheskie-kulturyi-etnicheskie-54225.html>. — Дата доступа: 29.08.2018.

50. *Гамкрелидзе, Т. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. — Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. — 1330 с.

51. *Кузьменко, Ю. К.* Ранние германцы и их соседи: лингвистика, археология, генетика / отв. ред. Н. Н. Казанский / Ю. К. Кузьменко. — СПб. : Нестор-История, 2011. — 266 с.

52. *Шнирельман, В.* Междисциплинарный подход и этногенез / В. Шнирельман // *Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / под ред. Г. А. Комаровой.* — М. : ИЭА РАН, 2016. — С. 258—284.

УДК 330.1

Г. Ф. Биглова¹, Г. Я. Житкевич²

¹ Федеральное государственное бюджетное научное учреждение Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, пр. Октября, 71, 450054 Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация, 8 (917) 343 04 91, biglou@list.ru

² Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Министерство образования Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (29) 719 51 50, acnt.barsu@mail.ru

**СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИОННОСТЬ ЭКОНОМИКИ:
КАЧЕСТВЕННАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ**

В статье предпринята попытка раскрытия причин низкой восприимчивости к инновациям со стороны наемного персонала. В качестве причины было выявлено доминирование экономической основы, выраженной в неравномерном распределении доходов среди различных категорий населения, росте уровня расслоения населения по социальному и профессиональному статусам, что обуславливает как рост потенциала социальной напряженности, так и невозможность повышения восприимчивости к инновациям по причине «перегруженности» работника вторичной занятостью. Гуманизацию труда как одно из основных направлений социализации экономики предложено рассматривать как альтернативную форму регулирования экономического развития и как инструмент повышения восприимчивости к инновациям как к его закономерному следствию.

Статья подготовлена в рамках выполнения НИР по государственному заданию Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 075-00326-19-00 от 27.12.2018.

Ключевые слова: инновационность экономики; социализация экономики; дифференциация доходов; социально-трудовые отношения; вторичная занятость; безработица.

Табл. 1. Рис. 2. Библиогр.: 4 назв.

G. F. Biglova¹, G. Ya. Zhitkevich²

¹ Federal State Budgetary Scientific Institution Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 71 October ave., 450054 Ufa, the Republic of Bashkortostan, the Russian Federation, 8 (917) 343 04 91, biglou@list.ru

² Baranovichi State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21 Voykova Str., 225404 Baranovichi, the Republic of Belarus, +375 (29) 719 51 50, acnt.barsu@mail.ru

**SOCIALIZATION AND INNOVATION OF ECONOMY:
QUALITATIVE INTERRELATION**

The article attempts to disclose the reasons for the low susceptibility to innovation by hired personnel. As a reason, the dominance of the economic basis was revealed, being expressed in the uneven distribution of income among different categories of the population, an increase in the level of stratification of the population by social and professional statuses. They lead to both an increase in the potential for social tension and the impossibility of increasing the susceptibility to innovation due to the “overload” of the employee secondary employment. It is proposed to consider humanization of labor as one of the main directions of socialization of the economy, as an alternative form of regulation of economic development and as a tool to increase the susceptibility to innovation as its regular consequence.

The article was prepared as part of research on the state order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. 075-00326-19-00 of 12/27/2018.

Key words: innovativeness of the economy; socialization of the economy; income differentiation; social and labor relations; secondary employment; unemployment.

Table. 1. Fig. 2. Ref.: 4 titles.

Введение. Неоднозначность социально-экономических процессов, происходящих в настоящее время в российской экономике, ослабляет устойчивость жизнедеятельности населения, порождая различные противоречия в социальных группах и между ними. Издержки экономического роста, обусловленного маневрированием монетарными инструментами, ложатся бременем как на общество в целом, так и на жизнедеятельность каждой личности. Так, экономический рост с начала 2000-х годов и до 2012 года, несмотря на национальные проекты 2008 года, привел к необходимости повышения пенсионного возраста в 2019 году. Поэтому в качестве ориентира государственной политики целесообразно выбирать социально ориентированный экономический рост, базирующийся на научно-технологическом развитии экономики.

Результаты исследования и их обсуждение. В условиях смены технологического уклада социализация экономических отношений предопределяет потенциал удовлетворения растущих потребностей населения. Усиление социальной ориентации общества наряду с повышением уровня материального благосостояния граждан предполагает создание среды, обеспечивающей рост уровня общей культуры, изменение состава потребностей, что выступает необходимым условием расширения трудового потенциала, инициирования экономических и социальных инноваций, формирования траектории устойчивого социально ориентированного экономического роста. Иначе говоря, социализация экономических отношений выступает формой проявления процессов гуманизации современного общества, обусловленных достигнутым уровнем развития в рамках определенного технологического уклада и качественно новым составом потребностей индивидов, и одновременно является одной из предпосылок поступательной макроэкономической динамики.

В то же время в современных российских исследованиях большое внимание уделяется проблеме благосостояния работающего человека и преодолению проблемы «работающих бедных», поскольку доля бедных среди работающего населения только растет. Так, с 2002 года их количество с 61,2 % выросло до 64,2 % в 2016 году. Доля безработных, имеющих доходы ниже прожиточного минимума, выросла незначительно (с 2,4 до 3,0 %). В отличие от развитых стран, где основной контингент бедных составляют безработные, в России сформировалась (и продолжает развиваться) ситуация, при которой трудоспособное население, в основной своей массе имеющее квалификацию и профессиональное образование, не может обеспечить своим семьям приемлемый образ жизни. Таким образом, нерешенная проблема бедности работающего населения является серьезным ограничением на пути стимулирования процессов социализации экономики. Об этом свидетельствует также и более детальный анализ различных социально-экономических показателей, характеризующих развитие экономики России, который позволяет утверждать, что темпы экономического роста не коррелируют с динамикой социальных показателей, в том числе в регионах. Это объясняется тем, что ряд показателей социальной направленности формируется за счет субсидий из федерального бюджета, что свидетельствует о централизации управления регионами и (в данный момент) ограниченной возможности влияния на социальное развитие регионов. В этой связи становятся очевидными выводы о необходимости либо децентрализации политики социального развития, выраженной в наращивании потенциала региональных доходов, в том числе за счет налоговых поступлений, либо об увеличении финансирования социальной сферы вкупе с жесткой политикой выравнивания уровня доходов в Российской Федерации в целом.

Ярким доказательством отсутствия прямой корреляции экономического роста и роста доходов являются растущие показатели, свидетельствующие о глубоком расслоении населения по доходам (таблица 1).

Т а б л и ц а 1. — Динамика коэффициента фондов и коэффициента Джини в Российской Федерации

Год	Коэффициент фондов	Коэффициент Джини	Год	Коэффициент фондов	Коэффициент Джини
1995	13,5	0,387	2007	16,7	0,422
1996	13,3	0,387	2008	16,6	0,421
1997	13,6	0,390	2009	16,6	0,421
1998	13,8	0,394	2010	16,6	0,421
1999	14,1	0,400	2011	16,2	0,417
2000	13,9	0,395	2012	16,4	0,420
2001	13,9	0,397	2013	16,3	0,419
2002	14,0	0,397	2014	16,0	0,416
2003	14,5	0,403	2015	15,7	0,413
2004	15,2	0,409	2016	15,5	0,412
2005	15,2	0,409	2017	15,3	0,410
2006	15,9	0,415			

Примечание. Собственная разработка по данным источника [1].

Как видно из данных, незначительное их снижение (не более чем на 3 %) наблюдается только с 2014 года. Существование таких устойчивых тенденций обуславливает потенциал роста антагонизации социальных групп, среди которых занятое население (работающее по найму) находится в наихудшем положении, поскольку 10 % наиболее высокодоходных групп — это та часть населения, которая имеет рентные доходы. При этом продолжительность существования такого положения (более 20 лет!) обуславливает образ жизни, сформированный под влиянием длительности состояния ограничения, возникшего из-за низкого дохода в домохозяйствах.

Усугубляется положение таких социальных групп также и в контексте рынка труда, не способного наиболее рационально перераспределить рабочую силу (рисунок 1). По этой причине также уже довольно продолжительный период он характеризуется состоянием, для которого характерно отклонение от предельно-критических значений (согласно методике МОТ), которое по причине устойчивости воспринимается как норма.

Как видно из данных, состояние отклонения от предельно-критического значения характерно как для России в целом, так и ее регионов (на примере Республики Башкортостан). На основе наших предыдущих исследований имеются все основания утверждать, что такая ситуация характерна для основной части регионов России.

Таким образом, растущее расслоение доходов населения вкупе с безработицей, имеющей критическое положение, согласно методике МОТ, еще больше закрепляет экономическую зависимость работающего населения от качества политики доходов и заработной платы как в регионах, так и в целом по стране. Несмотря на то, что последние годы знаменуются постоянными призывами Президента России увеличивать заработную плату бюджетников до средних значений по регионам, а то и выше, пока ситуация, согласно статистическим данным, свидетельствует о падении реальных доходов населения. Таким образом, выявлено доминирование экономической основы в формировании социальной напряженности, выраженное в неравномерном распределении доходов среди различных категорий населения, росте уровня расслоения населения по социальному и профессиональному статусам. Это приводит к дифференциации моделей потребительского поведения и доступа к равнозначному объему и качеству товаров и услуг, что в долгосрочной перспективе формирует угрозу развития конфликтного потенциала [2]. Кроме того, такое «закабаленное» положение, чем оно более устойчиво, воспринимается населением как нормальное, что приводит к социальной дифракции

Рисунок 1. — Динамика показателей уровня безработицы за 2007—2016 годы

Примечание. Собственная разработка по данным источника [1].

как процессу слияния отрицательных форм социального капитала с ключевыми направлениями социального развития и негласное признание их нормой межличностных и межинституциональных отношений. Развитие данного негативного социального явления имеет самые разнообразные формы проявления. Разберем пример в сфере занятости.

В исследовании С. Ю. Рощина, Т. О. Разумовой выдвигается тезис о причинах вторичной занятости, аргументированный эконометрическими расчетами [3]. В качестве причин указываются следующие: либо невозможность увеличить занятость на основной работе, либо невозможность увеличить доход по основной работе. Наша авторская позиция заключается в следующем: при условии увеличения доходов следом увеличиваются и расходы индивида на потребление (эффекты Гиффена, Веблена), что переводит его на более высокие затраты по потребляемым благам. Снижение доходов в дальнейшем имеет отложенный эффект, значительный по протяженности период перехода на прежнее, до первого случая увеличения доходов, потребление. Это часто влечет за собой мотивацию к поиску дополнительных доходов через вторичную занятость, чтобы поддерживать потребление на прежнем уровне как можно дольше. В этой связи, учитывая снижение доходов, закономерно предположить, что вторичная занятость также увеличится. Это отразится на продуктивности и производительности труда в соответствующем качестве, а именно: работник, стремясь больше заработать, становится ограниченным в своем временном и физическом ресурсах, что приводит его к необходимости их экономить посредством «недоработки» как на основной, так и на второй работе. Какое-либо новшества в организации работы или в самом технологическом процессе будут выступать для него в качестве дополнительного осложнения стандартных функций, соответственно, затраты труда на них будут (по возможности) минимизироваться, что, в конечном счете, проявляется в системном сопротивлении к изменениям и к любым инновациям вообще. На неформальном уровне такое поведение формирует неприятие перемен в сфере наемного труда, в том числе связанных с инновациями. На рисунке 2 представлена доля организаций, осуществляющих организационные новации (всего по добывающим, обрабатывающим производствам,

производству и распределению электроэнергии, газа и воды). На наш взгляд, степень внедрения организационных новшеств является характеристикой степени восприимчивости к инновациям со стороны линейных менеджеров (тех, кто возьмет на себя процесс управления внедрением инновации) и их подчиненных (тех, кто готов их использовать или подчиняться/перестраиваться под новые правила). При этом отсутствие успеха во внедрении организационных инноваций не всегда связано с низким качеством управления внедрением, а то, как быстро воспринимаются новые правила, зачастую имеет решающее значение.

Как видно из данных, представленных на рисунке 2, доля таких организаций ничтожно мала в сравнении с мировыми трендами. Такой вывод следует даже из того, что темпы развития информационных технологий в мире не могут оставить без изменения также и организационные подходы к управлению. Однако в российских условиях это пока осуществляется в очень малых объемах, а с 2013 года наметился тренд на снижение. Все это говорит о снижении потенциала по восприимчивости к инновациям, подкрепляя высказанный нами ранее тезис о факторах, оказывающих принципиально важное влияние.

В такой ситуации разворачивание на уровне государственной политики программ по развитию и расширению гуманизации труда как одной из основных форм социализации экономики способно коренным образом переломить указанные негативные тенденции социально-экономического развития российской экономики.

Классическое понятие гуманизации труда предполагает такую организацию труда, которая направлена на профилактику переутомления, профессионально обусловленных заболеваний, предупреждение производственного травматизма и профессиональной деформации личности, повышение содержательности труда, создание условий для разностороннего развития способностей работника. Она обеспечивается за счет таких элементов, как справедливое вознаграждение, создание безопасных и комфортных условий труда, возможность карьерного и профессионального роста работников, а также участия работников в управлении организацией. В системе социально-трудовых отношений термин «трудовая демократия» есть целесообразная совместная деятельность людей и социальных групп, предполагающая активное и равноправное участие в данной деятельности всех субъектов трудовых отношений.

В России о возвращении к принципам социальности в экономике писалось и ранее. При этом базовым элементом выдвигался человеческий капитал. Но в последний год-два все чаще озвучивается повышенная роль в экономике не только социальных сфер, но и важность выдвигания на передний план социально-экономической политики расширения участия работников предприятий в управлении им. К примеру, об этом говорилось в апреле 2017 года на Московском экономическом форуме, прошедшем на площадке МГУ им. М. В. Ломоносова. При этом часто употребляются как тождественные понятия «социальная экономика» и «солидарная экономика», поскольку они мало распространены сейчас в России, а также недостаточно изучено их практическое содержание [4].

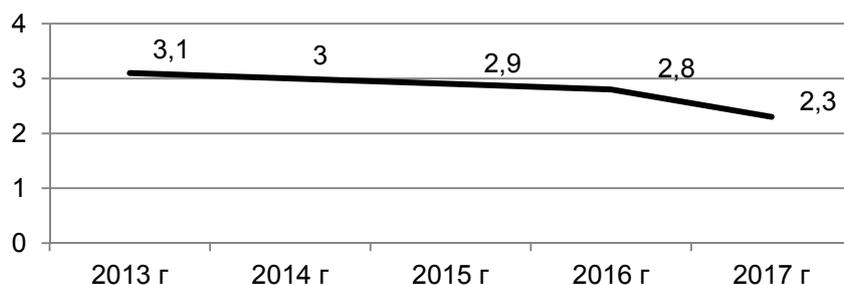

Рисунок 2. — Доля организаций, осуществляющих организационные инновации, в общем количестве организаций

Заключение. По итогам первого этапа реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года следует сделать вывод об отсутствии эффекта в сфере наемного труда, где внедрению инноваций препятствует низкий уровень доходов, экономически неоправданная дифференциация по доходам и проблема бедности. По опыту развитых стран, преодолению данных ограничений могло бы способствовать развитие коллективных форм собственности и расширение труда работников как собственников предприятий, на которых они заняты.

Список цитируемых источников

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017 : стат. сб. — М. : Росстат, 2017. — 1402 с.
2. Биглова, Г. Ф. Социально-экономические факторы формирования конфликтного потенциала в обществе / Г. Ф. Биглова, Ю. В. Мигунова, Ю. Н. Свинухова // Экономика и упр. — 2018. — № 11 (157). — С. 71—77.
3. Рошин, С. Ю. Вторичная занятость в России: моделирование предложения труда / С. Ю. Рошин, Т. О. Разумова. — М. : EERC, 2002. — 72 с.
4. Сауткина, В. А. Возрождение солидарной экономики: попытка реализации утопии или реальная мотивация к развитию? / В. А. Сауткина // Мировая экономика и междунар. отношения. — 2017. — Т. 61, № 1. — С. 88—96.

Поступила в редакцию 25.10.2019

УДК 334.7

В. В. Климук

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Министерство образования Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (29) 712 03 00, klimuk-vv@yandex.ru

ПРЕДИКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОЙ КОЛЛАБОРАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО, НАУЧНОГО И БИЗНЕС-СЕКТОРОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Рост конкуренции на внутреннем и мировом рынках, повышение уровня потребительских запросов относительно товара обуславливают необходимость оперативного поиска механизмов усиления конкурентоспособности. Одним из эффективных механизмов выступает коллаборация образования, науки и бизнеса. Для построения качественной сети взаимодействующих компонентов необходимо определить наиболее важные факторы, изменение которых приводит к динамическому реагированию социально-экономической системы. В работе представлен комплекс обоснованных предпосылок — предикторов, формирующих базис для эффективной синергии секторов образования, науки и бизнеса. В качестве метода исследования определен метод количественной оценки при выстраивании причинно-следственных связей. Представлена схема взаимосвязи предикторов эффективного взаимодействия и предполагаемых преимуществ коллаборации.

Ключевые слова: коллаборация; предиктор; эффективное взаимодействие; образовательный, научный, бизнес-секторы; индексный метод; причинно-следственные связи.

Табл. 1. Рис. 10. Библиогр.: 12 назв.

V. V. Klimuk

Baranovich State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21 Voykova Str., 225404 Baranovich, the Republic of Belarus, +375 (29) 712 03 00, klimuk-vv@yandex.ru

PREDICTORS OF EFFECTIVE COLLABORATION OF THE EDUCATIONAL, SCIENTIFIC AND BUSINESS SECTORS IN TERMS OF DIGITAL ECONOMY

The growing competition in the domestic and world markets and the increase of the level of consumer demands regarding the goods make it necessary to search for mechanisms for competitiveness enhancing. One of the effective mechanisms is the collaboration of education, science and business. To develop a high-quality network of interacting components, it is necessary to define the most important factors which changes lead to the dynamic response of the socio-economic system. The paper presents a complex of reasonable prerequisites — predictors, that form a basis for effective synergy of education, science and business sectors. A scheme of interrelation of the predictors of effective interaction and expected benefits is presented.

Key words: collaboration; predictor; effective interaction; educational, scientific, business sectors; index method; cause-and-effect connections.

Table. 1. Fig. 10. Ref.: 12 titles.

Введение. Несомненную роль науки при взаимодействии с реальным сектором подчеркивает высшее руководство страны. Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко в ходе II Съезда ученых Республики Беларусь отметил настоятельную необходимость взаимодействия науки, образования и бизнеса, подчеркнув ведущую роль промышленности: «Ведь именно в промышленности — ядро всех инноваций. Нет стран с сильной наукой и слабой промышленностью и наоборот. ...Промышленность совместно с наукой и системой образования должна решить несколько основных задач, диктуемых временем: определить направления диверсификации и модернизации производств — от экспертизы новых техноло-

гий и оборудования до участия в создании и вводе их в эксплуатацию. Новые современные заводы надо строить, опираясь на научное обоснование. Обеспечить систематическую работу в области оценки надежности и качества продукции на всех стадиях — от ее разработки до выпуска» [1].

Методология и методы исследования. Гипотеза научного исследования состоит в формировании комплекса предикторов (системы предпосылок) эффективного взаимодействия образования, науки и бизнес-сектора на основе поэтапной процедуры выстраивания причинно-следственных связей с количественной оценкой и подтверждением полученных результатов.

Автором использованы монографические исследования теории и методологии развития научно-инновационной инфраструктуры следующих ученых: А. Лаздиньш, Г. А. Яшева, Г. В. Астратова, Й. Вишневецка-Палушак, Й. Тимановский, Л. Г. Матвеева, О. А. Рушицкая, М. В. Мясникович, О. А. Чернова, Ю. А. Коблова и др.

В целях проведения анализа причинно-следственных связей, оценки экономического потенциала в рамках развития научно-производственной кооперации использованы данные статистических сборников «Статистический ежегодник Республики Беларусь», «Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь».

Методика анализа причинно-следственных связей основана на дедуктивном мышлении с использованием индексирования [2—4].

Необходимость формирования научно-производственной кооперации обуславливается принципами кластеризации, состоящей в определении экономических центров роста, интегрирующих и создающих системообразующие сети [5—7].

Также в работе использован программно-целевой метод [8—10], отражающий поэтапность и целевые ориентиры в стратегии развития научно-производственной кооперации страны.

Результаты исследования и их обсуждение. Основные проблемные аспекты при взаимодействии между организациями образовательного, научного и бизнес-секторов систематизированы и представлены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. — Проблемные аспекты взаимодействия образовательных, научных организаций и бизнеса

Проблемный аспект	Характеристика
Уровень ответственности	Каждая организация — участник объединения должна подготовить действенный план работы, который позволит качественно достичь поставленной глобальной, общей для объединения цели; создается взаимосвязанная цепочка разработчиков, производителей, маркетинговой инфраструктуры
Неуверенность в будущем результате	Боязнь потерять ресурсы, недостижения конечной цели — производства продукта и получения коммерческой выгоды
Ограничение ресурсопользования	Отсутствие желания предоставления своих ресурсов другим пользователям — участникам объединения; «ресурсный эгоизм»
Вопросы координации общего процесса деятельности объединения	Сложность в определении координатора, основного участника — куратора многофункционального процесса
Вопросы распределения полученного экономического эффекта	Несогласованность между участниками по поводу долевого распределения полученной прибыли

Примечание. Собственная разработка.

В качестве основных предпосылок, обусловивших необходимость и целесообразность взаимодействия организаций образовательного, научного секторов и бизнес-структур, выделим следующие.

1. Рост конкуренции на рынках.

Потребительский рынок предъявляет все новые требования к комплексу предложений производителей (продавцов). Существенный риск для отечественных производителей обусловлен появлением на внутреннем рынке зарубежных продавцов (рисунок 1), которые в целях закрепления на новом рынке предлагают наиболее выгодные условия касательно качества товаров, расширенных номенклатурных и ассортиментных позиций, финансовых условий и других преимуществ. Так, с 2017 года существенно увеличилось количество иностранных организаций в Республике Беларусь (на 12,2 % относительно значения предыдущего периода). В 2018 году рост продолжился (+5,3 %). Данный тренд усиливает конкуренцию отечественных производителей.

Рост иностранных организаций, действующих на территории Республики Беларусь, оказывает существенное воздействие как на вытеснение собственных, отечественных производителей, так и на рост импорта в страну (рисунок 2). Так, прирост импорта в 2018 году составил 13,3 % относительно значения прошлого года.

Следовательно, конкуренция формирует необходимость поиска надежных, динамично развивающихся партнеров для объединения в целях повышения комплексного уровня экономического потенциала и достижения синергетического эффекта от взаимодействия.

2. Необходимость расширения.

Постоянство в работе организаций как в производственном векторе, так и в финансово-экономическом плане не приемлемо. Иначе в таком случае отсутствуют ресурсы для будущего развития, расширения своей производственной базы, усиления материально-технической инфраструктуры, роста денежных вознаграждений работникам, проведения производственно-экспериментальных работ для создания инновационных товаров. Стратегия организации должна быть построена в векторе ее будущего расширения: создания новых рабочих мест, производства инновационной продукции, модернизации и усиления материально-технической ресурсной базы. В Республике Беларусь количество микроорганизаций растет: в 2018 году темп прироста к уровню предыдущего года составил 2,5 % (рисунок 3).

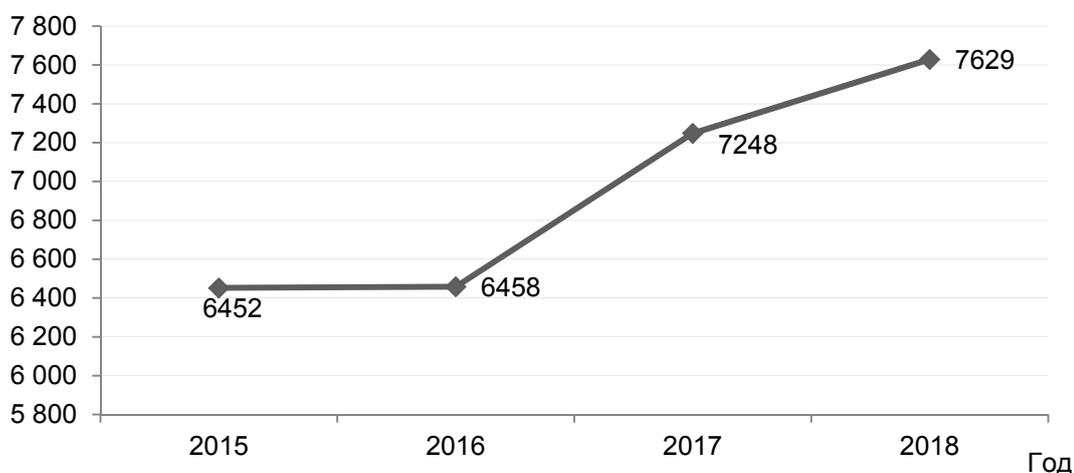

Рисунок 1. — Количество организаций в Республике Беларусь с иностранной собственностью

Примечание. Собственная разработка по данным источника [11].

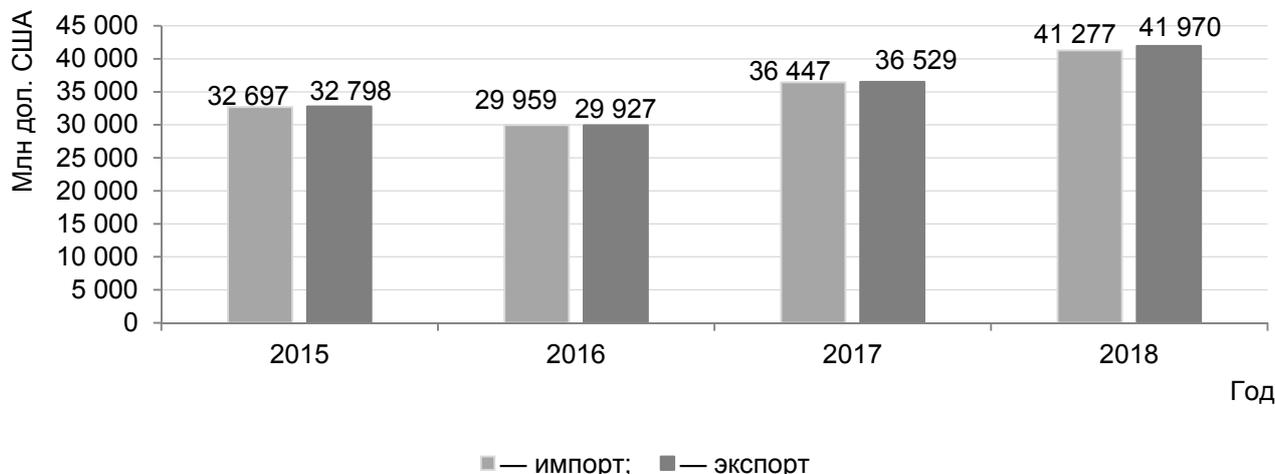

Рисунок 2. — Состояние внешнеэкономической деятельности Республики Беларусь

Примечание. Собственная разработка по данным источника [11].

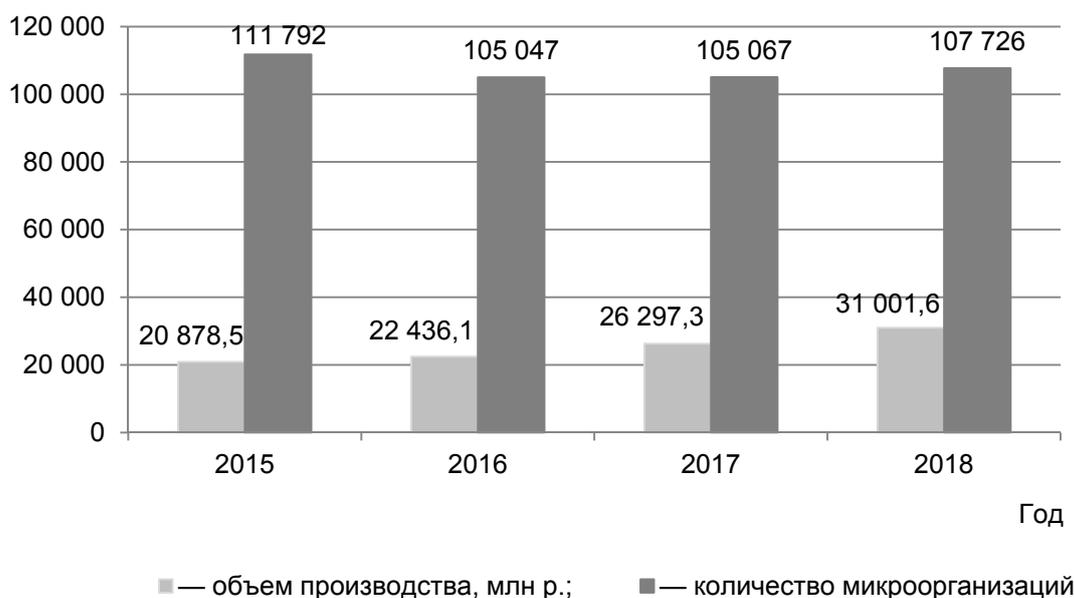

Рисунок 3. — Количество микроорганизаций и объем произведенной продукции

Примечание. Собственная разработка по данным источника [11].

Однако следует отметить высокий процент убыточных микроорганизаций, который в 2016—2017 годах был представлен увеличением на 14,7 и 6,2 % соответственно к предыдущим значениям (рисунок 4). Как раз форма кооперации организаций позволит нивелировать данный негативный фактор, объединив усилия в реализации общей цели.

3. Необходимость создания инновационных производств.

Запросы потребителей растут прогрессивными темпами, импорт зарубежной продукции открывает для потребителей новые виды товаров. Для завоевания новых рынков, формирования рыночной ниши, участия в конкурентной борьбе оптимальным вариантом является кооперация.

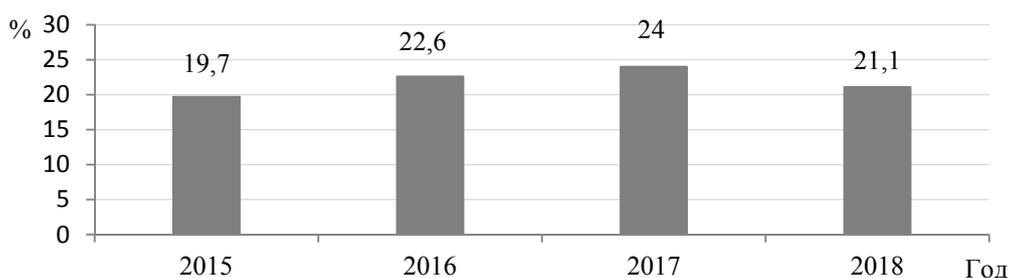

Рисунок 4. — Доля убыточных микроорганизаций в Республике Беларусь в общем количестве

Примечание. Собственная разработка по данным источника [11].

Инновационные товары, услуги повышают рейтинг страны на мировом рынке реализуемой продукции, формируют бренд отечественного производителя.

Заметна положительная динамика в направлении инновационного развития страны, однако доля инновационной продукции, новой для мирового рынка, является по-прежнему низкой — 0,5 % (рисунок 5). Для исправления ситуации необходима разработка оригинальной продукции, позволяющей занять рыночную нишу на международном рынке, что обуславливает необходимость поиска партнера в целях кооперирования ресурсов.

4. Дефицит отдельных видов ресурсов.

Учитывая необходимость создания инновационной продукции, повышения интеллектуального, профессионального уровня компетенций сотрудников, модернизации и расширения материально-технической инфраструктуры, оперативного реагирования на запросы, изменяющиеся условия функционирования социально-экономической системы, генерирования и обоснованности производственных инициатив, организации испытывают существенный дефицит отдельных видов ресурсов: финансовых, интеллектуальных, материальных, технико-технологических. Взаимодействие организаций позволит нивелировать данный дефицит:

- интеллектуальных ресурсов — за счет программ повышения компетентностного уровня работников в образовательных организациях;
- материальных ресурсов — путем взаимного участия промышленных предприятий в процессе потребления, распределения полезных материальных ресурсов;
- финансовых ресурсов — на основе предложения выгодных условий в виде банковских продуктов кредитно-финансовыми организациями;
- технико-технологических ресурсов — за счет предоставления производственной базы организациями реального сектора экономики для проведения научно-исследовательских работ, практико-ориентированного обучения будущих специалистов.

5. Несогласованность комплексной стратегии развития каждого сектора.

Образовательный, научный и бизнес-секторы в большей степени работают отдельно, не учитывая взаимные интересы, меняющиеся тренды, необходимость роста комплексной конкурентоспособности. Не должно быть отдельного функционирования каждого сектора. Необходимо следование логическому алгоритму: образовательные организации обучают будущих специалистов новым, актуальным знаниям, формируя конкурентоспособного, мобильного, креативного специалиста; научные организации проводят исследования, которые обязательно найдут отражение в практических сферах социально-экономической системы; предприятия реального сектора экономики предоставляют базу для практического обучения, проведения научных исследований и формируют запросы на новые научно-технические, инновационные разработки в целях повышения уровня наукоемкости производимой продукции, инновационного уровня социально-экономического развития.

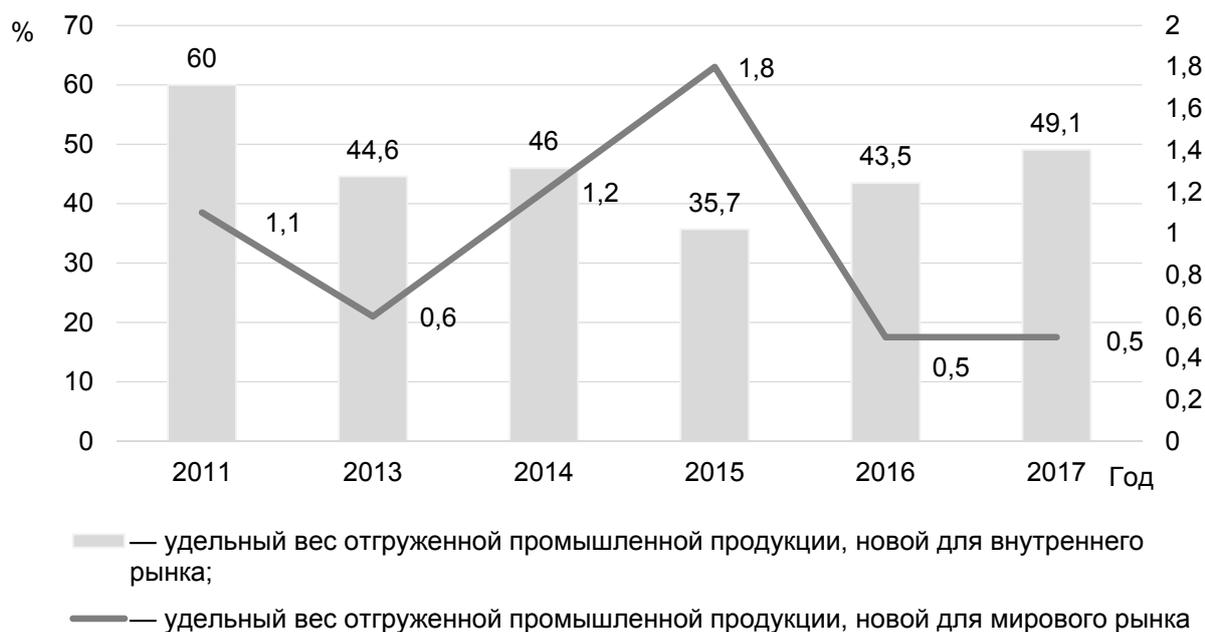

Рисунок 5. — Удельный вес отгруженной промышленной продукции, новой для внутреннего рынка, и новой для мирового рынка соответственно

Примечание. Собственная разработка по данным источника [12].

В Республике Беларусь на протяжении последних 4 лет стабильное количество учреждений высшего образования (51 учреждение), однако количество выпускников из данных учреждений колеблется (через год): в 2018 году сокращение выпускников произошло на 19,9 % (рисунок 6).

Относительное постоянство по количеству отмечено и по организациям, выполняющим научные исследования и разработки: за последние 3 года их количество составляло порядка 450. При этом внутренние затраты на научные исследования выросли на 30 % в 2018 году относительно значений предыдущего периода (рисунок 7).

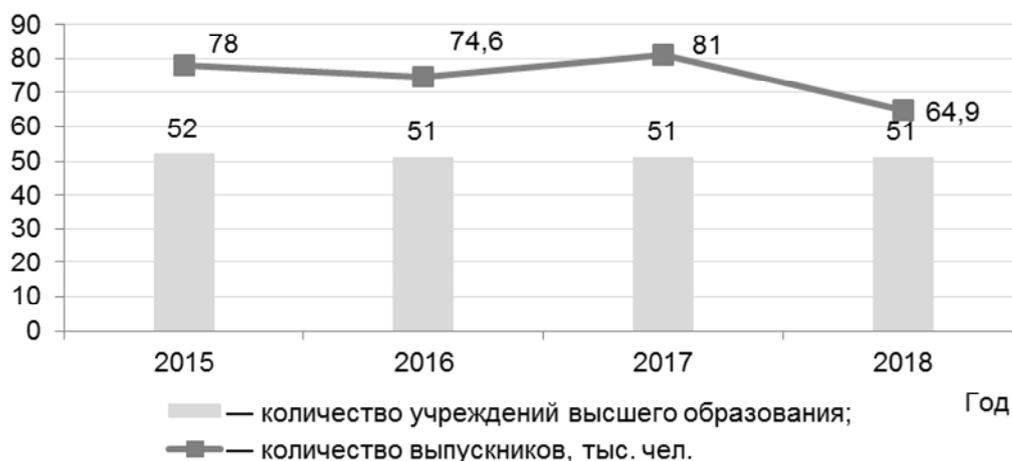

Рисунок 6. — Количество учреждений высшего образования и выпускников в Республике Беларусь

Примечание. Собственная разработка по данным источника [12].

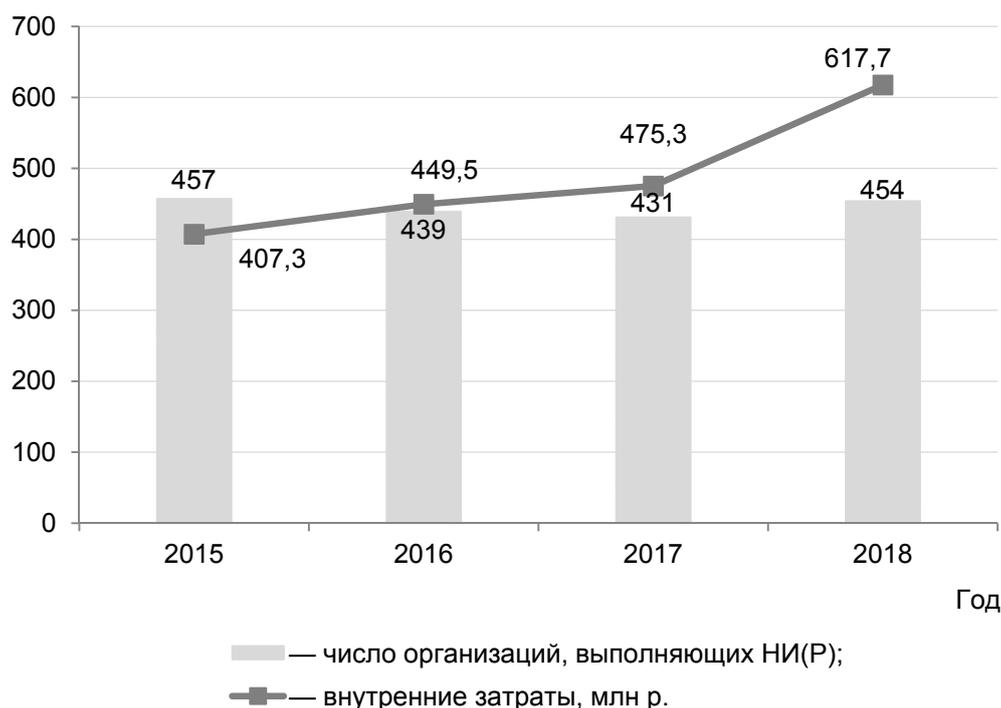

Рисунок 7. — Количество организаций в Республике Беларусь, выполняющих научные исследования и разработки, и внутренние затраты на их проведение

Примечание. Собственная разработка по данным источника [12].

Следует отметить важность внимания и приоритет при финансировании именно прикладных научных исследований, которые создают продукт, апробируют его и представляют реальному сектору экономики. Коэффициент соотношения затрат на прикладные и фундаментальные исследования составляет в среднем 2 (рисунок 8).

Из статистических данных видно, что число организаций реального сектора экономики (для примера — обрабатывающая промышленность), начиная с 2016 года, сокращается в среднем ежегодно на 4 %, при этом объем промышленного производства растет ежегодно в среднем на 11 % в текущих ценах (рисунок 9). Кооперация позволит достичь мультипликативного эффекта от взаимодействия партнеров.

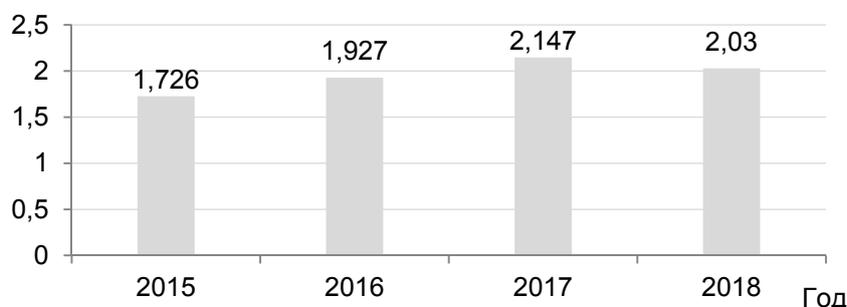

Рисунок 8. — Коэффициент соотношения внутренних текущих затрат на прикладные и фундаментальные исследования в Республике Беларусь соответственно

Примечание. Собственная разработка по данным источника [12].

Рисунок 9. — Количество организаций промышленности и объем производства продукции в Республике Беларусь

Примечание. Собственная разработка по данным источника [11].

б. Мобильность и оперативность реагирования на изменения (запросы, тренд).

Организации достаточно сложно самостоятельно проводить качественный постоянный мониторинг состояния современного рынка (как внутреннего, так и внешнего), что является барьером к удержанию своих позиций на рынке.

Взаимодействие образования, науки, бизнеса позволит проводить постоянный мониторинг в различных областях на предмет изменения условий функционирования, новых трендов, возможностей. Данная кооперация позволит оперативно реагировать на состояние рынка, социальной среды, международного рынка.

Рисунок 10. — Схема взаимосвязи предпосылок и преимуществ от взаимодействия

Примечание. Собственная разработка.

7. Необходимость постоянного обучения работников.

В каждой сфере наращивание интеллектуального потенциала выступает одной из основных задач. Базовой моделью социально-экономического развития должна выступать «экономика знаний», являющаяся комплексной системой построения и развития составных компонент для создания инноваций и роста конкурентоспособности.

Таким образом, система рассмотренных предпосылок обуславливает необходимость кооперации в секторах образования, науки, бизнеса, в результате которой каждый партнер-участник получает экономические выгоды (рисунок 10).

Заключение. Гипотеза о формировании комплекса предикторов эффективного взаимодействия образования, науки и бизнес-секторов путем поэтапной процедуры выстраивания причинно-следственных связей на основе количественной оценки составных факторов подтвердилась.

Предложено рассмотрение следующих предпосылок, обуславливающих необходимость взаимодействия образовательного, научного и бизнес-секторов: рыночная конкуренция, необходимость расширения производства, необходимость создания инноваций, возможность использования дефицитных ресурсов и материально-технической площадки, несогласованность стратегии развития каждой организации, мобильность и адаптация к изменяющимся условиям функционирования социально-экономической системы, требование к постоянному повышению профессиональных компетенций и практических навыков. Учитывая данные предпосылки, повышается уровень эффективности построения научно-производственной кооперации.

Список цитируемых источников

1. Тема недели: Наука — важнейший фактор прогресса [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vitvesti.by/politics/nauka-vazhneishii-faktor-progressa.html>. — Дата доступа: 25.06.2019.
2. Klimuk, V. Interaction of education, science and business in terms of digital economy development / V. Klimuk, A. Lazdins // 20th annual international scientific conference economic science for rural development. — Jelgava. — 2019. — P. 125—130.
3. Venkatraman, N. Real strategies for virtual organizing / N. Venkatraman, J. Henderson // MIT Sloan Management Review. — 1998. — Vol. 40. — № 1.
4. Чернова, О. А. Перспективы экономической интеграции стран Евразийского экономического союза на основе реализации виртуальных форм взаимодействия / О. А. Чернова // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. — 2018. — № 43. — С. 246—255.
5. Timanovski, J. Szanse i zagrożenia dla modernizacji / J. Timanovski // Rola i snaczenie Republiki Białorusi we współczesnej Europie. — 2017. — Warszawa. — P. 177—183.
6. Wisniewska-Paluszak, J. Sieci i spółdzielnie jako formy kooperacji gospodarczej / J. Wisniewska-Paluszak, G. Paluszak // Przedsiębiorstwo w strukturach sieci. Doświadczenia i perspektywy rozwoju w Europie Środkowej i Wschodniej, Redakcja naukowa Gabriel Główka, Roman Sobiecki, Edition, 2016.
7. Яшева, Г. А. Кластерная концепция повышения конкурентоспособности предприятий в контексте сетевого сотрудничества и государственно-частного партнерства : монография / Г. А. Яшева. — Витебск : ВГТУ, 2010. — 373 с.
8. Matveeva, L. G. Evaluation of the Effectiveness of Import Substitution Policies in Industry: Methodological Tools / L. G. Matveeva, O. A. Chernova, V. V. Klimuk // News of the Far Eastern Federal University. Economics and Management. — 2015. — № 3 (75). — P. 3—14.
9. Walker, H. The virtual organisation: A new organisational form? / H. Walker // International Journal of Networking and Virtual Organisations. — 2006. — № 3. — P. 25—41.
10. Коблова, Ю. А. Виртуальные организации как новейшая форма сетевых структур / Ю. А. Коблова // Вестн. Саратов. гос. соц.-экон. ун-та. — 2013. — С. 18—21.
11. Статистический ежегодник Республики Беларусь. — Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. — 490 с.
12. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь : стат. сб. — Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. — 140 с.

Поступила в редакцию 04.07.2019

УДК 331.522

А. Н. Короб

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Министерство образования Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (29) 787 37 49, nemodakar@mail.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ СТРУКТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ЭКОНОМИКИ ПРИ ОПЛАТЕ НАСЕЛЕНИЕМ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНЫХ УСЛУГ

В статье рассмотрены вопросы оплаты домашними хозяйствами жилищно-коммунальных услуг, проанализирована существующая система материальной поддержки малообеспеченных групп населения при оплате данных услуг. На основе проведенного исследования автор делает выводы о структурной трансформации белорусской социально ориентированной экономической модели.

Ключевые слова: жилищно-коммунальные услуги; социальная поддержка; малообеспеченное население; «энергетическая» бедность.

Библиогр.: 4 назв.

A. N. Korob

Baranovichi State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21 Voykova Str., 225404 Baranovichi, the Republic of Belarus, +375 (29) 787 37 49, nemodakar@mail.ru

PRECONDITIONS OF STRUCTURAL TRANSFORMATIONS OF THE ECONOMY WHEN PAYING HOUSING AND COMMUNAL SERVICES BY THE POPULATION

The article discusses the issues of payment of housing and communal services by households; it analyzes the existing system of material support for low-income groups to pay these services. The author draws conclusions based on the conducted research on the structural transformation of the Belarusian socially-oriented economic model.

Key words: housing and communal services; social support; low-income population; “energy” poverty.

Ref.: 4 titles.

Введение. В данной статье исследуются финансовые возможности оплаты населением жилищно-коммунальных услуг за несколько лет. Определены тенденции, которые негативно влияют на возможности домашних хозяйств оплачивать данные расходы в будущем. Полученные результаты свидетельствуют о том, что необходимы изменения экономического механизма социальной поддержки оплаты населением жилищно-коммунальных услуг, которые будут нивелировать последствия либерализации экономики. В экономических системах государств, основанных на восточной институциональной матрице, доминирует патерналистское отношение государства к населению и приоритет общественных интересов над личными. Данное обстоятельство проявляется в централизованном перераспределении валового внутреннего продукта, а социальная поддержка населения является приоритетной целью [1, с. 45—46].

Результаты исследования и их обсуждение. Ведущий отечественный ученый и государственный деятель в области социальной политики А. П. Морова считает, что периоды масштабных экономических преобразований, ломки традиционных стереотипов, представлений и существующих идеологических парадигм сопровождаются принципиальными изменениями в социальной сфере и, прежде всего, в системе социально-трудовых отношений. Она подчеркивает, что экономическая трансформация имеет шанс на успех лишь в том случае,

если избегает обнищания и отторжения, неприятия со стороны общественного мнения основных парадигм и механизмов проводимых реформ [2, с. 64].

На сегодня либеральными экономистами пропагандируется тезис о целесообразности проведения структурных реформ, под которыми мы понимаем проведение государственными органами целенаправленных мер по изменению механизмов регулирования народного хозяйства и преобразованию модели экономического роста. Очевидно, что структурные экономические преобразования не всегда находят поддержку у населения: краткосрочные издержки будут преобладать в восприятии общества над кратко- и долгосрочными выгодами. Тогда отдельными социальными группами лоббируется тезис о снижении интенсивности преобразований, который может трансформироваться в намерение остановить их или отказаться от их проведения. При этом без реализации реформ улучшение экономической ситуации с трудом прогнозируется. К. В. Рудый определяет издержки от проведения структурных экономических реформ в виде снижения уровня жизни нынешнего поколения ради устойчивого роста благосостояния следующего поколения. В целом ответ на вопрос, к чему ведут структурные экономические реформы, ученый и государственный деятель формирует так: к созданию свободной структуры экономики, которая формируется не под влиянием теорий, предпочтений и умозаключений, а из рыночной практики эффективной экономической деятельности. Структурные реформы создают институты и конкурентные рынки, которые обеспечивают гибкость и устойчивость свободной структуры экономики [3, с. 40]. Именно создание новых институтов и конкурентных рынков видится необходимым для повышения экономической эффективности жилищно-коммунального хозяйства, а также обеспечения доступности населения к создаваемым этим хозяйством услугам.

Основная часть. В Республике Беларусь жилищно-коммунальные услуги включают в себя следующее: капитальный ремонт, техническое обслуживание, текущий ремонт, а также коммунальные услуги, в которые входят водоснабжение, водоотведение, газо-, электро- и теплоснабжение, пользование лифтом, вывоз и переработка отходов. В случае, если для домашнего хозяйства расходы на коммунальные услуги являются значительными, то отдельным группам населения государство может предоставить поддержку по их оплате.

Государство оказывает следующие виды поддержки населения при оплате жилищно-коммунальных услуг:

– субсидируемые тарифы — предусматривается снижение оплаты отдельных услуг при условии потребления в пределах строгих лимитов;

– льготные тарифы представляют собой снижение субсидируемых тарифов на 50 % для определенных категорий населения (ветераны Великой Отечественной войны, инвалиды I и II групп);

– безналичные субсидии — предоставляются в случае, если расходы на оплату жилищно-коммунальных услуг превышают 20 % от располагаемых доходов домашнего хозяйства (15 % — для проживающих в сельской местности). При этом субсидия предоставляется только на сумму, превышающую данный уровень.

За период с 2007 по 2012 год показатель бремени расходов домохозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг снизился с 5,9 до 3,0 %. Тем не менее, начиная с 2013 года, данный показатель постоянно растет и в 2016 году достиг 5,2 %. Для домохозяйств, проживающих в сельской местности, тяжесть расходов на жилищно-коммунальные услуги по сравнению с 2012 годом выросла на 88,5 %, а для городских семей — на 70,1 %. К концу 2019 года планируется, что население будет возмещать 80,5 % затрат за оказанные жилищно-коммунальные услуги, остальное будет субсидироваться из бюджетных источников. Планируемый уровень возмещения домашними хозяйствами этих затрат рассчитывается на очередной финансовый год без учета льгот, которые предоставляют отдельным категориям населения. Например, на 2017 год планируемый уровень возмещения населением затрат на жилищно-коммунальные услуги прогнозировался на уровне 69,2 %, а после перерасчета фактический

уровень возмещения составил 69,7 %. В 2018 году в Беларуси утвердили антиинфляционную программу, которой предусмотрено увеличение уровня возмещения населением жилищно-коммунальных услуг. На данный момент население полностью оплачивает все услуги, кроме отопления, газоснабжения и электроэнергии. При этом по электроэнергии выйти на оплату населением по полным тарифам планируется в 2019 году, но пока не решен вопрос о 100 %-м уровне возмещения за газоснабжение и тепловую энергию.

Функционирование предприятий жилищно-коммунального хозяйства строится на принципе плановой убыточности, который предполагает превышение расходов над доходами и, следовательно, генерирование отрицательного финансового результата — убытка. Отсутствие прибыльности в отечественной хозяйственной практике характерно и для общественного транспорта, который также субсидируется, но ввиду более простой схемы формирования затрат в этой сфере тарифы довольно четко определены. При расчете тарифов на жилищно-коммунальные услуги включаются многочисленные статьи затрат, которые дифференцированы не только в зависимости от региона, но и от предприятия к предприятию. Данное обстоятельство позволяет местным органам власти к организациям жилищно-коммунального хозяйства присоединять не совсем профильные виды деятельности (бани, заведения культуры и пр.). При этом надо учитывать, что юридические лица, в отличие от населения, оплачивают жилищно-коммунальные услуги по завышенным тарифам, что приводит к перекрестному субсидированию граждан. Целесообразно предприятиям оплачивать услуги жилищно-коммунального хозяйства по экономически обоснованным тарифам. При этом переход от плановой убыточности на полный хозяйственный расчет в сфере коммунального хозяйства со 100 %-й оплатой населением жилищно-коммунальных услуг позволит не только стимулировать снижение тарифов, но и снижение себестоимости выпускаемой продукции коммерческих организаций. Для малообеспеченных категорий лиц, конечно же, необходимо в этом случае предусматривать государственную поддержку при оплате услуг данных. Именно в мировой практике чаще всего встречается субсидирование жилищно-коммунальных услуг и оплата по льготным тарифам для малообеспеченных категорий населения. Особенно остро стоит проблема доступа к данным услугам в странах Европейского союза, где появился термин «энергетическая бедность». Под данным понятием подразумевается невозможность обеспечить в полной мере свои энергетические потребности или оплатить счета за энергию. В отдельных европейских странах предоставляется помощь не только на оплату отдельных коммунальных услуг, но и в виде прямых субсидий на установку ресурсосберегающего оборудования либо устройств для получения энергии из альтернативных источников. Ко всему этому энергетическими компаниями может проводиться бесплатный энергетический аудит помещения, а затем предоставляться рекомендации по снижению потерь энергии.

Независимые экономисты отмечают, что в Беларуси субсидии на оплату жилищно-коммунальных услуг регрессивны в абсолютном выражении: самые бедные домохозяйства получают в два раза меньше, чем самые богатые. Дело в том, что доступ к субсидиям предоставляется в равной степени как богатым, так и бедным домашним хозяйствам. Но поскольку более высокий доход обычно подразумевает более просторное жилье, домохозяйства с более высоким доходом сталкиваются с большими коммунальными расходами и, соответственно, получают более высокие субсидии, что и повышает для них доступность оплаты жилищно-коммунальных услуг. В то же время, если рассмотреть субсидии на оплату жилищно-коммунальных услуг в относительном выражении, то они являются прогрессивными: более бедные домохозяйства получают более высокую долю своего дохода в виде субсидий. Данное обстоятельство можно интерпретировать как сравнительно более высокую помощь беднейшим домохозяйствам по оплате жилищно-коммунальных услуг, что в реальности не является верным [4, с. 13].

За последние годы в Беларуси наметилось несколько отрицательных тенденций, способных негативно повлиять на возможности домашних хозяйств оплачивать расходы на жилищно-коммунальные услуги в будущем:

1) существенно снизились субсидии на жилищно-коммунальные услуги в среднем на одно домохозяйство, которые в 2016 году по сравнению с 2011-м уменьшились в сопоставимых ценах на 72 %;

2) с 2011 по 2016 год уменьшилась доля домашних хозяйств, получивших субсидии на оплату жилищно-коммунальных услуг с 4,6 до 3,4 %, что подтверждает тенденцию по уменьшению социальной поддержки для малообеспеченных слоев населения. Например, за период с 2008 по 2016 год доля среднедушевых льгот и выплат в среднедушевых доходах малообеспеченных домашних хозяйств снизилась в два раза, составив 2,2 %. Частично данное обстоятельство объясняется применением с 2011 года более строгих критериев отбора для определения нуждающихся домашних хозяйств [4, с. 15—18].

За последние годы динамика цен на жилищно-коммунальные услуги существенно контрастирует с динамикой индекса потребительских цен (ежегодное превышение составляет более 20 процентных пунктов), что предполагает необходимость более сильной корректировки размера государственных субсидий в соответствии с изменениями цен на жилищно-коммунальные услуги.

Основным отличием отечественной практики оплаты жилищно-коммунальных услуг является комплексное субсидирование всех статей расходов, в то время как в развитых странах делается акцент на адресную социальную помощь по финансированию только отдельных услуг.

По мнению ученых-экономистов, действующая система господдержки по оплате жилищно-коммунальных услуг не совсем избирательна в направлении помощи наиболее уязвимым группам населения, в частности, малообеспеченным домашним хозяйствам и многодетным семьям. Данные группы домашних хозяйств обладают наиболее низкими среднедушевыми доходами на 1 рубль, потраченный на оплату жилищно-коммунальных услуг, что негативно влияет на их способность обеспечивать устойчивые источники средств к существованию [4, с. 21].

Заключение. Эталонной отраслью белорусской институциональной системы является жилищно-коммунальное хозяйство, которое функционирует на принципах плановости и обязательного государственного финансирования понесенных убытков. Если принцип плановости не подвергается пересмотру в научных кругах, то вопросы самоокупаемости отрасли и отмены государственной финансовой поддержки будут решены в ближайшее время. Абсолютно очевидно, что это создаст социальную напряженность в обществе ввиду отсутствия экономически обоснованных механизмов социальной поддержки населения для обеспечения оплаты жилищно-коммунальных услуг: наибольшую выгоду от действующей системы перекрестного субсидирования получают весьма обеспеченные домашние хозяйства, а инструменты адресной социальной помощи требуют существенных затрат на администрирование. Субсидируемые тарифы для населения способствуют экономии ограниченных ресурсов, но не обеспечивают их эффективное использование, т. е. не достигается максимальный эффект при минимальных затратах. Вся тяжесть такого дисбаланса ложится на субъекты хозяйствования, которые оплачивают жилищно-коммунальные услуги по завышенным тарифам. В условиях значительного количества убыточных предприятий и снижения финансовых вливаний на различных уровнях консолидированного государственного бюджета становится очевидной необходимость перехода на 100 %-е возмещение населением оплаты жилищно-коммунальных услуг, которое приведет не только к увеличению уровня абсолютной бедности и проявлению «энергетической» бедности, но и к росту просроченной задолженности перед жилищно-коммунальным хозяйством. Адресная социальная помощь, призванная нивелировать тяжесть оплаты жилищно-коммунальных услуг для малообеспеченных групп населения, не подкрепляется наличием необходимых государственных финансов, поэтому в полной мере не решит назревающую проблему.

Жилищно-коммунальное хозяйство можно признать индикативной отраслью, которая демонстрирует проблемы плановой экономики и недостатки директивного управления. Для обеспечения стабильного функционирования такой экономической модели целесообразно поддержание убыточных производств, которые выполняют функции больше социальной защиты населения, нежели ориентированы на эффективную работу в целях получения прибыли. Однако уменьшающиеся ресурсы не позволяют в полной мере оказывать поддержку убыточным государственным предприятиям, что приводит к их неплатежеспособности. Издержки в социальном контракте государства и населения могут затронуть белорусскую социально-экономическую модель, которая ориентирована на поддержку граждан через предприятия. На основе исследования проблем оплаты населением услуг жилищно-коммунального хозяйства очевидным становится либерализация экономики, которая является существенной угрозой белорусской социально ориентированной модели.

Список цитируемых источников

1. Лученок, А. И. Институты правящей экономикой / А. И. Лученок ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. — Минск : Беларус. навука, 2018. — 279 с.
2. Морова, А. П. Модель социальной политики в Республике Беларусь: генезис и законодательное обеспечение / А. П. Морова // Социология: ст. и докл. — 2012. — № 1. — С. 64—76.
3. Рудый, В. В. Структурные экономические реформы: необходимость для Республики Беларусь и зарубежный опыт / К. В. Рудый // Белорус. экон. журн. — 2015. — № 1. — С. 30—31.
4. Мазоль, О. Оценка доступности оплаты расходов на жилищно-коммунальные услуги для домашних хозяйств Беларуси за 2007—2016 годы / О. Мазоль, Е. Циуля ; Белорус. экон. исслед.-образоват. центр BEROС. — Минск : BEROС Policy Paper Series, 2018. — 33 с.

Поступила в редакцию 30.08.2019

УДК 378(100)

D. N. Leptyuk¹, V. M. Strok²

Yanka Kupala State University of Grodno, Ministry of Education of the Republic of Belarus,
22 Ozhesko Str., 230023 Grodno, the Republic of Belarus, ¹+375 (152) 73 19 00, leptyuk.d@gmail.com,
²+375 (152) 73 19 00, vitali.strok@gmail.com

INTERNATIONAL EDUCATIONAL MIGRATION

According to numerous reports, the number of international students in 2016 has increased five times compared to 1975. As a result of education migration most countries are facing a brain drain problem. Clear understanding of migration trends and patterns can help to adjust programs and take measures to regulate the migration of qualified professionals. The article addresses major trends of students' international migration in the field of higher education; identifies factors, affecting the choice of the country of study. The article also assesses similarities and differences in the international migration coordination policies of the countries, leading in educational migration. As a result, the top educational migration destinations, as well as the most qualitative and promising ways of regulating international educational migration were identified. This experience will allow other countries to improve the quality of education received by international students, as well as motivate highly qualified specialists to return home upon graduation.

Key words: migration; international education; factors of influence; dynamics of educational migration.

Fig. 1. Table 3. Ref.: 4 titles.

Д. Н. Лептюк¹, В. М. Строк²

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купаль»,
Министерство образования Республики Беларусь, ул. Ожешко, 22, 230023 Гродно, Республика Беларусь,
¹+375 (152) 73 19 00, leptyuk.d@gmail.com, ²+375 (152) 73 19 00, vitali.strok@gmail.com

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ

По многочисленным данным, количество иностранных студентов в 2016 году увеличилось в пять раз по сравнению с 1975-м. В результате процессов образовательной миграции множество стран столкнулись с проблемой «утечки мозгов». Четкое понимание тенденций и закономерностей миграции может помочь корректировать программы и принимать меры по регулированию миграции квалифицированных специалистов. В статье рассматриваются основные тенденции международной миграции студентов в сфере высшего образования; определены факторы, влияющие на выбор страны обучения. Статья также оценивает сходства и различия в политике координации международной миграции стран, лидирующих в сфере образовательной миграции. В результате были определены популярные направления и наиболее качественные и перспективные пути регулирования международной образовательной миграции. На примере опыта наиболее популярных в сфере получения образования стран другие страны могут повысить качество образования, получаемого иностранными студентами, и мотивировать высококвалифицированных специалистов вернуться на родину после окончания обучения.

Ключевые слова: миграция; международное образование; факторы влияния; динамика образовательной миграции.

Рис. 1. Табл. 3. Библиогр.: 4 назв.

Introduction. Since 2011, the number of international students has increased by 900 thousand people (Figure 1). Most governments are facing a brain drain problem. They are developing programmes to regulate international migration of skilled personnel. Special attention should be paid to educational initiatives, aimed at attracting schoolchildren, university students and international educational migrants. As a rule, they are aimed at creating conditions for retaining students of these universities in the host country. The process of globalization strengthens the international labour market every year, and international labour migration is the most important mechanism for development. Given this analysis of educational migration, it is important to understand main trends in the dynamics of migration of qualified personnel.

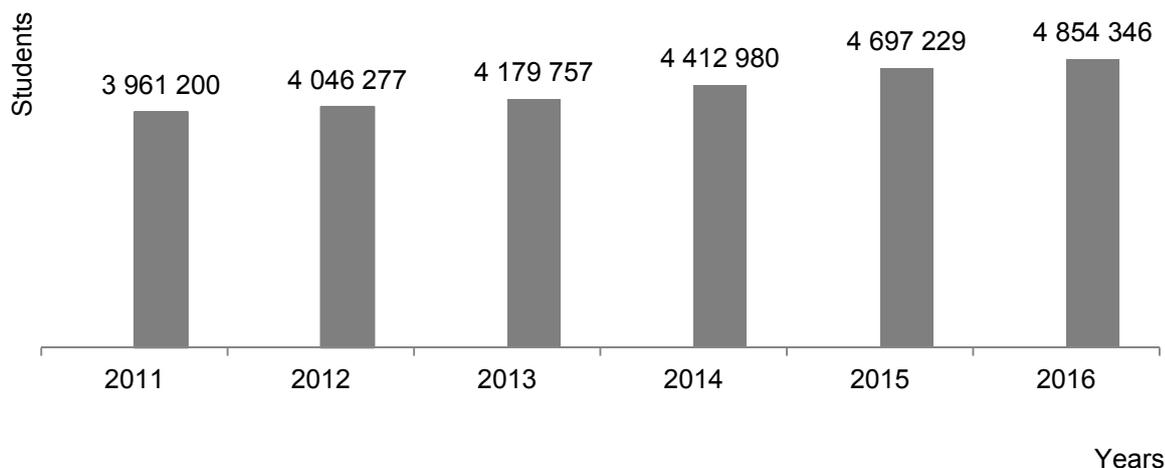

Figure 1. — Internationally mobile students, Global

Note. Own development based on [1].

Migration of higher education students is characterized by substantial positive dynamics in the number of foreign students enrolled in higher education institutions. It is crucial that the mobility of students increases with reaching more advanced levels of education. International students account for only 6 % of total enrolment in tertiary education, but they represent 26 % of enrolment in doctoral programmes. Also Asian students are more internationally mobile at short-cycle tertiary and masters level, while European students tend to be more mobile at bachelor's level.

Statistics from the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) show a long-term trend of increasing number of international students. Over the past 30 years, the number of foreign students has increased almost fivefold, from 800.000 in 1975 to 4.6 million in 2015. The growth in the number of foreign students is associated with the following factors: first, the strategies pursued by states to preserve and develop political and social ties between countries. Especially in connection with the construction of a single European environment. Secondly, there is a significant increase in the number of students receiving higher education. Third, the democratization of prices in the context of globalization in the field of transport [2].

Methodology and methods of research. To write this work, such research methods as analysis and synthesis, system approach, economic and statistical methods, comparative analysis were used. The following methods were used in the course of research: analysis and synthesis, systematic approach, comparative analysis, as well as tabular and graphical methods.

The results of the study and their discussion. According to table 1 [3], the most popular countries are those that have well-developed programs regulating educational migration. Also these countries have a high level of education and the opportunity to work in this country after graduation from educational programs.

As you can see on the table 2, OECD countries (with the exception of Norway, Luxembourg and Iceland) accept almost 3 times more international students than they send abroad for education. These countries are the most popular destination for international students. It is also important that one in three of the four EU students comes from another European country, which indicates the high intraregional mobility of students.

The USA, the United Kingdom, China, Australia, France occupy a leading position in the directions of foreign migration of students.

Table 1. — Top host destination of international students worldwide in 2017, by number of students

Top 8 host countries for international students	Total number of international students in 2017	Top three countries of origin for international students
United States	1 078 822	China, India, Korea, Rep.
United Kingdom	501 045	China, Malaysia, India
China*	442 773	Korea, Rep., USA, Japan
Australia	327 606	China, India, Malaysia
France	323 933	Morocco, China, Algeria
Canada	312 100	China, India, France
Russia*	296 178	Kazakhstan, Ukraine, Uzbekistan
Germany	251 542	Turkey, China, Russia

Note. Own development based on [3].

Table 2. — Migration of students by 2017 (UNESCO)

Country	Number of mobile students abroad	% of population	Number of mobile students hosted	% of population
Australia	12 713	0.05	335 512	1.33
Austria	17 603	0.20	70 484	0.81
Belgium	13 975	0.12	61 102	0.53
Canada	50 222	0.13	189 478	0.51
Denmark	5 117	0.09	34 034	0.60
Finland	10 033	0.18	23 197	0.41
France	90 717	0.14	245 349	0.38
Germany	119 021	0.14	244 575	0.29
Japan	31 702	0.03	143 457	0.11
Netherlands	16 897	0.10	89 920	0.52
New Zealand	5 580	0.11	53 854	1.10
Sweden	17 281	0.17	28 029	0.28
Switzerland	13 185	0.15	51 911	0.60
United Kingdom	34 025	0.05	432 001	0.65
USA	72 830	0.02	971 417	0.29
Singapore¹	24 793	0.41	53 122	0.88
Iceland*	2 622	0.78	1 260	0.38
Luxembourg*	10 243	1.67	3 268	0.53
Norway*	18 806	0.35	10 880	0.20

Note. Own development based on [3].

1 — The black color of selected countries outside the OECD.

* — Countries in which the number of mobile student abroad exceeded the number of mobile students hosted.

When choosing a country of study, the following factors are essential for a potential migrant student.

Geographical proximity

A striking example of the importance of geographical proximity in the choice of the country of study, are the States of the European Union. In the EU, more than 70 % of international students are citizens of another European country. In general, it is worth noting the asymmetry of educational migration towards regional centers.

Language proximity

According to OECD studies, the most attractive countries are those with educational programmes in English. In this regard, a significant part of non-English-speaking countries began to provide courses in English, to eliminate the language factor in the decision to study outside the country of citizenship. On average, among OECD countries in 2017, one in four foreign students comes from a country with the same official state language or widespread use as the recipient country [2].

Cultural and socio-economic proximity

A significant proportion of foreign students from Africa studying in the UK, France and Belgium are from their former colonies. More than half of foreign students (56 %) in Russia are citizens of Belarus, Kazakhstan, Ukraine, Azerbaijan and Uzbekistan [3].

Tuition

Tuition also acts as one of the factors of attractiveness of this or that direction of studies. Public and private educational institutions consider foreign students as an additional source of income. In most OECD countries, tuition fees charged by public universities are higher for foreign students than for their citizens.

In countries such as the United States and the United Kingdom, the unattractiveness of high tuition is offset by scholarship programs, loans, and the prospect of high-paying jobs at the end of their studies. On the other hand, despite the provision of programmes in English and the low (or no) tuition fees for foreign students, there is a lower proportion of foreign students in the Nordic countries.

The country's reputation in the field of higher education

The reputation of the country in the field of higher education affects the decision when choosing the country of study. This is confirmed by the data from the table 3.

The table 3 describes some of the most popular countries in terms of the number of foreign students and their place in the ranking of world universities QS. According to the latest data of the QS-rating for 2018, the USA was the leader in providing universities both in the global and regional rankings. At the same time, the country's popularity for foreign students corresponds to its place in the QS ranking. The exceptions are the Netherlands (7th place), Switzerland (10th place) and Spain (13th place) in the European region, which are not included in the 8 most attractive for foreign students in the presence of a large number of universities, as well as South Korea and Japan, who took 11th and 9th place. (Comparison with table 1 "Top host destination of international students worldwide in 2017, by number of students"). This discrepancy can be explained by the regional leadership of these countries in the provision of educational services [4].

Table 3. — Global ranking of Quacquarelli Symonds (QS) countries most actively accepting international students, 2017

Country	The number of universities included in the top 300 universities by QS	Place in the ranking on the representation of universities in the top 300 ranking QS
USA	59	1
UK	40	2
Germany	17	3
Australia	16	5
China	15	6
Canada	13	8
France	11	9
Japan	11	9
Korea, Rep.	9	11
Spain	7	13
Russia	3	27

Note. Own development based on [4].

Creation of national educational programs to support foreign education

The labor market of the country receiving international migrants can be replenished not only with the help of direct recruitment from abroad, but also with the help of attracting students at the end of training. Thus, the migration of students is an important tool to replenish the labor resources of the receiving country. However, in contrast to growth of labour migration, a significant increase in the number of students who did not return after studying in the country of origin is not observed.

Regional features of educational migration regulation in Europe.

Europe. The system of free movement of people and ensuring labor migration within the European Union is currently the most developed in the framework of regional integration processes in the world. Thus, Sweden, Finland, Norway, Belgium and Portugal are most open to immigration.

Internationalization of higher education leads to the renewal of programs and state policy in the field of attracting international students. In 2012, new measures were introduced in Finland, Slovakia, Spain, Sweden and Lithuania. Models such as online education, franchises, and the creation of international campuses are becoming increasingly common, affecting the demand for higher education in foreign countries [1].

On the other hand, a large flow of international students may have a negative impact on the future employment of national students in the country of study. Therefore, restrictions on visas and residence permits are introduced. Also, the pressure on the labor force and the growth of unemployment in Europe led to the revision of the postgraduate attraction of migrants to the labor market. Thus, in the sphere of educational migration there is a tendency towards more selective policy (complication of the procedure of entry and obtaining visas with the preservation of recruitment of students and postgraduate recruitment of foreign citizens).

The practice of attracting foreign students to professional programs and degree programs is actively spreading. At the same time, employers provide target information for young foreign specialists on the possibilities of obtaining work in the specialty, for example, in Germany. In particular, this support is used in such areas as medicine, engineering, tourism and catering.

Conclusion. The last decade has seen a steady increase in international educational migration. The phenomenon of regional migration is also growing. For such a phenomenon as educational mi-

gration, the following factors are important: the development of political and social ties between the countries, as well as the increase in the number of students receiving higher education and post-secondary, but no less important is the availability of educational programs and appropriate conditions for education abroad. In turn, the factors of cultural proximity of the countries and the quality of education are important for students who choose the country. The importance of cultural affinity is proved by educational migration in Europe and the Commonwealth of Independent States (or CIS countries), where almost every third foreign student comes from another country in the region. And the constant growth of educational immigration to the USA and Canada confirms the importance of the quality of education.

The growing gap between developed and developing countries in demographic and socio-economic aspects has led to increased asymmetries in regional coordination of migration processes in favour of Europe and North America. Also, the leadership of these countries in attracting migrants for higher education remains. Successful practices of attracting foreign students with their further employment in the receiving country actualize the tools of attracting international migrants in the regulation of educational migration in less developed countries. On the example of Europe, Canada and the United States should develop active inter-country cooperation in the field of providing new forms of education (such as distance learning, double degree programs, etc.), as well as conducting student exchanges, international practices and trainings. The development of a system of educational visas of different types and an increase in the permitted period of job search at the end of study on the model of Canada and Germany can serve as an incentive to attract young professionals from other countries.

References

1. International student mobility [Electronic resource]. — Mode of access: <https://data.oecd.org/students/international-student-mobility.htm> . — Date of access: 05.01.2019.
2. Global Flow of Tertiary-Level Students [Electronic resource]. — Mode of access: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> . — Date of access: 03.01.2019.
3. International students [Electronic resource]. — Mode of access: <https://migrationdataportal.org/themes/international-students> . — Date of access: 28.12.2018.
4. QS World University Rankings [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.qs.com/world-university-rankings-2018/> . — Date of access: 05.01.2019.

Received by the editorial staff 20.08.2019

УДК 338.482

В. Н. Малеронок

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Министерство образования Республики Беларусь, ул. Свердлова, 7, 220030 Минск, Республика Беларусь, +375 (17) 209 79 87, vkremenevskaya@gmail.com

СУЩНОСТЬ И ПОНЯТИЕ ТУРИСТИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА

В настоящее время в туристической индустрии активно формируются инновационные подходы к территориально-отраслевой организации экономических субъектов, основанные на кластерном принципе. В условиях неопределенного влияния внешней среды необходимо обеспечить жизнеспособность и экономическую эффективность функционирования туристических кластеров. Теоретические разработки в сфере туризма выявляют пробелы, которые затрудняют эффективное внедрение кластерного подхода в туристической индустрии Республики Беларусь. Все это на первый план выводит цель четкого понимания понятия туристического кластера и особенностей его формирования и функционирования.

Применение кластерного подхода по отношению к туристической индустрии Республики Беларусь можно рассматривать как инновационную управленческую технологию, позволяющую повысить конкурентоспособность как отдельной туристической дестинации, так и отрасли в целом.

Основной методологии исследования являются труды, раскрывающие сущность понятия «кластер», зарубежных и отечественных авторов. Уделено особое внимание идеям создания промышленного кластера А. Маршаллом, М. Портером. Рассмотрено применение кластерной концепции в туризме М. Новелли, Т. Спенсера, С. Нордина, А. Ю. Александровой, М. П. Войнаренко, М. А. Морозова, Т. В. Львовой, Н. С. Мартышенко, А. Н. Дунца и др. Проблемам создания и функционирования туристических кластеров в Республике Беларусь посвящены работы Т. С. Вертинской, В. А. Клицуновой и А. И. Тарасенка.

В статье рассматриваются сущность и понятие туристического кластера. Приведена сравнительная характеристика определений туристического кластера различных авторов, определены отличительные особенности туристического кластера. Автором рассмотрены определения туристического кластера, предложенные в нормативных правовых актах Республики Беларусь, Российской Федерации и Республики Казахстан.

Ключевые слова: туристический кластер; кластерный подход; туристическая дестинация; устойчивое развитие.

Табл. 1. Библиогр.: 22 назв.

V. N. Maliaronak

Belarus State Economic University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 7 Sverdlov st., 220030 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (17) 209 79 87, vkremenevskaya@gmail.com

ESSENCE AND CONCEPT OF TOURISM CLUSTERING

Currently, the tourism industry is actively forming innovative approaches to the territorial-branch organization of economic entities based on the cluster principle. Under the conditions of an indefinite influence of the external environment, it is necessary to ensure the viability and economic efficiency of the functioning of tourist clusters. Theoretical developments in the field of tourism reveal gaps that impede the effective implementation of the cluster approach in the tourism industry of the Republic of Belarus. It brings to the fore the goal of a clear understanding of the tourist cluster concept and the characteristics of its formation and functioning.

The application of the cluster approach in relation to the Belarusian tourism industry can be viewed as an innovative management technology that allows to increase the competitiveness of both a separate tourist destination and the industry as a whole.

The basis of the research methodology is the works revealing the cluster concept essence of foreign and domestic authors. Particular attention is paid to the ideas of creating an industrial cluster by A. Marshall, M. Porter. The application of the cluster concept in tourism is considered by M. Novelli, T. Spencer, S. Nordin, A. Alexandrova, M. Voinarenko, M. Morozova, T. Lvova, N. Martysenko, A. Dunts and others. The problems of the creation and functioning of tourist clusters in the Republic of Belarus are the works by T. Vertinskaya, V. Klitsunova and A. Tarasenok.

The article discusses the essence and concept of tourism cluster. A comparative description of the tourist cluster definitions of various authors is given, the distinctive features of the tourist cluster are identified. The author reviewed the definitions of the tourist cluster proposed in the regulatory legal acts of the Republic of Belarus, the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan.

Key words: tourist cluster; cluster approach; tourist destination; sustainable development.

Table. 1. Ref.: 22 titles.

Введение. Концепция кластеризации становится все более популярной в туризме, о чем свидетельствует постоянно растущее число кооперативных связей, объединяющих различные организации, прямо или косвенно вовлеченные в предложение туристических продуктов и услуг. Специфика туристического продукта отличает туристическую индустрию по ряду межотраслевых связей, особенностей структуры, участников бизнес-процессов, подходов к организации производственного процесса и др. Все это обуславливает особую важность организации, функционирования и развития туристических кластеров. Активное изучение возможностей создания и особенностей функционирования туристических кластеров способно решить ряд проблем плавного и сбалансированного развития туристической индустрии в регионе.

Материалы и методы исследования. Объектом исследования в данной статье являются теоретические аспекты понятия туристического кластера. Целью проведенного исследования является уточнение понятия туристического кластера и выделение его отличительных особенностей.

Мировой опыт последних лет показывает возможность эффективного внедрения кластеров в различные отрасли экономики. Первоначально кластерный подход был применен к промышленному производству, где А. Маршалл [1] анализировал феномен наиболее промышленно развитых регионов. М. Портер [2] популяризовал идеи создания промышленных кластеров и ввел официальное понятие «кластер».

Применением кластерной концепции в сфере туризма занимались М. Новелли, Т. Спенсер [3], С. Нордин [4], М. П. Войнаренко [5], М. А. Морозов, Т. В. Львова [6], Н. С. Мартышенко [7], А. Н. Дунец [8] и др.

Концепцию туристических кластеров развивает А. Ю. Александрова [9]. В Республике Беларусь разработкой методологии создания туристических кластеров занимаются Т. С. Вертинская и В. А. Клищунова [10]. А. И. Тарасенок [11] определяет туристический кластер как важный инструмент территориальной организации туристических дестинаций.

Результаты исследования и их обсуждение. Существует много определений кластера различных авторов, которые расставляют те или иные акценты, некоторые из которых представлены в таблице 1.

Таблица 1. — Подходы авторов к определению понятия «кластер»

Автор	Определение понятия «кластер»
М. Портер [2, с. 42]	Кластер — группа географически соседствующих, взаимосвязанных компаний, организаций, действующих в определенной сфере, характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга
С. Розенфельд [12, с. 9]	Кластер — географически ограниченная совокупность подобных, связанных или дополнительных фирм с активными каналами для деловых сделок, инфраструктурой, трудовым рынком и услугами, которая может получить как выгоду от общих возможностей, так и общие риски
М. Войнаренко [13, с. 238]	Кластер — объединение, характеризующееся сильными взаимосвязями между его участниками, внутренней кооперацией и конкуренцией, ориентацией на рыночный спрос. Стратегия развития кластера не противоречит стратегии регионального развития

Окончание таблицы 1

Автор	Определение понятия «кластера»
Т. С. Вертинская, В. А. Клицунова [10, с. 4]	Туристический кластер — это группы предприятий, сконцентрированных географически в пределах региона, которые совместно используют туристические ресурсы, специализированную туристическую инфраструктуру, локальные рынки труда, осуществляют совместное управление и маркетинговую деятельность
А. Ю. Александрова [9, с. 51]	Туристический кластер — это сообщество сконцентрированных по географическому признаку взаимосвязанных фирм и организаций, взаимодополняющих и усиливающих конкурентные преимущества друг друга
А. И. Тарасенок [14, с. 27]	Туристический кластер — это группа географически соседствующих компаний и связанных с ними организаций (органов госуправления, инфраструктурных субъектов хозяйствования), взаимодополняющих друг друга
А. А. Кизим, А. Н. Вальвашов, И. В. Кулькова [15, с. 52]	Туристический кластер — совокупность расположенных на одной территории компаний, производящих туристский продукт, инфраструктурных туристических организаций и регулирующих данную сферу органов власти, конкурентоспособность и эффективность деятельности каждого из которых зависит от результатов деятельности всех других субъектов кластера

Анализ подходов ученых и специалистов к определению понятия «кластер» показывает, что туристический кластер кардинально отличается от производственного, так как преследует выполнение как экономических целей, так и социальных и экологических, что обосновано А. Ю. Александровой, Т. С. Вертинской, В. А. Клицуновой и А. И. Тарасенком [9—10].

Т. С. Вертинская дает определение туристическому кластеру как группы предприятий, сконцентрированных географически в пределах региона, которые совместно используют туристические ресурсы, специализированную туристическую инфраструктуру, локальные рынки труда, осуществляют совместное управление и маркетинговую деятельность [10, с. 4].

Как отмечает А. Ю. Александрова, в туристическом кластере система накопления стоимости включает четыре типа цепочек добавленной стоимости: поставщиков, средств размещения и развлечений, каналов сбыта туристических продуктов и самих покупателей-туристов [9, с. 51].

Исследователи сходны во мнении, что туристический кластер отличается высокой степенью интегрированности организаций, географической локализацией и особым подходом к управлению.

Концепция кластера соответствует конкретным характеристикам туристической деятельности. Туристический продукт взаимодействует с местной базой (физическим пространством и социальными субъектами), что приводит к совместным действиям взаимосвязанных предприятий, обладающих огромной силой для создания конгломератов. Кроме того, другие характеристики определяют кластерный потенциал туристической деятельности: взаимодополняемость и взаимозависимость между частями туристического конгломерата возникают благодаря взаимодействию и организации местных участников; необходимая интеграция культуры, экономики и природы приводит к действиям и вмешательствам, которые осуществляются системно, а сила притяжения зависит от различного потенциала туристического продукта и вспомогательных услуг.

Туристические кластеры помимо производителей включают значительное количество предпринимательских структур в виде различных объектов локализованной инфраструктуры, оказывающей услуги по поддержке предприятий в области производства турпродукта (услуги туроператоров, гостиниц, общественного питания, транспорта, торговли, поставщиков оборудования, производителей сувенирной продукции и др.). Многие кластеры включают научные

и учебные учреждения, которые обеспечивают специализированное обучение, информацию, научные исследования, техническую поддержку, а также органы государственного управления.

Учитывая тесную связь туристических дестинаций с региональным развитием, очень важно при оценке потенциала для кластерообразования учитывать критерий, связанный с устойчивым развитием территории. Одним из признаков присутствия таких условий является наличие концепций устойчивого развития либо стратегий устойчивого развития, а также инициативных или рабочих групп, действующих по данному направлению.

В Российской Федерации была попытка дать определение туристическому кластеру на законодательном уровне: планировалось внести изменения в Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» от 22 июля 2005 года № 116-ФЗ [16] и включить в него определение понятия «туристический кластер». Под туристическим кластером предлагалось понимать совокупность туристско-рекреационных особых экономических зон, созданных на основании решения Правительства РФ и расположенных на территории одного или нескольких участков субъектов РФ и муниципального образования (муниципальных образований), определяемых Правительством РФ. Однако на данный момент изменения внесены не были, а Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» от 22 июля 2005 года № 116-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 18 июля 2017 года № 177-ФЗ) [16] содержит лишь определение кластера как совокупности особых экономических зон одного типа или нескольких типов, которая определяется Правительством РФ и управление которой осуществляется одной управляющей компанией.

Также необходимо отметить, что Правительством РФ принято распоряжение от 31 мая 2014 года № 941-р «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года» [17], где определены основные направления кластерной политики в туризме, однако данный документ не содержит определения туристического кластера.

В Республике Казахстан достаточно успешно реализуется Концепция развития туристской отрасли Республики Казахстан до 2020 года [18], утвержденная постановлением Правительства Республики Казахстан от 19 мая 2014 года № 508, в которой под туристическим кластером понимается сосредоточение в рамках одной ограниченной территории взаимосвязанных предприятий и организаций, занимающихся разработкой, производством, продвижением и продажей туристского продукта, а также деятельностью, смежной с индустрией туризма и рекреационными услугами.

В Республике Беларусь в последние годы ведутся достаточно активные действия по введению в законодательство понятия «кластер». Наличие стратегических документов по устойчивому развитию, а также опыт проведения совместных мероприятий заложили хорошую основу для создания туристических кластеров.

Так, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 16 января 2014 года № 27 утверждена Концепция формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь [19], а также мероприятия по ее реализации. Концепция разработана в целях оценки имеющегося в Республике Беларусь потенциала кластерного развития национальной экономики в 2013—2015 годах и на период до 2020 года. В рамках данного документа под кластером понимается совокупность территориально локализованных юридических лиц, а также индивидуальных предпринимателей, взаимодействующих между собой на договорной основе и участвующих в процессе создания добавленной стоимости.

Также в Республике Беларусь разработаны проекты стратегий устойчивого развития областей. В частности, стратегия устойчивого развития Брестской области на 2016—2025 годы предусматривает создание медицинско-туристско-реабилитационных кластеров [20].

В Законе Республики Беларусь «О туризме» от 25 ноября 1999 года № 326-З (с изменениями и дополнениями от 18 июля 2016 года № 410-З) [21] используется термин «туристическая зона»: «часть территории Республики Беларусь с точно определенными границами, на которой расположены один или несколько туристических ресурсов, включенных в Государ-

ственный кадастр туристических ресурсов Республики Беларусь, и которая создана в целях развития въездного и внутреннего туризма, туристической индустрии, охраны и рационального использования туристических ресурсов». Однако понятие туристического кластера намного шире, поэтому туристический кластер и туристическая зона не могут быть тождественны.

Генеральная схема размещения зон и объектов оздоровления, туризма и отдыха Республики Беларусь на 2016—2020 годы и на период до 2030 года [22], утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 1031 от 15 декабря 2016 года, содержит понятие «туристический кластер»: «совокупность территориально локализованных юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга при производстве туристической продукции».

Исследование определений понятия «туристический кластер» в нормативных правовых актах показывает, что все они не в полной мере характеризуют туристический кластер, поскольку не отражают особенностей содержания и организации туристической деятельности.

Наличие стратегических документов по устойчивому развитию, а также опыт проведения совместных мероприятий (праздников, семинаров) могут заложить хорошую основу для создания туристических кластеров.

Кластерный подход в туризме можно рассматривать как новую управленческую технологию, позволяющую повысить конкурентоспособность как отдельной туристической дестинации, так и отрасли в целом.

На основании вышеизложенного мы приходим к выводу, что под туристическим кластером следует понимать группу субъектов туристической индустрии в ограниченном географическом пространстве, обеспечивающей высокое качество туристических услуг, взаимосвязь производственной цепочки, качественное сетевое управление, социальную и экологическую сплоченность, дающей сравнительные конкурентные преимущества туристическому продукту.

Исходя из предложенного определения, выделим отличительные особенности туристического кластера: 1) производство и потребление туристического продукта осуществляется в географических пределах функционирования туристического кластера; 2) тесная взаимосвязь субъектов туристической индустрии в процессе производства туристического продукта; 3) функционирование туристического кластера оказывает прямое воздействие на позиционирование и имидж дестинации; 4) формирование целей функционирования туристического кластера социальной и экологической направленности.

Заключение. Появление в научном обиходе понятия «туристический кластер» отражает процесс стремительного развития туристической индустрии, возникновения новых объектов исследований и взаимосвязей между ними. Активное изучение возможностей создания и особенностей функционирования туристических кластеров способно решить ряд проблем плавного и сбалансированного развития региона. В условиях неопределенного влияния факторов внешней среды необходимо обеспечить жизнеспособность и экономическую эффективность функционирования туристических кластеров. Теоретические разработки в сфере туризма и концептуальных моделей функционирования туристических кластеров выявляют пробелы, которые затрудняют эффективное внедрение кластерного подхода в туристической индустрии Республики Беларусь.

Список цитируемых источников

1. *Маршалл, А.* Принципы экономической науки : в 3 т. / А. Маршалл. — М. : Прогресс, 1993. — Т. 2. — 351 с.
2. *Портер, М.* Конкуренция / М. Портер ; пер. с англ. — М. : Вильямс, 2003. — 496 с.
3. *Novelli, M.* Networks, clusters and innovation in tourism: A UK experience / M. Novelli, B. Schmitz, T. Spencer // *Tourism Management*. — 2006. — Vol. 27. — № 6. — P. 1141—1152.

4. *Nordin, S.* European Tourism Research Institute. Tourism clustering and innovation — paths to economic growth and development / S. Nordin // European Tourism Research Institute. — Stockholm, 2003.
5. *Войнаренко, М. П.* Кластерные модели объединения предприятий в Украине / М. П. Войнаренко // Экон. возрождение России. — 2007. — № 2 (12). — С. 75—86.
6. *Морозов, М. А.* Моделирование туристских дестинаций / М. А. Морозов, Т. В. Львова // Сервис в России и за рубежом. — 2010. — № 1. — С. 140—148.
7. *Мартышенко, Н. С.* Управление структурой туристского кластера на основе маркетингового подхода / Н. С. Мартышенко // Регион. экономика: теория и практика. — 2008. — № 34. — С. 74—80.
8. *Дунец, А. Н.* Пространственная организация туризма в регионе: теоретические основы кластерного подхода / А. Н. Дунец // Современ. проблемы сервиса и туризма. — 2011. — № 1. — С. 37—44.
9. *Александрова, А. И.* Туристские кластеры: содержание, границы, механизм функционирования / А. И. Александрова // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2007. — № 1. — С. 51—61.
10. *Вертинская, Т. С.* Методология создания региональных туристских кластеров в Беларуси / Т. С. Вертинская, В. А. Клицунова. — Минск : Б-ка сел. туризма, 2014. — 52 с.
11. *Тарасенок, А. И.* Геоэкономический механизм обеспечения конкурентоспособности туристической дестинации : учеб.-метод. пособие / А. И. Тарасенок. — Минск : РИПО, 2014. — 144 с.
12. *Rosenfeld, S. A.* Bringing Business Clusters into the Mainstream of Economic Development / S. A. Rosenfeld // European Planning Studies. — 1997. — № 5. — P. 9.
13. *Войнаренко, М. П.* Кластеры в институциональной экономике : монография / М. П. Войнаренко // Междунар. журн. прикладных и фундам. исслед. — 2014. — № 3. — С. 238—238.
14. Бизнес в агро- и экотуризме : пособие / под общ. ред. к. г. н., доц. А. И. Тарасенка. — Минск, 2014. — 380 с.
15. *Кизим, А. А.* Повышение инвестиционной привлекательности региона на основе развития туристического кластера / А. А. Кизим, А. Н. Вальвашов, И. В. Кулькова // Регион. экономика: теория и практика. — 2010. — № 26 (161). — С. 52—59.
16. Об особых экономических зонах в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон Рос. Федерации, 22 июля 2005 г., № 116-ФЗ : в ред. Федер. закона от 18 июля 2017 г. № 177-ФЗ // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901941445> . — Дата доступа: 08.01.2019.
17. Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 31 мая 2014 г. № 941-р. — Режим доступа: <https://www.russiatourism.ru/upload/iblock/298> . — Дата доступа: 08.01.2019.
18. Концепция развития туристской отрасли Республики Казахстан до 2020 года [Электронный ресурс] : постановление Правительства Респ. Казахстан от 19 мая 2014 г. № 508. — Режим доступа: http://almatytourism.kz/upload/Files/Konceptsiy_tourism_2020_rus.pdf . — Дата доступа: 08.01.2019.
19. Об утверждении Концепции формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь и мероприятий по ее реализации [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 16 янв. 2014 г. № 27 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 20.01.2014. — № 5/38322.
20. Стратегия устойчивого развития Брестской области на 2016—2025 гг. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: regdev.by/ru/download/file/ffd/140 . — Дата доступа: 08.01.2019.
21. О туризме [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 25 нояб. 1999 г., № 326-З : принят Палатой представителей 10 нояб. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 18 нояб. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 июля 2018 г. № 410-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 21.07.2016. — № 2/2408.
22. Генеральная схема размещения зон и объектов оздоровления, туризма и отдыха Республики Беларусь на 2016—2020 годы и на период до 2030 года [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 15 дек. 2016 г. № 1031. — Режим доступа: <http://www.government.by/upload/docs/file/8b433cedccb188bf.PDF> . — Дата доступа: 08.01.2019.

Поступила в редакцию 11.03.2019

УДК 338

В. Н. Познякевич¹, Г. Я. Житкевич²

Учреждение образование «Барановичский государственный университет», Министерство образования Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь,
¹+375 (29) 792 42 86, victory2310@mail.ru, ²+375 (29) 719 51 50, acnt.barsu@mail.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Исследуются актуальные вопросы цифровой трансформации экономики Республики Беларусь. На примере транспортной отрасли исследуются достижения в области цифровой трансформации. Сделана попытка определить перспективы и направления развития цифровизации в Республике Беларусь. Обосновывается необходимость комплексного изучения всех аспектов цифровой трансформации, интеграции учреждений науки, образования и бизнеса для целей успешной цифровой трансформации национальной экономики.

Ключевые слова: цифровая трансформация экономики; реальный сектор экономики; информационно-коммуникационные технологии; цифровые компетенции.

Библиогр.: 13 назв.

V. N. Poznyakevich¹, G. Ya. Zhitkevich²

Baranovichi State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus,
21 Voykova Str., 225404 Baranovichi, the Republic of Belarus,
¹+375 (29) 792 42 86, victory2310@mail.ru, ²+375 (29) 719 51 50, acnt.barsu@mail.ru

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE ECONOMY OF THE REPUBLIC OF BELARUS: ACHIEVEMENTS, PROBLEMS, PROSPECTS

The problematic practical issues of the digital transformation of the economy of the Republic of Belarus are investigated on the example of transport industry. An attempt to determine the perspectives and the ways of digitalization development in the Republic of Belarus was made. The necessity of a comprehensive study of all the aspects of the digital transformation and the integration of science, education and business for the successful digital transformation of the economy is substantiated.

Key words: digital transformation of the economy; real sector of the economy; information and communication technologies; digital competences.

Ref.: 13 titles.

Введение. Во всех развитых странах мира принята и реализуется концепция внедрения цифровых технологий в промышленность, образование и другие сферы жизни обществ, государств.

По данным отчета Международного союза электросвязи (МСЭ) «Измерение информационного общества», Беларусь занимает 32-ю позицию в мировом рейтинге (176 стран) по уровню развития информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в странах мира, 21-ю позицию по количеству абонентов стационарного широкополосного доступа в Интернет [1; 2, с. 53]. По прогнозу Международной финансовой корпорации, к 2020 году доход ИТ-отрасли Беларуси может достигнуть 3—4 млрд дол. США, или примерно 4—5 % общего объема ВВП страны. В 2016 году Республика Беларусь заняла в рейтинге электронного правительства ООН 49-е место при индексе в 0,6625 балла [3; 4].

Цифровая трансформация национальной экономики является одной из актуальных задач по ее развитию на современном этапе. В направлении решения задачи, которую поставил Пре-

зидент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, — превратить Беларусь в ИТ-страну — следует признать, сделано уже достаточно много. Вместе с тем остается еще ряд нерешенных вопросов.

Методология и методы исследования. В статье ставится цель установить особенности цифровой трансформации экономики Республики Беларусь. Авторы изучали на примере транспортной отрасли достижения в области ее цифровизации; при проведении исследования опирались на научные публикации по данной проблематике, нормативные правовые акты в области цифровой трансформации национальной экономики; при написании статьи использовали общенаучные методы исследования.

Организация исследования. В настоящее время в научных кругах широко применяются понятия «цифровая экономика», «инновационная экономика», «информационная экономика», «экономика знаний», «информационно-коммуникационный менеджмент», «высокотехнологическая цивилизация», «общество знаний», «информационное общество» [5, с. 12; 6; 7; 8, с. 12; 9; 10].

Существует множество определений данных понятий, единое их понимание отсутствует.

Приведем, по нашему мнению, одно из наиболее емких и точных определений цифровой экономики: «Это экономика, базирующаяся на цифровых компьютерных технологиях, но, в отличие от информатизации, цифровая трансформация не ограничивается внедрением информационных технологий, а коренным образом преобразует сферы и бизнес-процессы на базе интернета и новых цифровых технологий» [5, с. 12].

Таким образом, сформулируем основные выводы, исходя из данного определения цифровой экономики:

- центральный элемент цифровой экономики — сеть Интернет;
- цифровая экономика существенно меняет традиционные бизнес-процессы;
- цифровая трансформация затрагивает все аспекты человеческой деятельности.

Для целей настоящего исследования наиболее приемлемо применять термин «цифровизация», или «цифровая трансформация». В промышленности изменения технологий и бизнес-процессов под влиянием цифровой трансформации экономики назвали четвертой промышленной революцией (Industrie 4.0).

Особая важность исследования вопросов цифровой трансформации экономики подчеркивается еще и тем, что 29 октября 2019 года человечество отмечает 50-летие Интернета. Интернет способствует включению компаний в мировую экономику за счет расширения торговли, повышает производительность капитала и активизирует конкуренцию на рынке, что, в свою очередь, содействует внедрению инноваций.

Результаты исследования и их обсуждение. Выработка стратегии цифровой трансформации экономики, роли государства и бизнеса, выбор определенной национальной модели цифровой трансформации должны осуществляться с учетом достигнутого уровня развития производительных сил и сложившейся институциональной среды, обуславливающей специфику системы хозяйствования и управления [6, с. 30].

Организация цифровой трансформации национальной экономики, как показало исследование, направлена на необходимость решения следующих актуальных задач:

- 1) подготовка нормативных правовых актов, регламентирующих цифровую трансформацию экономики (от сферы услуг до реального сектора экономики);
- 2) развитие Парка высоких технологий как высокотехнологического сектора и «локомотива» экономики знаний Беларуси, рост показателей деятельности технопарков и их вклада в инновационное развитие страны;
- 3) развитие реального сектора экономики на основе новых цифровых технологий;

4) разработка научного обоснования теоретической базы инновационного развития цифровой трансформации экономики, обеспечение научного подхода к выгодам и преимуществам цифровизации экономики;

5) оценка угроз и рисков цифровой трансформации и обеспечение безопасности внедрения цифровых информационно-коммуникативных технологий для государства, бизнеса и населения;

6) обеспечение экономики специалистами с высоким уровнем цифровой грамотности, создание соответствующей системы их подготовки, в том числе создание цифрового университета.

Развитие цифровой экономики в Республике Беларусь заложено в принятых на государственном уровне следующих основных нормативных правовых актах:

– Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 года № 8 «О развитии цифровой экономики»;

– Декрет Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 года № 7 «О развитии предпринимательства»;

– Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016—2020 годы;

– Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016—2022 годы;

– Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года;

– Национальный стандарт бухгалтерского учета и отчетности «Цифровые знаки (токены)», утвержденный постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 6 марта 2018 года № 16.

Цифровизация должна быть направлена на решение проблемных вопросов, прежде всего реального сектора экономики и конкретного потребителя.

Серьезные достижения в развитии цифровизации реального сектора экономики демонстрирует опыт Белорусской железной дороги. Трансформация транспортной отрасли подразумевает переход к технологиям безбумажного электронного документооборота вплоть до переноса информации о перевозках в глобальных информационных системах.

Цифровизация была направлена, прежде всего, на пассажирские и грузоперевозки, а также на внутренние бизнес-процессы.

К концу 2019 года планируется выйти на 3 млн электронных билетов на поезда межрегиональных и международных линий, проданных через электронную систему. Проработан информационный сервис для пассажиров на сайте Белорусской железной дороги, разработано официальное мобильное приложение для операционных систем Android и iOS, которое создает цифровой канал взаимодействия пассажира и перевозчика [11, с. 17]. Постоянно совершенствуется система оплаты проезда (посредством бесконтактных банковских карт).

Продолжается цифровизация сферы грузоперевозок, в которую вовлечены государственные органы (пограничный, таможенный, фитосанитарный и другие виды контроля). Решение задачи цифровизации грузоперевозок лежит в направлении создания инновационных ресурсов в сети Интернет, которые позволят всем клиентам магистрали пользоваться ее услугами, в расширении функциональных возможностей портала электронных услуг Белорусской железной дороги — автоматизированной системы «Электронная перевозка» [11, с. 17].

На модернизированных контейнерных терминалах «Колядичи» и «Брест-Северный» внедряется программное обеспечение класса TOS, аналоги которого используются в крупных сухих и морских перевозках.

С основными торговыми партнерами (прежде всего с РФ) ведется активная работа с таможенными органами по организации эффективного цифрового взаимодействия. Необходима координация и синхронизация проведения цифровой трансформации экономики на национальном уровне и на уровне Евразийского экономического союза.

Для эффективной цифровизации внутренних бизнес-процессов транспортной отрасли создаются цифровые модели железнодорожной инфраструктуры, подвижной состав обеспе-

чивается средствами навигации и телеметрии в целях эффективного управления содержанием инфраструктуры и локомотивного парка. В настоящее время осуществляется переход во внутреннем документообороте от бумажных товаротранспортных накладных к EDI-обмену, что выведет корпоративные ERP-системы на качественно новый уровень развития [11, с. 17].

В настоящее время цифровые технологии используются в Беларуси в здравоохранении, образовании, банковской сфере, на таможне и во многих других сферах, являются еще одной точкой роста экономики. Развитие и кардинальное расширение использования цифровых технологий в финансово-банковском секторе, который предполагает определенные риски, — это сложный процесс, базирующийся на двух ключевых приоритетах: расширении финансовой инклюзии и поддержании финансовой стабильности. Следует отметить, что продолжается развитие дистанционного банковского обслуживания [2, с. 55].

Таким образом, цифровая трансформация реального сектора становится путем инновационного развития как национальной, так и мировой экономики.

Отсутствие научно обоснованной методики оценки эффективности применения цифровых технологий, цифровой трансформации национальной экономики, системы показателей, методик их расчета предопределяет необходимость развернутых междисциплинарных научных исследований влияния цифровизации на все сферы человеческой деятельности.

Недостаточно четкая формулировка теоретической базы инновационного развития цифровой экономики затрудняет оценку выгоды использования цифровых технологий.

Как подчеркивает М. Ачаповская, «...проблема в том, что за большим статистическим материалом, свидетельствующим о повышении роли ИКТ в экономической деятельности, их истинное влияние на деятельность субъектов хозяйствования исследовано недостаточно глубоко, а цифровыми дивидендами принято считать такой прирост полезных эффектов коммерческого и некоммерческого характера, который не может быть получен при использовании традиционных технологий» [2, с. 53].

Необходимо научное обеспечение принимаемых стратегических решений в области цифровой трансформации, основательная научная проработка на предмет системной оценки последствий и прогнозирования возможного хода развития событий в целях минимизации рисков и достижения максимального синергетического и мультипликативного эффекта от реализации принятых решений [6, с. 32—33].

Особое внимание следует уделить проблеме построения современной экономической теории. Изучение процессов глобализации и цифровизации и их влияния на все сферы человеческой деятельности привело к тому, что появляется большой интерес научной общественности к новой организационно-экономической теории. Так, в развитие идей цифровой экономики как сектора целостной экономики специалисты в области экономической теории говорят о перспективах развития так называемой солидарной информационной экономики, построенной на основе экономики предприятия (инженерной экономики), теории управления (современного менеджмента, теории активных систем и принятия решений), современных информационных технологий и призванной заменить устаревшую рыночную экономику, что необходимо учитывать при проведении научных исследований и в преподавании [8, с. 12, 16].

Очень важно также организовать эффективное непрерывное развитие у всех специалистов цифровых компетенций и подготовить их к грядущим переменам.

Система образования должна обеспечивать обществу уверенный переход в цифровую эпоху.

Перспективной задачей всех учреждений высшего образования является повышение цифровой грамотности преподавателей, применение цифровой среды в образовательном процессе.

Как отметил Президент Республики Беларусь, «для успешной цифровой трансформации и создания новой экономики нам необходимы специалисты совершенно другого качества» [12].

Использование цифровых технологий изменяет сами формы и методы образования, а также системы управления.

В сфере высшего образования цифровая трансформация привела к появлению такого понятия, как цифровой университет.

В рамках адаптации образовательных программ к цифровой экономике в системе высшего образования, по нашему мнению, необходимо продолжить работу по следующим направлениям:

- обеспечить повышение квалификации преподавателей учреждений высшего образования в сфере ИКТ;
- обеспечить получение знаний и практических навыков (цифровых компетенций), необходимых для использования новейших ИКТ в профессиональной деятельности [13, с. 341];
- создать персональную, открытую, масштабируемую, мультиязычную, интерактивную, интеллектуальную онлайн-среду для обучения и научных исследований;
- разработать и преподавать организационно-экономическое моделирование, эконометрику и статистику, дисциплины специализации, особенности их применения при решении задач управления хозяйственными единицами с использованием современных цифровых технологий.

Заключение. Эффективные механизмы принятия и реализации экономических решений, очевидно, должны опираться на современные информационные технологии.

Привычные принципы управления как экономикой, так и государством входят во все большее противоречие с возможностями в сфере технологий управления, предоставляемыми прогрессом информационных технологий. Цифровизация требует изменений подходов в управлении как на государственном уровне, так и на уровне отдельно взятой организации.

Необходимо эффективно использовать все инструменты, основанные на цифровых технологиях. Среди способствующих эффективному внедрению и использованию цифровых технологий выделим следующие направления развития и дальнейшей цифровой трансформации национальной экономики.

Нормотворческая деятельность не должна носить фрагментарный характер, но реализовать комплексный и системный подход в решении задач нормативного правового обеспечения цифровой трансформации экономики.

Создание правовых условий развития промышленного Интернета (Интернета вещей), обеспечение доступа организаций к высокоскоростному Интернету, развитие человеческого капитала и квалификации 4.0, технологий электронного правительства, разработка профильной национальной программы являются первостепенными задачами и основами цифровизации национальной экономики.

Применение государственно-частного партнерства при реализации инфраструктурных проектов будет способствовать эффективной цифровой трансформации экономики.

Трансфер технологий и импортозамещение в области информационных технологий позволит ускорить инновационное развитие национальной экономики в целом.

На основе современных информационных технологий и методов разработки и принятия управленческих решений возникает возможность и необходимость интеграции учреждений науки, образования и бизнеса.

Все это позволит сформировать эффективную конкурентоспособную экономику, основанную на современных цифровых технологиях и цифровых стандартах.

Цифровизация стала важным фактором, влияющим на конкурентоспособность и привлекательность страны. Цифровизация экономики направлена на обеспечение устойчивого экономического роста, повышение конкурентоспособности реальных секторов экономики, качество жизни населения, а также высоких позиций нашей страны в мировых рейтингах.

Список цитируемых источников

1. Беларусь в Индексе развития информационно-коммуникационных технологий [Электронный ресурс] // Национальный научно-технический портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://scienceportal.org.by/upload/2018/Portal%20news/Ranking/4.%20ICT%20BY.pdf>. — Дата доступа: 15.10.2019.
2. Ачаповская, М. Цифровизация экономики как драйвер инновационного развития / М. Ачаповская // Банк. весн. — 2019. — № 3 — С. 52—58.
3. Анализ мирового опыта развития промышленности и подходов к цифровой трансформации промышленности государств — членов Евразийского экономического союза : информ.-аналит. отчет Департамента экон. политики Евраз. экон. комиссии / Департамент пром. политики Евраз. экон. комиссии. — М. : ЕЭК, 2017. — 116 с.
4. Беларусь в Индексе развития электронного правительства ООН [Электронный ресурс] // Национальный научно-технический портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://scienceportal.org.by/upload/2018/Portal%20news/Ranking/6.%20UN%20E-GOV.pdf>. — Дата доступа: 15.10.2019.
5. Ковалев, М. М. Цифровая экономика — шанс для Беларуси : монография / М. М. Ковалев, Г. Г. Головенчик. — Минск : Издат. центр БГУ, 2018. — 327, [4] с.
6. Крупский, Д. М. О концептуальных подходах к организации цифровой трансформации национальной экономики Беларуси / Д. М. Крупский // Цифровая трансформация. — 2018. — № 2. — С. 29—36.
7. Лapidус, Л. В. Цифровая экономика: управление электронным бизнесом и электронной коммерцией : монография / Л. В. Лapidус. — М. : ИНФРА-М, 2018. — 381 с.
8. Лойко, В. И. Современная цифровая экономика : монография / В. И. Лойко, Е. В. Луценко, А. И. Орлов. — Краснодар : КубГАУ, 2018. — 508 с.
9. Маргелов, В. Цифровая трансформация экономики: возможности и риски / В. Маргелов // Финансы. Учет. Аудит. — 2018. — № 6. — С. 29—33.
10. Петров, А. А. Цифровизация экономики: проблемы, вызовы, риски / А. А. Петров // Торговая политика. Trade policy. — 2018. — № 3/15. — С. 9—31.
11. Ананьев, Р. Цифровое развитие / Р. Ананьев // Железнодорожник Беларуси. — 2019. — № 74 (11324). — С. 4.
12. Лукашенко, А. Г. Доклад об отдельных вопросах развития страны в цифровой сфере [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. — Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/soveschanie-po-razvitiyu-tsifrovoj-sfery-22208/. — Дата доступа: 15.10.2019.
13. Дорош, А. Д. Цифровые компетенции и профессии будущего. Адаптация образовательных программ к цифровой экономике / А. Д. Дорош // Цифровая трансформация образования : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 27 марта 2019 г. / отв. ред. А. Б. Бельский. — Минск : ГИАЦ Минобразования, 2019. — С. 339—346.

Поступила в редакцию 30.08.2019

УДК 342.746(476)

М. В. Андрияшко

Учреждение образование «Барановичский государственный университет», Министерство образования Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (163) 64 34 78, andryiashkomv@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ ПО ПОВОДУ ИСКУССТВЕННОГО ПЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассмотрены вопросы правового регулирования отношений, возникающих в связи с искусственным прерыванием беременности, в контексте обеспечения демографической безопасности. Обращается внимание на ретроспективу указанных отношений. Вносятся предложения по совершенствованию белорусского законодательства. В частности, предлагается учитывать общий коэффициент абортирования как один из показателей, определяющих демографическую угрозу. Также внесено предложение соотносить угрозы демографической безопасности с их показателями.

Ключевые слова: правовое регулирование; искусственное прерывание беременности; аборт; показания к искусственному прерыванию беременности.

Библиогр.: 18 назв.

M. V. Andryiashka

Baranovichi State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21 Voykova Str., 225404 Baranovichi, the Republic of Belarus, +375 (163) 64 34 78, andryiashkomv@mail.ru

LEGAL REGULATION OF RELATIONS ON THE ARTIFICIAL INTERRUPTION OF PREGNANCY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The issues of legal regulation of relations in connection with the artificial termination of pregnancy in the context of ensuring demographic security are considered. Attention is drawn to the retrospective of these relationships. Suggestions to improve the Belarusian legislation are made. In particular, it is proposed to take into account the overall abortion rate as one of the indicators determining the demographic threat. Also, it was proposed to correlate threats to demographic security with their indicators.

Key words: law regulation; abortion; indications for artificial termination of pregnancy.

Ref.: 18 titles.

Введение. В начале 1990-х годов демографические процессы в Беларуси оказались под влиянием возникновения новых явлений — безработицы и снижения уровня жизни, что не могло не отразиться на составе, численности и динамике воспроизводства населения страны. Кроме объективной гиперсмертности (сверхсмертности) в стране существовали и другие препятствия на пути к достижению достаточного уровня воспроизводства населения.

Естественному приросту населения Республики Беларусь не способствовала в том числе численность регистрируемых аборт (здесь и далее «аборт» и «искусственное прерывание беременности» нами приводятся в качестве синонимов — *М. А.*). По данным Национального

статистического комитета Республики Беларусь, в 2000 году на 100 родов приходилось 128,7 аборт (в абсолютных числах — 121,9 тыс. аборт) [1, с. 131], при том, что в указанный год родилось 93 691 человек и 134 867 человек умерло [2, с. 131]. Данные за 2018 год свидетельствуют о том, что на 100 родов пришлось 24,9 аборт (в абсолютных числах — 23,3 тыс. аборт) [1, с. 131], при том, что родилось 94 042 человека и умерло 120 053 человека [1, с. 47]. Таким образом, в настоящее время наметилась устойчивая тенденция к снижению численности аборт (за 18 лет в 5,23 раза), несмотря на то, что объективно она по-прежнему высока — каждая четвертая беременность искусственно прерывается.

Ввиду указанного проблематика искусственного прерывания беременности имеет определенный потенциал в контексте обеспечения устойчивого состояния демографической безопасности.

По справедливому замечанию В. В. Солодникова, «существуют два основных метода регулирования деторождения: предотвращение беременности с помощью различных способов контрацепции (физиологической или искусственной — механической, химической, биологической, хирургической и их комбинаций) и ее прерывание с помощью аборт (лат. *abortus* выкидыш)» [3, с. 78]. Вопросам правовой ретроспективы и современного правового регулирования второго из них и посвящена настоящая статья.

Методология и методы исследования. Вопросы правового регулирования отношений по поводу искусственного прерывания беременности (аборт) отражаются в данных государственной статистической отчетности и довольно часто освещаются исследователями — представителями различных областей научного познания: философии, демографии, социологии, психологии, медицины, экономики, юриспруденции, труды которых легли в основу проведенного в настоящей статье исследования.

Автор статьи при ее написании использовал общенаучные методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Выдающийся современный белорусский социолог А. Г. Злотников отмечает, что «уже древние философы, начиная от Платона и Аристотеля, подняли целый пласт демографических проблем, заложили основные методологические подходы их анализа. Большинство тех демографических (или связанных с ними) проблем, которые стоят и перед современными политиками, демографами, экономистами, социологами, географами, медиками, уже были поставлены древними греками. Это: отношение к росту численности населения; это проблемы оптимума населения, брака, рождаемости, аборт; это границы репродуктивного возраста и пронаталистской политики; это проблемы гендерных отношений и разводимости; это и состояние здоровья населения, воспитания детей и многое-многое другое» [4, с. 17—18].

По словам В. В. Солодникова: «Советская Россия была первым государством, легализовавшим в ноябре 1920 г. “аборт по просьбе” (женщины). Однако уже в 1924 г. органы здравоохранения создают “абортные комиссии”, которые выдают разрешение на бесплатный аборт, применяя при этом классовый подход и регулируя очередность желающих. Для многих женщин, не получивших “разрешение на аборт”, он становился платным. Примечательно, что вскоре позитивная оценка эффективности работы этих комиссий стала ставиться в прямую зависимость от количества отказов на аборт. До 1930 г. в СССР публиковалась статистика об абортах, которая свидетельствовала о постоянном росте их количества. С начала 1930-х годов она была засекречена. В 1939 г. сбор статистических данных об искусственных абортах был полностью прекращен» [3, с. 80].

Комментируя события 1930-х годов в области организации искусственного прерывания беременности, А. Г. Злотников отмечает, что «был принят ряд законодательных актов, направленных на повышение рождаемости, что было обусловлено, во-первых, обострением проблемы аборт, вызвавшей рост уровня смертности беременных женщин. Указом Президиума Верховного Совета СССР 1936 г. аборт были запрещены. Во-вторых, “репрессиро-

ванная” перепись населения 1936 г. не подтвердила надежд советского руководства на автоматическое преимущество социализма перед капитализмом в демографической сфере. Репрессии против руководителей Всесоюзной переписи и руководителей областных комитетов по статистике, табу на публикацию показателей по демографии, закрытие в конце 1930-х годов Института демографии АН УССР и Ленинградского демографического института АН СССР негативно сказались на исследованиях демографических процессов в СССР. С конца 1930-х годов демографические исследования, как и вся демографическая статистика, попали в разряд запретных. Даже данные по общей численности населения стали или секретными, или в лучшем случае — “для служебного пользования” вплоть до середины 1950-х годов. Естественно, в этой ситуации демографические и социологические исследования в Беларуси, как и в целом по СССР, были практически прекращены» [4, с. 206—207].

Как отмечает В. В. Солодников, «юридический запрет аборт вызвал лишь кратковременный всплеск рождаемости. Позднейшие исследования показали, что в это время (1936—1955) аборты были широко распространены, несмотря на угрозы серьезного уголовного преследования. Подобный же опыт был в Румынии, где аборты были запрещены в период с 1966 по 1989 г.» [3, с. 80].

Как отмечает Д. Г. Василевич, «при решении вопроса об абортах выделяют абсолютистскую позицию (эмбрион человека на любой стадии развития — это абсолютная ценность, защищаемая со стороны государства, так как обладает правом на жизнь с момента зачатия), либеральную (эмбрион не может рассматриваться как ценность на любой стадии развития). Существует также умеренная позиция, сторонники которой считают, что человеческий эмбрион не имеет абсолютной ценности, яйцеклетка, имея лишь значительную ценность, развивается в человеческое существо постепенно. При умеренной позиции ее сторонники полагают, что у эмбриона право на жизнь находится в прямой зависимости от уровня развития или достижения жизнеспособности» [5, с. 207].

Современная Республика Беларусь относится к числу тех стран, где аборты разрешены. Согласно части первой ст. 24 Конституции Республики Беларусь [6], каждый имеет право на жизнь, а государство, согласно части второй ст. 24, берет на себя обязанность защищать жизнь человека от любых противоправных посягательств. Таким образом, Основной Закон Республики Беларусь не определяет момент начала такой правовой охраны права на жизнь. Например, Д. Г. Василевич полагает, что «в контексте конституционного права на жизнь, как раз, и следует рассматривать право женщины на аборт, которое относится к репродуктивным правам. На чаше весов находится определение начала жизни, ее правовая охрана и право женщины распоряжаться своим телом. То есть речь идет о репродуктивной свободе личности и пределах этой свободы» [5, с. 207].

Нам представляются убедительными рассуждения российских коллег, проводивших исследование вопросов правового регулирования искусственного прерывания беременности в контексте определения момента начала правовой охраны. В отличие от Конституции Республики Беларусь [6], часть вторая ст. 17 Конституции Российской Федерации определяет, что основные права и свободы человека принадлежат каждому от рождения, т. е. точно определяет момент начала правовой охраны [7]. По словам В. В. Смирновой, «...такое основное право человека, как право на жизнь, появляется у него не ранее момента его появления на свет, момент зачатия не имеет правового значения» [8, с. 63]. В. В. Смирнова приводит цитаты и ссылки на нормы конституций ряда европейских государств (ФРГ, Ирландии, Словацкой Республики, Чешской Республики), согласно содержанию которых гарантируется правовая охрана жизни «до рождения» и «нерожденного ребенка» [8, с. 63].

Согласно части первой ст. 8 Конституции [6] Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. Так, преамбула Конвенции о правах ребенка (1989) предусматривает, что «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в надлежащей правовой за-

щите как до, так и после рождения» [9]. Далее ст. 1 Конвенции о правах ребенка предусматривает, что ребенком признается каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста [9]. В. В. Смирнова на этот счет полагает, что «по смыслу приведенной статьи ребенком является не только рожденное человеческое существо, но также и то, которое еще находится в материнской утробе, не появилось на свет» [8, с. 64].

Соответствие конституционной нормы о праве каждого на жизнь общепризнанным принципам международного права обнаруживает себя путем обращения к содержанию части второй ст. 181 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, согласно которой государство гарантирует защиту прав ребенка как до, так и после рождения [10]. В то же время, согласно части второй ст. 16 Гражданского кодекса Республики Беларусь, правоспособность гражданина возникает с момента его рождения; согласно части первой ст. 1081 при наличии зачатого, но еще не родившегося наследника раздел наследства может быть произведен лишь после рождения такого наследника [11].

Таким образом, в Республике Беларусь, с одной стороны, соблюдается приоритет общепризнанных принципов международного права, с другой стороны, не в полной мере обеспечивается соответствие им норм законодательства (например, при наследовании), как и механизмы обеспечения соответствия не в полной мере прозрачны.

Помимо указанного, при реализации репродуктивных прав демонстрируется безусловный приоритет прав женщины, и в этом с нами солидарна Ю. В. Казимирская, которая отмечает, что «спорной является проблема сопоставления права на жизнь человеческого эмбриона и права на неприкосновенность частной жизни, тогда как в ситуации выбора между правами на жизнь и здоровье женщины и правом на жизнь эмбриона приоритет однозначно отдается правам женщины» [12, с. 91].

Так, согласно части первой ст. 27 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 года № 2435-ХІІ «О здравоохранении», женщине предоставляется право самостоятельно решать вопрос о материнстве; согласно части третьей указанной статьи, по согласию женщины в организациях здравоохранения после консультации с врачом-специалистом, а в отношении несовершеннолетней также при наличии письменного согласия ее законного представителя может быть проведено искусственное прерывание беременности при сроке беременности не более 12 недель [13].

Неверным будет мнение о том, что запрет аборт или установление более жестких правил правового регулирования абортов и репродуктивных прав в этой области является решающим в вопросе обеспечения демографической безопасности. Об этом свидетельствуют и приведенные нами в этой работе исторические примеры. Однако отрицать определенный потенциал вопросов организации искусственного прерывания беременности для демографической сферы тоже не следует.

Например, социологи отмечают, что для замещения поколений необходимо, чтобы коэффициент рождаемости на одну женщину составлял 2,1 ребенка. В Республике Беларусь суммарный коэффициент рождаемости составил в 2014 году 1,696; в 2015-м — 1,724; 2016 — 1,733; 2017 — 1,541; 2018 — 1,448 [1, с. 59].

Отметим, что достижение указанных показателей до 2016 года стало одним из ожидаемых результатов реализации Национальной программы демографической безопасности на 2011—2015 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 11 августа 2011 года № 357, согласно которой следовало увеличить суммарный коэффициент рождаемости (число детей, которых могла бы родить одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода (15—49 лет) до 1,55—1,65, а также стабилизировать численность населения в 2015 году на уровне 9,44—9,45 млн человек и обеспечить переход к демографическому росту [14].

Однако даже достигнутый в ходе реализации государственной программы коэффициент не являлся достаточным для замещения поколений, а тем более, как видим, закрепить эффект и стабилизировать достигнутые показатели не удалось. Численность населения Республики

Беларусь на начало 2019 года составила 9 475 тыс. человек [1, с. 19], а уже в июле 2019 года — 9 456,2 тыс. человек [15].

В соответствии с частью первой ст. 3 Закона Республики Беларусь от 4 января 2002 года № 80-З «О демографической безопасности Республики Беларусь» [16], демографическими угрозами являются: депопуляция; старение населения; нерегулируемые миграционные процессы; деградация института семьи. Показатели демографических угроз определяются, согласно части второй ст. 3 указанного закона: нетто-коэффициентом воспроизводства населения; коэффициентом депопуляции; суммарным коэффициентом рождаемости; коэффициентами смертности населения трудоспособного возраста, в том числе коэффициентами смертности мужчин и женщин трудоспособного возраста; ожидаемой продолжительностью предстоящей жизни; коэффициентом старения населения; сальдо миграционного обмена между городской и сельской местностью, в том числе по полу, возрасту, уровню образования; численностью нелегальных мигрантов; коэффициентами брачности и разводимости. При этом, как следует из содержания анализируемой ст. 3, угрозы (из части первой) никак не соотношены с их показателями (из части второй), что представляется затруднительным с точки зрения применения, и не способствующим пониманию. Попытка соотнести угрозы и их показатели приводит к тому, что:

1. Депопуляция определяется:
 - 1.1. Нетто-коэффициентом воспроизводства населения;
 - 1.2. Коэффициентом депопуляции;
 - 1.3. Суммарным коэффициентом рождаемости;
 - 1.4. Коэффициентами смертности населения трудоспособного возраста, в том числе коэффициентами смертности мужчин и женщин трудоспособного возраста;
2. Старение населения определяется:
 - 2.1. Ожидаемой продолжительностью предстоящей жизни;
 - 2.2. Коэффициентом старения населения;
3. Нерегулируемые миграционные процессы определяются:
 - 3.1. Сальдо миграционного обмена между городской и сельской местностью, в том числе по полу, возрасту, уровню образования;
 - 3.2. Численностью нелегальных мигрантов;
4. Деградация института семьи определяется:
 - 4.1. Коэффициентами брачности и разводимости.

Полагаем, в силу регистрируемой численности аборт, а также с учетом конституционного права граждан на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации показатели депопуляции следует дополнить общим коэффициентом абортирования.

В силу указанного предлагается часть вторую ст. 3 Закона Республики Беларусь от 4 января 2002 года № 80-З «О демографической безопасности Республики Беларусь» дополнить новым абзацем следующего содержания: «общим коэффициентом абортирования». Помимо указанного, представляется целесообразным, учитывая значимость данных государственной статистики, в указанном законе соотнести угрозы и их показатели.

Представляется, что в целях восполнения численности населения в Республике Беларусь целесообразно не только стимулировать повышение рождаемости, но и популяризировать ответственное родительство, оптимизировать законодательство о вспомогательных репродуктивных технологиях, придерживаться критерия адресности в реализации государственной семейной политики, актуализировать законодательство в сфере обеспечения демографической безопасности в целях развития ресурсов выполнения численности населения.

В настоящее время искусственное прерывание беременности по законодательству Республики Беларусь допускается с согласия женщины до 12-недельного срока беременности, по социальным показаниям (до 22-недельного срока беременности) и по медицинским показани-

ям. Следует отметить, что наблюдается планомерное сокращение содержания перечней социальных и медицинских показаний к искусственному прерыванию беременности, что, возможно, стало следствием улучшения качества оказываемых населению медицинских услуг и реализуемой государственной семейной политики.

Медицинские показания к искусственному прерыванию беременности определены постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 10 декабря 2014 года № 88 «Об установлении Перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства здравоохранения Республики Беларусь и отдельного структурного элемента постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 9 ноября 2007 года № 105» [17].

Согласно главе первой Перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности, медицинские показания структурированы по следующим классам заболеваний со стороны матери [17]:

- 1) некоторые инфекционные и паразитарные болезни;
- 2) новообразования;
- 3) болезни крови и кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм;
- 4) болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ;
- 5) психические расстройства и расстройства поведения;
- 6) болезни нервной системы (генерализованные формы, тяжелое прогрессирующее течение);
- 7) болезни системы кровообращения;
- 8) болезни органов дыхания;
- 9) болезни органов пищеварения;
- 10) болезни мочеполовой системы;
- 11) беременность и роды.

Медицинские показания, наличие которых в настоящее время допускает производство процедуры искусственного прерывания беременности по законодательству Республики Беларусь, структурированы по следующим классам заболеваний со стороны матери.

Согласно главе второй Перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности, медицинские показания структурированы по следующим классам заболеваний со стороны плода [17]:

- 1) болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ;
- 2) врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения.

Следует отметить, что перечень социальных показаний для искусственного прерывания беременности также сокращается и в настоящее время, согласно постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 23 октября 2008 года № 1580 «Об установлении перечня социальных показаний для искусственного прерывания беременности и признании утратившим силу постановления Совета Министров Республики Беларусь от 5 июля 2002 года № 902» [18], предусматривает в качестве таковых:

- 1) наличие решения суда о лишении родительских прав;
- 2) наступление беременности в результате изнасилования.

Согласно части девятой ст. 27 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» [13], врачам-специалистам предоставлено право отказаться от проведения искусственного прерывания беременности, письменно уведомив об этом руководителя организации здравоохранения, если отказ непосредственно не угрожает жизни и (или) здоровью женщины; после получения письменного уведомления врача-специалиста руководитель организации здравоохранения должен организовать женщине проведение искусственного прерывания беременности другим врачом-специалистом.

Конституционный Суд Республики Беларусь (решение от 20 января 2015 года № Р-975/2015) выразил правовую позицию, согласно которой такой отказ врача-специалиста

возможен при наличии уважительных причин, в частности, из-за морально-этических, нравственных принципов, религиозных и иных убеждений, одновременно указав, что поскольку в ряде случаев срок беременности имеет значение для выбора способа ее прерывания и, соответственно, возможных последствий для здоровья женщины, в том числе репродуктивного, то врач-специалист, руководитель организации здравоохранения, другие медицинские работники, вовлеченные в процесс замены врача-специалиста, должны действовать максимально оперативно в целях недопущения нарушения прав и законных интересов беременной женщины.

Заключение. В ходе проведенного исследования сделаны обобщающие выводы теоретического характера, а также внесены предложения, направленные на совершенствование законодательства.

1. В Республике Беларусь соблюдается приоритет общепризнанных принципов международного права в части установления момента начала правовой охраны жизни ребенка. Вместе с тем не в полной мере прозрачны механизмы обеспечения соответствия принципам международного права.

2. В силу регистрируемой численности аборт, а также с учетом конституционного права граждан на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации показатели депопуляции следует дополнить общим коэффициентом абортирования, таким образом, предлагается часть вторую ст. 3 Закона Республики Беларусь от 4 января 2002 года № 80-З «О демографической безопасности Республики Беларусь» дополнить новым абзацем следующего содержания: «общим коэффициентом абортирования.»

3. Представляется целесообразным, учитывая значимость данных государственной статистики, в Законе Республики Беларусь от 4 января 2002 года № 80-З «О демографической безопасности Республики Беларусь» соотнести демографические угрозы с их показателями.

Список цитируемых источников

1. Статистический ежегодник 2019 : стат. сб. / редкол.: И. В. Медведева (пред.), И. С. Кангро [и др.]. — Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2019. — 472 с.
2. Демографический ежегодник Республики Беларусь : стат. сб.=Demographic Yearbook of the Republic of Belarus : Statistical Book / редкол.: И. В. Медведева (пред.), И. С. Кангро [и др.]. — Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2019. — 429 с.
3. Солодников, В. В. Аборт: правовое регулирование и общественное мнение россиян / В. В. Солодников // Мониторинг обществ. мнения: экон. и соц. перемены. — 2008. — № 4 (88). — С. 78—93.
4. Злотников, А. Г. Демографические идеи и концепции / А. Г. Злотников. — Минск : Право и экономика, 2014. — 388 с.
5. Василевич, Д. Г. Правовое регулирование искусственного прерывания беременности по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации / Д. Г. Василевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. — 2018. — № 6. — С. 207—210.
6. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. — Минск : Амалфея, 2005. — 48 с.
7. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм. от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собр. законодательства РФ. — 04.08.2014. — № 31. — Ст. 4398.
8. Смирнова, В. В. Правовое регулирование искусственного прерывания беременности / В. В. Смирнова // Актуал. проблемы медицины и биологии. — 2018. — № 1. — С. 63—65.
9. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс] : принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций (20 нояб. 1989 г.) // Официальный сайт ООН. — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml#a4 . — Дата доступа: 18.08.2019.
10. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. № 135-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 31.07.2018. — 2/2573.

11. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2018 г. № 151-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 27.12.2018. — 2/2589.

12. *Казимирская, Ю. В.* Искусственное прерывание беременности и конституционные права человека в праве России и зарубежных стран (на примере США, Великобритании, ФРГ, Франции) / Ю. В. Казимирская // Альм. соврем. науки и образования. — 2013. — № 5 (72). — С. 90—93.

13. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 21.10.2016 г. № 433-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 28.10.2016. — 2/2431.

14. Об утверждении Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2011—2015 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 11 авг. 2011 г., № 357 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 12.09.2012 г. № 406 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 14.09.2012. — 1/13752.

15. Численность населения (на 1 июля 2019 г.) [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 1998—2019. — Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/>. — Дата доступа: 18.08.2019.

16. О демографической безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2002 г., № 80-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. № 91-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 18.01.2018. — 2/2529.

17. Об установлении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства здравоохранения Республики Беларусь и отдельного структурного элемента постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 9 ноября 2007 г. № 105 [Электронный ресурс] : постановление М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 10 дек. 2014 г., № 88 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 24.12.2014. — 8/29399.

18. Об установлении перечня социальных показаний для искусственного прерывания беременности и признании утратившим силу постановления Совета Министров Республики Беларусь от 5 июля 2002 г. № 902 [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 окт. 2008 г., № 1580 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 22.11.2014 г. № 1093 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 25.11.2014. — 5/39731.

Поступила в редакцию 08.10.2019

УДК 321(091); 34(091)

В. В. Андрощук

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный социальный университет», филиал в г. Минске, Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, ул. Народная, 21, 220107 Минск, Республика Беларусь, +375 (29) 774 60 41, vandrosc@mail.ru

ПРИНЦИПЫ ЗАЩИТЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье рассматриваются правовые основы сохранения господствующего положения Православной церкви в Российской империи и обеспечения принципа веротерпимости по отношению к другим признанным в государстве вероисповеданиям. Нормы Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года, основного кодифицированного нормативного акта, регулировавшего общие вопросы уголовного права, были призваны охранять исключительное право Православной церкви на проведение религиозной пропаганды среди последователей других религий. Данная задача достигалась путем установления запрета на переход из православия в другие христианские и нехристианские вероисповедания для православных лиц, а также различных ограничений в отношении проведения публичных богослужений и процессий инославными и нехристианскими церквями. Нормы Уложения 1885 года регулировали также вопросы воспитания детей в смешанных браках, в которых супруги принадлежали к разным вероисповеданиям. Тем не менее в целом опыт государственно-правового регулирования межконфессиональных отношений на данном историческом этапе неизменно основывался на заложенном ещё во времена христианизации Руси принципе религиозной терпимости.

Ключевые слова: Православная церковь; православие; веротерпимость; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных; нехристианские вероисповедания; Святейший синод; духовная консистория; смешанные браки.

Библиогр.: 15 назв.

V. V. Androshchuk

The Federal State Educational Institution of Higher Professional Education “Russian State Social University”, Minsk branch, Ministry of Education and Science of the Russian Federation, 21 Narodnaya Str., 220107 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (29) 774 60 41, vandrosc@mail.ru

PRINCIPLES OF PROTECTION OF THE ORTHODOX CHURCH LEGAL STATUS IN THE RUSSIAN EMPIRE LEGISLATION IN THE LATE XIX — EARLY XX CENTURY

The article considers the legal basis for maintaining the dominant position of the Orthodox Church in the Russian Empire and ensuring the principle of tolerance toward other religions recognized in the state. The norms of the Penal Code of 1885, the main codified normative act of criminal law, were intended to protect the exclusive right of the Orthodox Church to conduct religious propaganda among followers of other religions. This task was achieved by establishing a ban on the transition from Orthodoxy to other Christian and non-Christian religions for Orthodox people, as well as various restrictions on the conduct of public services and processions by non-Orthodox and non-Christian churches. The Penal Code of 1885 also regulated the upbringing of children in mixed marriages in which the spouses belonged to different faiths. Nevertheless, in general, the experience of state-legal regulation of inter-confessional relations at this historical stage was invariably based on the principle of religious tolerance laid down in the time of the christening of Russia.

Key words: Orthodox Church; Orthodoxy; tolerance; Code of Criminal and Correctional Penalties; non-Christian Religions; Holy Synod; the spiritual consistory; mixed marriages.

Ref.: 15 titles.

Введение. Исследование темы, посвященной вопросам обеспечения свободы совести и вероисповедания, создания и деятельности религиозных организаций, является актуальной и представляет научную и практическую значимость по целому ряду причин. Обращение к истории раз-

вития правовых отношений Церкви и государства позволяет не только определить истоки современного правового статуса крупнейшего религиозного объединения российского общества — Русской православной церкви, но также проследить эволюцию правового положения религиозных объединений. Результаты обобщения многовекового опыта правового регулирования их деятельности могут послужить основой для дальнейшего совершенствования норм действующего законодательства (в частности, закона «О свободе совести и религиозных организациях» [1]).

Результаты исследования и их обсуждение. Принцип покровительства господствующей в Российской империи Православной церкви и предоставления относительной веротерпимости другим признанным вероисповеданиям был закреплен в нормах раздела «Об отступлении от веры и постановлений церкви» главы второй Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Данные нормы ограждали привилегированное положение Православной церкви и ее исключительное право на религиозную пропаганду среди последователей других религий. Они предусматривали запрет на переход из православия в другие христианские и нехристианские вероисповедания для православных лиц или обращенных в православие из других вер [2, с. 74]. Различные ограничения устанавливались в отношении проведения публичных богослужений и процессий инославными и нехристианскими церквями. Нормы данного раздела Уложения регулировали также вопросы воспитания детей в смешанных браках, в которых супруги принадлежали к разным вероисповеданиям.

Переход из православия в другие вероисповедания ограничивался законодательно специальными постановлениями, которые предусматривали меры ответственности за их нарушение. Переход российских подданных из других вероисповеданий в православие обеспечивался правовой охраной: запрещалось препятствовать присоединению иноверца к Православной церкви. Виновному определялось наказание в виде тюремного заключения на срок от 1 года и 4 месяцев до 2 лет с лишением некоторых прав и преимуществ [2; 3]. Переход из любого христианского вероисповедания в нехристианскую веру был запрещен.

В Российской империи существовало абсолютно нетерпимое отношение к совратителям из «основной» веры в другое исповедание. Среди перечня способов совращения в другую религию были указаны «подговоры», «обольщения» и широкое по своему смысловому значению «иные средства». В разъяснении по кассационным решениям Сената отмечалось, что «уголовные законы наши подвергают ответственности виновных не только в совершении действий, прямо направленных к <...> отпадению православного от его вероисповедания, но и за всякое такое в дела веры вмешательство, которое могло бы повлечь за собою указанные последствия» [4, с. 237].

Российское уголовное законодательство предусматривало наказание за два вида совращения православного лица из христианской веры в мусульманство, иудаизм или иное христианское исповедание. Простое совращение влекло наказание в виде лишения всех прав состояния и ссылки на каторжные работы на срок от 8 до 10 лет. Применение насилия, которое являлось отягчающим обстоятельством, увеличивало срок до 12—15 лет [3].

Лица, перешедшие из христианского вероисповедания в веру нехристианскую, направлялись к духовному начальству их прежнего исповедания для «увещевания и вразумления». К данной группе преступлений относились также случаи возвращения из православия в «исконную» веру лиц-нехристиан. Особый вид ответственности предусматривался для мусульман и евреев, вступивших в брак с лицами евангелическо-лютеранского или реформатского вероисповедания. В случае, если они силой или угрозами пытались обратить супругов или детей в свою веру и препятствовали совершению ими христианских религиозных обрядов, данный брак расторгался, а виновные лишались всех прав состояния и ссылались в Сибирь. При ненадлежащем совращении православного лица в иное христианское вероисповедание виновные лишались всех особенных прав и преимуществ, ссылались в Сибирь или отдавались в исправительное арестантское отделение [3].

В отношении совращенных лиц уголовное преследование не предусматривалось. Они отсылались к духовному начальству для «увещевания, вразумления их и поступления с ними по правилам церковным. Назидания и увещания должны производиться над совратившимися без отвращения их от места их жительства и от обыкновенных их трудов и занятий» [5]. В особо серьезных случаях, когда совратившиеся «упорствовали», их могли помещать в крепости и монастыри.

Православным детям совращенного (в случае его знатного происхождения — также прислуге) назначалась государственная опека, а недвижимое имущество передавалось в секвестр [3]. Законодательство не ограничивало срок исправления совращенных лиц, поэтому виновные в отпадении от православия могли оставаться в монастыре на долгие годы, а в случае, если убеждения человека сохранялись неизменными, — и до конца жизни [6].

Таким образом, переход из инославных и иноверных религий в православие допускался и всячески приветствовался, а в случае с иудеями — даже получал покровительство имперской администрации. Как правило, смена веры происходила по инициативе самих евреев, которые могли руководствоваться как искренним религиозным чувством, так и вполне мирскими интересами. Выкресты получали льготы в налогообложении, освобождались от рекрутской повинности, наделялись гражданскими правами в полном объеме [7].

Православная церковь пользовалась исключительным правом религиозной пропаганды, а представителям иностранных исповеданий не позволялось открыто распространять свои вероучения даже среди нехристиан. Как гласила ст. 70 Устава о предупреждении и пресечении преступлений: «Одна господствующая церковь имеет право в пределах государства убеждать не принадлежащих к ней подданных к принятию её учения о вере» [2]. С этой целью были учреждены два православных общества — для пропаганды на Кавказе и в Сибири. Миссионерам иностранных христианских исповеданий разрешалась пропаганда только в исключительных случаях, например, среди сибирских инородцев. Подобные ограничения объяснялись тем, что в России существовала традиция ассоциировать религиозную принадлежность человека с его национальностью. Считалось, что переход в католицизм влек за собой полонизацию населения, в лютеранство — его германизацию, чему российское государство всячески препятствовало [8, с. 307].

Уложением 1885 года не преследовалось насильственное обращение христианина в православие, нехристианина — в любое христианское вероисповедание, а для детей не определялся минимальный возраст для смены религии без согласия родителей. По общему правилу, религия признавалась наследственной: дети воспитывались в религии своих родителей. Указом от 22 января 1862 года устанавливался порядок подготовки иноверцев-нехристиан к принятию православия. Над малолетними евреями, мусульманами и язычниками (до 14 лет) таинство крещения совершалось только с письменного согласия родителей или опекунов. Для крещения детей старше 14 лет, которые сами изъявили подобное желание и были знакомы с православными догматами и учением, такого согласия не требовалось [9; 10]. Однако для духовных лиц неправославных христианских исповеданий предусматривалось наказание за принятие иноверного в свое вероисповедание [3]. Присутствие данной нормы в Уложении 1885 года было нецелесообразным, поскольку присоединение к вероисповеданию лиц по их собственной инициативе согласно личным убеждениям не являлось преступным. Помимо того, предусмотренное наказание носило служебно-дисциплинарный (выговор, отстранение от должности), а не уголовный характер.

Уложение 1885 года предусматривало также наказание за воздействие на лиц, не достигших возраста самоопределения, — малолетних; за воспитание их не по правилам вероисповедания, полученного при рождении [3]. По общему правилу ребенок должен был воспитываться в вере своих родителей. Внебрачные дети принимали вероисповедание матери. Некрещенные подкидыши следовали религии семьи, которая брала их на воспитание. Усыновленный иностранцами ребенок воспитывался в православии [11]. В Прибалтийских губерниях подкидыши и найденные младенцы подлежали крещению в евангелическо-лютеранское исповедание [2].

Браки между христианами и нехристианами были запрещены. Исключение делалось для лиц евангелическо-лютеранского исповедания, которые могли заключать браки с евреями и мусульманами [11]. При этом мусульманин или еврей обязывался воспитывать рожденных в браке детей в христианской евангелической вере или (по желанию обеих сторон) в православии [12]. За нарушение правил религиозного воспитания несовершеннолетних детей мусульмане и евреи, состоявшие в браке с лицами евангелического исповедания, лишались всех прав состояния и ссылались в Сибирь [3].

Допускался брак православных со старообрядцами при условии присоединения последних к Православной церкви [11]. Однако в случае несоблюдения данного условия церковные власти были не в силах помешать заключению брака. Духовному начальству оставалось искать «удобных случаев к пастырскому увещанию уклонившихся от церкви». Если в течение определенного времени эти увещания оставались безуспешными, какие-либо вмешательства Церкви в семейные дела прекращались [13]. Браки старообрядцев с лицами других христианских исповеданий, как и вероисповедание детей в таких браках, законом не регулировались. Для учета семейного положения старообрядцев Правилами от 19 апреля 1874 года были учреждены метрические книги, дальнейшее ведение которых поручалось полиции [14]. Устанавливался контроль за тем, чтобы малолетние дети, чьи родители перешли в старообрядчество уже после их рождения, продолжали воспитываться в православии [2].

Таким образом, законодательно запрещались два действия, нарушавшие права детей в вопросах религии: 1) совершение над ними таинств по обрядам другого христианского исповедания; 2) воспитание их по обрядам другой веры, что подразумевало систематическое обучение детей религиозным правилам на протяжении определённого периода времени. Простое несоблюдение православных обрядов и таинств, непосещение церкви не было преступным.

Помимо рассмотренных случаев религиозного соращения (публичная пропаганда неправославных учений и воспитание православных детей в правилах других исповеданий), российским законодательством также была предусмотрена ответственность служителей веры за совершение следующих деяний.

За сознательное содействие отступлению от православия, выраженное в допущении православного лица к совершению иноверных религиозных обрядов, священнослужители христианских вероисповеданий отстранялись от богослужений на срок от 6 месяцев до 1 года. При повторном совершении деяния священнослужитель лишался сана и передавался под надзор полиции [3]. К данной группе деяний следует отнести также совершение православным священником богослужений для старообрядцев.

Совершение священниками христианских вероисповеданий духовных треб для православных по неведению рассматривалось как неумышленное содействие отпадению от православия. Наказание — строгий выговор «за несогласную с важностью их звания неосмотрительность» — присуждалось лишь в том случае, когда действия священнослужителя нельзя было квалифицировать как соращение [3]. В то же время аналогичное постановление относительно духовных лиц нехристианских исповеданий в Уложении 1885 года отсутствовало. Это означало, что отправление христианином иудейских или мусульманских обрядов (иными словами, присоединение к одной из этих религий) без активного содействия со стороны раввина или муллы были не наказуемы для последних [8].

Католическим священникам запрещалось направлять православных детей на церковную службу совместно с католиками, преподавать им катехизис и «внушать истины, неприемлемые для православия». Духовенству христианских исповеданий запрещалось совершать в отношении православных лиц духовные требы или делать им внушения, касавшиеся религии. Протестантскому духовенству запрещалось допускать к причащению святых таинств неизвестных лиц без предварительного получения от них подписки о том, что они не принадлежали к Православной церкви [2]. В отношении лиц, повенчанных не по православному обряду, местному священнику предписывалось «производить пастырское увещание до тех пор, пока они не повенчаются со своими сожительницами в православной церкви» [15].

Заключение. Результаты исследования позволяют сформулировать следующие выводы:

1) проведенный анализ российского законодательства конца XIX — начала XX века определил место норм, закреплявших принципы покровительства господствующей Православной церкви и ограждавших ее привилегированное положение: они преимущественно содержались в уголовном законодательстве. Это было обусловлено тем, что религия признавалась одним из важнейших устоев государства, а любые правонарушения в религиозной сфере рассматривались как посягательства на верховную власть и основы государственного устройства;

2) православие служило идейной основой для единения многонационального и многоконфессионального Российского государства, поэтому охрана правового статуса Православной церкви и принципа веротерпимости считалась одной из наиважнейших задач уголовного законодательства;

3) научное осмысление истории формирования принципов защиты религии позволяет проследить эволюцию правового положения религиозных конфессий в Российской империи, а обобщенный опыт впоследствии использовать при дальнейшем совершенствовании современного законодательства в области прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, а также определения правовых основ создания и деятельности религиозных организаций.

Список цитируемых источников

1. О свободе совести и религиозных организациях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 дек. 1992 г., № 2054-ХП ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.10.2002 г. № 137-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2002. — №123. — 2/886.
2. Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской империи. — СПб. : Изд-во товарищества «Общественная польза», 1900. — Т. XIV.
3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 г. // Свод законов Российской империи. — СПб. : Изд-во товарищества «Общественная польза», 1900. — Т. XV.
4. *Канторович, Я. А.* Законы о вере и веротерпимости с приложением свода разъяснений по кассационным решениям Сената / Я. А. Канторович. — СПб. : Тип. Г. А. Бернштейна, 1899. — 287 с.
5. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. 2531. Оп. 1. Д. 47. Л. 24.
6. Уголовное уложение. Объяснения к проекту редакционной комиссии. Том IV. Главы 17—18. — СПб. : Гос. тип., 1895. — 243 с.
7. *Вибе, И. Н.* Вероисповедная политика самодержавия в Западном крае (1830—1855) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / И. Н. Вибе. — СПб., 2009. — 26 с.
8. *Лохвицкий, А. В.* Курс русского уголовного права / А. В. Лохвицкий. — СПб. : Скоропечатня Ю. О. Шредера, 1871. — 704 с.
9. Высочайше утверждённое мнение Государственного совета «О порядке приготовления иноверцев нехристиан к принятию Православной веры и совершения над ними лицами таинства святого крещения, а также о правах и преимуществах принявших Православную или другую Христианскую веру» от 4 декабря 1861 г., опубликованное 22 января 1862 г. // ПСЗ-2. Т. XXXVI. 1861. Отделение 2. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1863. — Ст. 37709.
10. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. 2531. Оп. 1. Д. 23. Л. 24.
11. Свод законов гражданских // Свод законов Российской империи. — СПб. : Изд-во товарищества «Общественная польза», 1900. — Т. X.
12. Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных. Издание 1896 г. // Свод законов Российской империи. — СПб. : Изд-во товарищества «Общественная польза», 1900. — Т. XI.
13. Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). — Ф. 16. Оп. 110. Д. 1517. Л. IV, 23.
14. Высочайше утверждённые Правила о метрической записи браков, рождения и смерти раскольников от 19 апреля 1874 г. // ПСЗ-2. Т. XLIX. 1874. Отделение I. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1876. — Ст. 53391.
15. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. 136. Оп. 1. Д. 35496.

Поступила в редакцию 08.08.2019

УДК 340.114.3

Д. А. Гончарова

Белорусский государственный университет, Министерство образования Республики Беларусь,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Республика Беларусь, +375 (33) 634 88 69, goncharova_0@mail.ru

ПУБЛИЧНОЕ ОБСУЖДЕНИЕ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА

В статье затрагиваются вопросы конечной цели правового регулирования реализации функции права. Одним из способов реализации информационной функции права является публичное обсуждение проектов нормативных правовых актов. В статье отражено как теоретическое, так и законодательное понимание института публичного обсуждения, а также обобщены результаты опыта государственных органов и организаций относительно вынесения проектов нормативных правовых актов на публичное обсуждение.

Ключевые слова: нормативный правовой акт; информационная функция права; функции права; реализация информационной функции права; публичное обсуждение; проект нормативного правового акта.

Библиогр.: 11 назв.

D. A. Goncharova

Belarusian State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 4 Independence ave.,
220030 Minsk, the Republic of Belarus, 375 (33) 634 88 69, goncharova_0@mail.ru

PUBLIC DISCUSSION OF DRAFT NORMATIVE LEGAL ACTS AS A FORM OF IMPLEMENTATION OF INFORMATION FUNCTION OF LAW

The article deals with the ultimate goal of legal regulation, namely the implementation of the function of law. One of the forms of implementation of the information function of the right is public discussion of draft regulatory legal acts. The article reflects both theoretical and legislative understanding of the institute of public discussion, and also summarizes the results of the experience of state bodies and organizations regarding the submission of draft regulatory legal acts for public discussion.

Key words: normative legal act; information function of law; legal functions; implementation of the information function of law; public discussion; draft of a normative legal act.

Ref.: 11 titles.

Введение. Изменения в праве, показывающие изменения в обществе в целом, находят отражение в отраслях, подотраслях, институтах права. Для обеспечения эффективного действия изменений в праве, наиболее полной реализации функций права необходим отлаженный механизм внедрения изменений в праве в существующую структуру правового регулирования. Для информационной функции права, как и иных функций права, такой механизм является движущей силой ее реализации — тем, что приводит указанную функцию в действие.

В теории права под реализацией функций права понимают достижение целей той или иной функции, претворение ее в жизнь, выполнение правом своей социальной роли [1, с. 93]. Из определения очевидно, что итогом процесса реализации функций права является их претворение в жизнь, т.е. достижение социального эффекта — упорядоченности, стабильности правовых отношений, укрепление правопорядка. Согласно позиции А. И. Абрамова, функцию права можно считать реализованной лишь тогда, когда полностью решены все задачи и достигнуты конечные цели правового регулирования [2, с. 84], из чего следует, что информационную функцию права можно считать реализованной только при условии осуществления права на правовую информацию.

Результаты исследования и их обсуждение. А. В. Червяковский в своей монографии «Информационная функция права» выделяет две формы реализации информационной функции права исходя из способов восприятия правовой информации — прямую и опосредованную [3].

Прямая форма реализации информационной функции права — та, при которой индивиды сами непосредственно обращаются к нормам права, знакомятся с источниками права. К такой форме реализации относится непосредственное (прямое) знакомство индивида с текстом нормативного правового акта (далее — НПА).

Прямая форма реализации может быть официальной и неофициальной. Официальное опубликование имеет целью довести содержание законов до всеобщего сведения, что абсолютно необходимо для их реализации. При этом именно официальное опубликование служит гарантией того, что публикуемый текст полностью соответствует подлиннику, т. е. тому тексту, который был принят законодательным органом или референдумом и подписан компетентным должностным лицом.

В опосредованной форме информационная функция права реализуется, когда правовая информация, содержащаяся в НПА и других источниках права, перерабатывается посредником и адаптируется для потребителя. При опосредованной реализации информационной функции права между нормой права, закрепленной в источниках права, и потребителем этой нормы (индивидом) возникает еще одно лицо, выполняющее функции интерпретации и коммуникации (общения) [3, с. 35]. Опосредованная форма реализации информационной функции права включает различные способы передачи информации: чтение лекций; издание комментариев, разъяснений; консультации специалистов; создание.

Прямая и опосредованная формы реализации информационной функции права могут тесно переплетаться. Таким примером может служить публичное обсуждение проектов НПА, при котором официальный текст документа размещается в свободном доступе для внесения предложений и замечаний как профессионалами, так и иными заинтересованными лицами.

Под публичным обсуждением в теории понимают «обсуждение какой-либо важной государственно-общественной проблемы, в том числе тогда, когда в представительный орган внесен соответствующий проект нормативного акта или он уже находится в процессе рассмотрения» [4, с. 275].

Сущность процедуры обсуждения очень точно отразил В. А. Савицкий: «Функционально при развитии институтов “электронной демократии” надо исходить из того, чтобы ни одна полезная для государства идея, которую может предложить общество или конкретный индивид, не пропала. <...> Именно поэтому граждане и их объединения должны иметь возможность осуществлять своеобразный “консалтинг” власти по вырабатываемым решениям. А власть должна систематизировать и упорядочить работу с идеями, предложениями, замечаниями, поступающими от граждан» [5, с. 393].

Публичное обсуждение проектов нормативных актов широко обсуждается не только в научных статьях, но и находит свое закрепление в законодательстве. Так, согласно ст. 8 Конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхусской конвенции) [6], ратифицированной Республикой Беларусь, представители общественности в дополнение к праву принимать участие в разработке основных решений, затрагивающих их жизнь, также призваны играть определенную роль в разработке законов и нормативных актов, которые могут оказать существенное воздействие на окружающую среду [7, с. 181]. Международные обязательства в некотором смысле акцентировали внимание должностных лиц на привнесение большей открытости в политическую деятельность, а также создали условия для участия в данном процессе всех заинтересованных лиц.

Наиболее значимым актом национального законодательства, регламентирующим процедуру публичного обсуждения, является Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 года «О нормативных правовых актах», в котором отдельная статья посвящена публичному обсужде-

нию: «проект нормативного правового акта может быть вынесен на публичное (общественное или профессиональное) обсуждение в глобальной компьютерной сети Интернет на сайте “Правовой форум Беларуси”, а также путем парламентских слушаний, в средствах массовой информации либо иными способами, не противоречащими законодательству» [8].

Востребованность указанного института в настоящее время обусловлена выстраиванием эффективного механизма взаимодействия государства, его органов и должностных лиц с гражданским обществом. Благодаря публичному обсуждению, нормотворческие органы могут знакомиться с общественным мнением для корректировки содержания законотворческих решений. Поэтому необходимость широкого вовлечения граждан в процесс участия в управлении делами государства актуализируется с новой силой.

В Республике Беларусь сложилась определенная практика проведения публичных обсуждений проектов НПА. Публичное обсуждение предполагает участие в нем широко круга лиц вне зависимости от возраста, профессии и жизненного опыта.

Анализ и обобщение организации и проведения общественных обсуждений государственными органами (организациями) в период с 1 января 2015 года по 14 сентября 2018 года, проведенные Национальным центром правовой информации Республики Беларусь, показывают, что суммарное количество проектов, выносимых на обсуждение, составило менее одного процента от общего числа принятых актов: было принято около 36 700 НПА, из них на общественное обсуждение вынесено 347 актов.

Из общего количества актов, вынесенных на обсуждение в течение трех последних лет, наибольшее число составляют проекты постановлений Совета Министров Республики Беларусь (41 %), проекты ведомственных НПА (28 %), равным по уровню (14 %) является число вынесенных на обсуждение проектов законов Республики Беларусь и проектов указов Президента Республики Беларусь.

При этом сложились разные подходы к тому, на какой стадии нормотворческого процесса проводится обсуждение. Как правило, публичное обсуждение происходит на стадии подготовки НПА, в других случаях — параллельно с их согласованием с заинтересованными государственными органами (организациями), в-третьих — до направления проектов на согласование, в-четвертых — после этапа согласования.

Также отсутствует единство в части обеспечения права граждан на получение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов и информирования общественности о предстоящем общественном обсуждении. Практически половиной государственных органов и организаций для размещения соответствующей информации востребованы исключительно новостные разделы (строки) их официальных сайтов и уведомления на официальных сайтах. По-видимому, этого не всегда достаточно для того, чтобы заинтересовать и мотивировать общественность к участию в публичном обсуждении. Трудно рассчитывать на гражданскую активность, когда сам доступ к проектам не очевиден.

Положительно можно охарактеризовать практику тех нормотворческих органов и организаций, которые одновременно используют несколько ресурсов для информирования общественности о предстоящем обсуждении. Например, Министерство внутренних дел Республики Беларусь помимо своего официального сайта задействует для оповещения населения о предстоящем обсуждении иные способы, ресурсы и информационные источники в виде ведущих медиаресурсов (газет, прочих СМИ), создает тематические баннеры, размещает ссылки, позволяющие осуществить переход на специализированную страницу для участия в общественном обсуждении, посылает уведомления о заседаниях общественно-консультативных советов. Такая практика гарантирует получение действительно широких откликов и оценок со стороны населения на тот ли иной обсуждаемый проект. В ситуации, когда государственный орган не размещает информацию о грядущем обсуждении на своем сайте, у граждан остается немного шансов узнать об обсуждении, поскольку поиск искомого

сообщений на официальных интернет-ресурсах может осуществить далеко не каждый человек. И здесь абсолютно прав В. Б. Исаков в том, что «с одной стороны, социальные сети, Интернет, современные средства коммуникации и информационные технологии открыли для каждого человека огромное, буквально безграничное море информации, с другой стороны, в этом море все труднее и труднее находить искомое» [9, с. 81].

В перспективе оценку законопроектов с точки зрения понятности, реализуемости заложенных в них предписаний, возможных трудностей и побочных последствий, которые может породить на практике их реализация, должно обеспечивать анонсирование общественного обсуждения и на телевидении. Также положительно зарекомендовала себя практика информирования общественности о предстоящем обсуждении в официальных аккаунтах социальных сетей, направление пресс-релизов в СМИ, размещение в печатных СМИ, на сайтах исполнительных и распорядительных органов.

Таким образом, в настоящее время объективна потребность в переходе к комплексному урегулированию порядка публичного обсуждения. Основой такого подхода может выступить включенная в новый закон о НПА статья о публичном обсуждении проектов НПА, нормативные предписания которой направлены на обеспечение процедуры публичного обсуждения в целях получения общественной оценки правовых актов. Очевидно, что такого рода «обратная связь» при подготовке проектов НПА дополнительно обеспечивает право на доступ к правовой информации, что в наибольшей степени способствует реализации информационной функции права.

С каждым годом на правовой площадке для публичного обсуждения возрастает количество выносимых для обсуждения проектов НПА (таблица 1). В 2017 году на публичное обсуждение было вынесено 26 проектов НПА, в 2018 году количество обсуждаемых проектов увеличилось до 60.

Можно заметить, что с каждым годом повышается и внимание общественности к институту публичного обсуждения проектов НПА, о чем свидетельствует увеличение количества комментариев на Правовом форуме Беларуси с 3 в 2013 году до 1 499 в 2018 году.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что количество участников публичных обсуждений пока не так велико, поскольку по многим проектам НПА на форуме не оставлено ни одного комментария, в связи с чем требуется постоянное повышение уровня информированности граждан о деятельности государственных органов (организаций), придание открытости и гласности деятельности данных органов, демонстрации действительной заинтересованности власти в участии граждан в обсуждении, реальный диалог власти с населением.

Т а б л и ц а 1. — Обсуждение проектов НПА на Правовом форуме Беларуси в специальном разделе

Год	Проекты					Иные проекты	Итого проектов за год
	указов	декретов	законов	постановлений	кодексов		
2013	0	0	1	0	0	0	1
2014	0	0	1	0	0	0	1
2015	2	0	2	0	2	0	6
2016	3	0	1	3	1	4	12
2017	11	2	5	2	0	6	26
2018	14	0	15	22	1	8	60
Итого	30	2	25	27	4	18	106

Примечание. Собственная разработка по данным источника [10].

По словам Г. А. Василевича, «практика размещения проектов законов в Интернете еще не вполне развита. Каждый должен иметь возможность направить свое предложение или поправку в закон» [11]. Также следует учитывать проблему цифрового неравенства, т. е. отсутствие равной возможности использования информационно-коммуникационных технологий у всех граждан, а следовательно, отсутствие возможности ознакомления с проектами НПА и представления замечаний и предложений на них.

Заключение. До недавнего времени публичное обсуждение не имело успешной практики. Однако с распространением и развитием цифровых технологий произошли перемены, которые коснулись и правовой системы. Нормотворчество все в большей степени приобретает такое качество, как транспарентность, т. е. становится более открытым и прозрачным. В этой связи у государства возник вопрос вовлечения в нормотворческий процесс непрофессиональных участников в лице рядовых граждан, что привело к созданию института общественных обсуждений проектов НПА.

Открытость, доступность и прозрачность процесса создания правовых норм способствуют формированию позитивных правовых установок в социуме, что побуждает субъектов права к правомерному поведению и способствует установлению общественного порядка.

Таким образом, для успешной реализации информационной функции права необходимо надежное подспорье в виде налаженной системы доступа к правовой информации. Требуется дальнейшее развитие правового регулирования публичного обсуждения проектов НПА как одного из действенных способов обеспечения указанного доступа в механизме реализации информационной функции права.

Список цитируемых источников

1. *Радько, Т. Н.* Методологические вопросы познания функций права / Т. Н. Радько. — Волгоград : НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1974. — 150 с.
2. *Абрамов, А. И.* Теоретические и практические проблемы реализации функций права : монография / А. И. Абрамов ; под общ. ред. В. М. Ведяхина. — Самара, 2008.
3. *Червяковский, А. В.* Информационная функция права : монография / А. В. Червяковский ; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Ом. акад. — Омск : Ом. акад. МВД России, 2007. — 126 с.
4. Муниципальное право России : учеб. для бакалавриата и магистратуры : для студентов высш. учеб. заведений, обучающихся по специальностям 021100 «Юриспруденция», 030505 «Правоохранительная деятельность», 030500 «Юриспруденция (бакалавр)» / И. В. Захаров [и др.]. — М., 2013. — 443 с.
5. *Савицкий, В. А.* Общественное обсуждение законопроектов : демократия или государственный рационализм / В. А. Савицкий // Юрид. техника. — 2014. — № 8. — С. 393—396.
6. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды : [заключена в г. Орхусе 25.06.1998] // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2003. — № 95. — 3/866.
7. Орхусская конвенция : руководство по осуществлению / Европейская экономическая комиссия Организации Объединенных Наций. — 2-е изд. — 2014. — 278 с.
8. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-З : принят Палатой представителей 27 июня 2018 г. : одобр. Советом Респ. 29 июня 2018 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 26.07.2018. — 2/2568.
9. *Исаков, В. Б.* Качество законов как индикатор их конституционности / В. Б. Исаков // Инструменты повышения эффективности нормотворческой деятельности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 14 марта 2018 г.) / Совет Респ. Нац. собрания Респ. Беларусь. — Минск : Беларус. навука, 2018. — С. 78—93.
10. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: pravo.by. — Дата доступа: 10.08.2019.
11. *Василевич, Г. А.* Некоторые аспекты использования информационных технологий для расширения участия граждан в управлении делами государства [Электронный ресурс] / Г. А. Василевич // Информационные технологии и право (Правовая информатизация-2015) : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь ; под общ. ред. Е. И. Коваленко. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Поступила в редакцию 12.08.2019

УДК 347.622.3

А. Г. Кирмель

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Министерство образования Республики Беларусь, пр. Партизанский, 26, 220070 Минск, Республика Беларусь, +375 (17) 209 88 88, nastyonakirmel@yandex.ru

ОТНОШЕНИЯ РОДСТВА КАК ПРЕПЯТСТВИЕ К ЗАКЛЮЧЕНИЮ БРАКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматривается одно из препятствий к заключению брака — наличие родства по прямой восходящей и нисходящей линиям, между полнородными и неполнородными братьями и сестрами.

Акцентируется внимание на том, что заключение брака между двоюродными братьями и сестрами, родными тетей и племянником, дядей и племянницей продиктовано морально-этическими и медико-биологическими основаниями, что подтверждается данными исследований врачей-генетиков и религиозными воззрениями.

На основании международных нормативных правовых актов, положительного опыта зарубежных государств, религиозных воззрений, а также мнения ученых-генетиков автор предлагает расширить круг лиц, заключение брака с которыми будет недопустимо.

Ключевые слова: брак; условия заключения брака; препятствия к заключению брака; родство; свойство; двоюродный брат и сестра; тетя; дядя; племянник; племянница.

Библиогр.: 21 назв.

A. G. Kirmel

Belarusian State Economic University, Ministry of Education of the Republic of Belarus,
26 Partizansky ave., 220070 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (17) 209 88 88, nastyonakirmel@yandex.ru

RELATIONSHIP AS AN IMPEDIMENT TO MARRIAGE IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The article considers such an impediment to marriage as kinship in a straight ascending and descending line, between full and half brothers and sisters. It is focused on the fact that marriage between cousins, aunts and nephews, uncles and nieces is dictated by moral, ethical and biomedical grounds, as evidenced by research data from geneticists and religious belief. Having analyzed the family legislation of the Republic of Belarus, international normative legal acts, religious views and opinions of researchers — geneticists, it is proposed to expand the circle of persons whose marriage is unacceptable.

Key words: marriage; marriage conditions; impediment to marriage; relationship; cousin; property; aunt; uncle; nephew; niece.

Ref.: 21 titles.

Введение. На протяжении длительного периода времени порядок и условия формирования семьи изменялись и совершенствовались. В настоящее время государственная семейная политика направлена на защиту, развитие и укрепление института семьи и брака.

Методология и методы исследования. Основой проведенного исследования послужили труды ученых, международные нормативные правовые акты, законодательство Республики Беларусь, регулирующие препятствия к заключению брака.

При написании статьи автором были использованы общенаучные методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. В ст. 16 Всеобщей декларации прав человека закреплено, что семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства [1].

Статья 59 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее — КоБС Республики Беларусь) определяет, что семья — это объединение лиц, связанных между собой моральной и материальной общностью и поддержкой, ведением общего хозяйства, правами и обязанностями, вытекающими из брака, близкого родства, усыновления [2].

В соответствии с действующим законодательством Республики Беларусь браком признается добровольный союз мужчины и женщины, который заключается на условиях, предусмотренных КоБС Республики Беларусь, направлен на создание семьи и порождает для сторон взаимные права и обязанности. К условиям заключения брака относятся взаимное согласие лиц, вступающих в брак, достижение ими брачного возраста [2].

Одновременно с обязательными условиями заключения брака законодатель устанавливает перечень препятствий к заключению брака, при наличии которых вступление в брак является незаконным, а заключенный брак признается недействительным.

Перечень препятствий к заключению брака закреплен в ст. 19 КоБС Республики Беларусь. Не допускается заключение брака:

1) между лицами, из которых хотя бы одно лицо состоит уже в другом браке, зарегистрированном в установленном порядке;

2) между родственниками по прямой восходящей и нисходящей линиям, между полнородными и неполнородными братьями и сестрами, а также между усыновителями и усыновленными;

3) между лицами, из которых хотя бы одно лицо признано судом недееспособным [2].

Отметим, что негативным условием заключения брака выступает обстоятельство, при котором лица, желающие вступить в брак, являются родственниками. Под родством следует понимать «связь между людьми, основанную на происхождении одного лица от другого или разных лиц от общего предка, а также на брачных семейных отношениях» [3, с. 883].

Близость или отдаленность кровного родства определяется степенями. Степень родства согласно пункту 2. ст. 1061 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК Республики Беларусь) определяется числом рождений, отделяющих родственников друг от друга [4]. Соответственно, чем больше количество рождений между родственниками, тем дальше и степень родства.

Выделяют две линии родства — прямую и боковую. К родственникам по прямой линии относятся лица, происходящие одно от другого (например, отец и дочь, бабушка и внук). Прямая линия родства может быть восходящей и нисходящей. Восходящая родственная линия ведется от потомков к предкам, нисходящая — от предков к потомкам. Полнородными являются братья и сестры, имеющие общих как отца, так и мать, а неполнородными — или общего отца (единокровные), или общую мать (единоутробные) [5, с. 97].

Обратим внимание на то, что от родства следует отличать свойство. На основании ст. 61 КоБС Республики Беларусь отношения между супругом и близкими родственниками другого супруга считаются отношениями свойства [2].

В свойстве состоит каждый супруг с родственниками другого супруга, а также родственники супругов между собой (пасынки, падчерицы, отчим, мачеха, теща, тесть, зять, свекор, сноха, золовка, шури, брат жены, сестра мужа). В этой связи закон не содержит ограничений и по возможному заключению брака между сводными сестрами и братьями, т. е. детьми каждого из супругов от их предыдущих браков с другими лицами [5, с. 97].

Отметим, что муж и жена не являются родственниками, они состоят в браке, на основе которого возникает особое правоотношение — супружество.

В ст. 60 КоБС Республики Беларусь содержится исчерпывающий перечень близких родственников, которые не могут зарегистрировать брак. Близким родством признаются отноше-

ния, вытекающие из кровного родства между родителями и детьми, родными братьями и сестрами, дедом, бабушкой и внуками [2].

Нормы, установленные КоБС Республики Беларусь в отношении ограничения заключения браков между близкими родственниками, носят императивный характер, следовательно, иные родственные связи не являются препятствием к заключению брака.

Однако, полагаем, что родство более отдаленных степеней, в частности таких, как двоюродные брат и сестра, тетя и племянник, противоречат морально-этическим нормам, а также представляют опасность для здоровья потомства будущих супругов, что должно послужить основанием запрета регистрации брака между данными категориями лиц.

Духовно-нравственной позиции в обосновании запрета вступления в брак близких родственников и свойственников придерживался К. П. Победоносцев, который считал, что от браков близких родственников имеет отвращение совесть у всех цивилизованных народов [6].

По мнению Г. Ф. Шершеневича, родство и свойство в близких степенях как препятствие к заключению брака имеют основанием желание изгнать половые влечения в кругу лиц, которые благодаря родству живут вместе, с целью предупредить разврат в семье. Автор называл также другие причины, такие как инстинктивное отвращение, вырождение и церковные правила [7, с. 415].

Морально-этических норм в регулировании данного вопроса придерживается и Русская православная церковь. Так, 1 декабря 2017 года Архиерейский собор Русской православной церкви принял документ, включающий в себя положения Указа Святейшего синода от 19 января 1810 года, «О канонических аспектах церковного брака». В данном документе определено, что препятствиями к совершению таинства брака являются:

1) нахождение лиц, вступающих в брак, между собой в кровном родстве по прямой линии независимо от степени родства;

2) нахождение между собой в кровном родстве по боковой линии (в том числе единокровном и единоутробном) до четвертой степени включительно. Браки в пятой и шестой степенях бокового кровного родства могут быть совершены с благословения епархиального архиерея;

3) нахождение между собой в видах свойства: «Отец и сын с матерью и дочерью, или отец и сын с девами двумя сестрами, или мать и дочь с двумя братьями, или два брата с двумя сестрами (Трул. 54, Вас. Вел. 87)» [8].

Л. М. Пчелинцева отмечает, что близкое родство как препятствие к заключению брака продиктовано медико-биологическими и морально-этическими соображениями, связанными как с заботой о здоровом потомстве супругов (поскольку в связи с накоплением патологических генов считается, что риск рождения детей с тяжелыми заболеваниями в результате подобных браков весьма значителен), так и естественным отвращением цивилизованного современного общества к кровосмешению [5, с. 97].

Данной позиции придерживается и А. М. Нечаева, полагающая, что запрет на брак с близкими по крови родственниками призван предотвращать появление на свет неполноценного потомства [9, с. 57].

Обратим внимание на то, что по данным Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, на сегодня в республике насчитывается 568 тыс. инвалидов, в том числе 31,7 тыс. детей-инвалидов в возрасте до 18 лет, что составляет 5,98 % населения Республики Беларусь [10].

Установлено, что причиной 30,6 % случаев инвалидности у детей являются врожденные аномалии, деформации и хромосомные нарушения [11].

Врачи отмечают, что вступление в брак лиц, состоящих в кровном родстве, приводит к развитию у потомства серьезных пороков: гемофилии, синдрома Дауна, слабоумия и прочих патологий со стороны нервной системы. Если при обычном браке вероятность рождения ребенка с серьезными отклонениями — генетическими (врожденными) дефектами, умст-

венной отсталостью — составляет не более 4 %, то в близкородственном браке риск возрастает в 5 раз [12].

Доктор биологических наук, профессор, заведующий лабораторией генетики человека Республиканского центра геномных биотехнологий Института генетики и цитологии Национальной академии наук Беларуси Ирма Моссэ высказывается о том, что патологические гены не проявляются, если они в единственном числе. А если «встречаются» два патологических, то проявится патология. Это происходит и в случае, если детей заводит пара, состоящая в кровном родстве. У них одни и те же неблагоприятные варианты генов, поэтому, чем браки «удаленнее», тем лучше [13].

По данным генетика И. Гершковича, в браке между лицами, состоящими в родстве или свойстве, на 24 % увеличивается риск рождения мертвого ребенка или внутриутробной гибели плода; на 34 % — риск смерти малыша в раннем возрасте; на 48 % — риск развития уродств плода. Еще один генетик Владимир Павлович Эфроимсон выявил стабильную закономерность в частоте болезней, врожденных уродств, умственных и физических отклонений у появившихся в результате родственных браков детей. Стоит отметить, что его точку зрения на этот вопрос разделяют специалисты во многих странах [14].

Обращаясь к практике зарубежных государств, следует отметить, что, согласно ст. 7 Семейного кодекса Болгарии, установлен запрет на регистрацию лиц, состоящих между собой в родстве по прямой восходящей и нисходящей линиям до четвертой степени включительно [15]. Статья 19 Семейного кодекса Сербии помимо запретов на брак для родственников по прямой восходящей и нисходящей линиям устанавливает запреты на брак между дядями (тетями) и племянниками и (племянницами), двоюродными братьями и сестрами [16].

По французскому законодательству запрещается заключение брака между всеми родственниками, рожденными в браке или вне брака, по восходящей прямой линии и нисходящей прямой линии, а также между свойственниками по той же линии. Запрещен также брак между дядей и племянницей, тетей и племянником [17, с. 69].

В соответствии со ст. 26 Семейного кодекса Украины брак не может быть заключен между лицами, которые являются родственниками прямой линии родства; между родными (полнородные, неполнородные) братьями и сестрами; двоюродными братьями и сестрами, родными тетей, дядей и племянником, племянницей; между усыновителем и усыновленным ребенком [18].

Отметим, что брак между двоюродными братьями и сестрами не может быть заключен в 30 западных государствах [19, с. 31].

В США ограничения на заключение брака по факту родства устанавливаются законодательством штатов по-разному, но в «29 штатах США запрещены браки не только между близкими родственниками, но и между двоюродными братьями и сестрами» [20, с. 4].

Заключение. Учитывая положительный опыт зарубежных государств, религиозные воззрения, а также мнения ученых-генетиков, предлагаем внести изменения в ст. 19 и 212 КоБС Республики Беларусь и в Указ Президента Республики Беларусь от 26 апреля 2010 года № 200 «Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан» [21].

Статью 19 КоБС Республики Беларусь необходимо дополнить словами «между двоюродными братом и сестрой, между родными тетей и племянником, дядей и племянницей» и изложить ее в следующей редакции: «Между родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии, между полнородными и неполнородными братьями и сестрами, между двоюродными братом и сестрой, между родными тетей и племянником, дядей и племянницей, а также между усыновителями и усыновленными.»

Статью 212 КоБС Республики Беларусь дополнить словами «отсутствии у них родства» и изложить ее в следующей редакции: «Орган, регистрирующий акты гражданского состоя-

ния, принявший заявление, обязан ознакомить лиц, вступающих в брак, с условиями и порядком регистрации заключения брака, удостовериться, что эти лица взаимно осведомлены о состоянии здоровья, отсутствии у них родства и семейном положении, разъяснить им права и обязанности как будущих супругов и родителей, а также предупредить об ответственности за сокрытие препятствий к вступлению в брак.».

Дополнить пункт 5.2 главы 5 Указа Президента Республики Беларусь от 26 апреля 2010 года № 200 «Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан» положением о «предъявлении извещения об отсутствии у них родства» и изложить его в следующей редакции: «Извещение от родителей либо законных представителей лиц, вступающих в брак, об отсутствии у них родства. Подлинность подписей данных лиц удостоверяется в нотариальном порядке.».

Список цитируемых источников

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : принята резолюцией 217 А (III) Генер. Ассамблеи 10 дек. 1948 г. // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr. — Дата доступа: 15.07.2018.
2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. — 2018. — № 135-З. — 2/2573.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. — 27-е изд., перераб. и доп. — М. : АСТ, 2012. — 1360 с.
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2018 г. // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. — 27.12.2018. — № 151-З. — 2/2589.
5. Пчелинцева, Л. М. Семейное право России : учеб. для вузов / Л. М. Пчелинцева. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : НОРМА, 2004. — 688 с.
6. Победоносцев, К. П. Курс гражданского права. Часть вторая. Права семейные, наследственные, завещательные [Электронный ресурс] / К. П. Победоносцев // КонсультантПлюс: Классика Российского Права. — Режим доступа: http://civil.consultant.ru/elib/books/16/page_5.html#9. — Дата доступа: 20.06.2019.
7. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. — М. : Директ-Медиа, 2012. — 822 с.
8. О канонических аспектах церковного брака [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриарха. — Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5075384.html/>. — Дата доступа: 10.07.2019.
9. Нечаева, А. М. Семейное право : учеб. пособие / А. М. Нечаева. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2012. — 280 с.
10. 3 декабря — Международный день инвалидов [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. — Режим доступа: http://www.mintrud.gov.by/ru/news_ru/view/3-dekabrja---mezhdunarodnyj-den-invalidovnbsp_3097/. — Дата доступа: 31.12.2018.
11. Названы основные причины инвалидности у минчан [Электронный ресурс] // Общественное объединение «Белорусское общество инвалидов». — Режим доступа: <https://beloi.by/2012/nazvani-osnovnyie-prichinyi-invalidnosti-u-minchan/>. — Дата доступа: 31.12.2018.
12. С какими родственниками можно вступать в брак [Электронный ресурс] // Семейное право. — Режим доступа: <http://semeinoe-pravo.net/braki-mezhdu-rodstvennikami/>. — Дата доступа: 10.03.2019.
13. Брак кузена [Электронный ресурс] // Беларусь сегодня. — Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/brak-kuzena.html/>. — Дата доступа: 10.03.2019.
14. Отношение современного общества и закона к родственным бракам [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://zakonguru.com/semejnoje/zakluchenije-braka/mezhdu-rodstvennikami.html/>. — Дата доступа: 12.03.2019.
15. Семейный кодекс Болгарии [Электронный ресурс] // Болгарский правовой портал. — Режим доступа: <https://www.lex.bg/bg/laws/ldoc/2135637484>. — Дата доступа: 12.06.2019.
16. Об основах законодательства Сербии, регулирующего права и обязанности супругов [Электронный ресурс] // Посольство Российской Федерации в Республике Сербии. — Режим доступа: <http://www.ambasadarusije.rs/ru/strana/ob-osnovah-zakonodatelstva-serbii-regulirujushhego-prava-i-objazannosti-suprugov>. — Дата доступа: 12.05.2019.

17. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / В. Н. Захватаева. — М. : Инфотропик Медиа, 2012. — 625 с.
18. Семейный кодекс Украины [Электронный ресурс] // Правовед. — Режим доступа: <http://pravoved.in.ua/section-kodeks/77-sku/253-glava03.html>. — Дата доступа: 10.07.2019.
19. Ильина, О. Ю. Брак как форма государственного признания отношений между мужчиной и женщиной / О. Ю. Ильина // Семейн. и жилищ. право. — 2006. — № 4. — С. 30—35.
20. Афанасьева, И. В. Особенности правового регулирования заключения брака в законодательстве зарубежных стран / И. В. Афанасьева // Семейн. и жилищ. право. — 2005. — № 2. — С. 3—7.
21. Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 26 апр. 2010 г., № 200 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. — 2019. — № 93. — 1/18236.

Поступила в редакцию 29.08.2019

УДК 340.115

Н. А. Петровский

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Министерство образования Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (29) 221 46 57, kajala330@hotmail.com

МЕТОД АНАЛОГИИ В МЕТОДОЛОГИИ ПРАВА

Статья содержит анализ роли и возможностей метода аналогии в методологии права. В контексте философско-правового исследования приводится анализ и характеристика его теоретико-правовых и формально-юридических граней и аспектов.

Ключевые слова: аналогия; метод познания; методология; метод аналогии; правоприменение.

Библиогр.: 7 назв.

N. A. Piatrouski

Baranovichi State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21 Voykova Str., 225404 Baranovichi, the Republic of Belarus, +375 (29) 221 46 57, kajala330@hotmail.com

METHOD OF ANALOGY IN THE METHODOLOGY OF LAW

The article contains an analysis of the role and capabilities of the analogy method in the methodology of law. In the context of philosophical and legal research, an analysis and characterization of its theoretical and legal and formal legal facets and aspects are given.

Key words: analogy; method of cognition; methodology; method of analogy; application of law.

Ref.: 7 titles.

Введение. Страны СНГ постепенно отказываются от многих сложившихся в бывшем СССР стереотипов, перестраивают свои социально-экономические системы. Безусловно, все эти изменения затрагивают и правовые системы этих государств. Развитие новых отношений требует переосмысления не только отдельных правовых институтов и источников, но и существующей в настоящее время методологии правовой науки и практики. Вместе с тем необдуманное заимствование (иногда копирование) правовой методологии, правовых понятий и институтов из зарубежного права может не только не повысить систему национального права, но и принести ей существенный вред. В силу этого отечественные ученые-правоведы при разработке отдельных аспектов юридической науки и практики должны избегать спонтанного восприятия выводов и опыта науки и практики зарубежных стран. В данном случае необходимы комплексные, последовательные исследования современных тенденций развития зарубежной правовой науки. Лишь при таком подходе можно сделать обоснованные выводы о современном состоянии национального права, о тенденциях его развития, разработать практические рекомендации для его дальнейшей оптимизации.

Методология и метод познания права. Научное познание любой сферы жизнедеятельности не может быть объективным без опоры на надлежащую методологию. Методология имеет большое значение не только для теоретических исследований в области права, но и для практики правоприменения. Некоторые ученые фактически отождествляют методологию права с методом (методами) этой науки. Например, М. Н. Марченко пишет: «Методология теории государства и права представляет собой систему особых приемов, принципов и спосо-

бов изучения общих закономерностей возникновения, становления и развития государственно-правовых явлений» [1]. Поскольку понятие методологии права очень тесно сопрягается с понятием ее методов, то, прежде чем дать свою оценку приведенным суждениям, необходимо выяснить, а что, собственно, следует понимать под методом познания права. В философской литературе метод познания обычно определяется как путь, способ, орудие, средство познания. За каждым конкретным методом стоят определенные приемы, принципы, правила познания конкретного объекта или исследуемой области. А. П. Шептулин, в частности, определяет метод познания как «систему правил (требований), сформулированных на основе знания закономерностей исследуемой области действительности и ориентирующей человека в его познавательной деятельности» [2]. Примерно так же трактуется метод познания и в теории права. Нужно только заметить, что, раскрывая содержание понятия метода познания, исследователи используют самую разнообразную терминологию. Это и указанные выше термины, и ряд других. Причем далеко не все авторы понимают используемые ими термины одинаково. Обилие терминов, при помощи которых раскрывается содержание понятия «метод познания», а также отсутствие их единообразного понимания разными учеными не способствуют единству их восприятия в трактовке данного понятия в юридической науке. В силу этого возникает потребность поиска более строгого отбора научной терминологии при характеристике понятия «метод познания» в теории права и единообразное понимание всех используемых при этом терминов.

Представляется целесообразным определить метод теории права как действие (способ) или систему действий (способов), направленных на теоретическое познание отдельных правовых институтов и явлений, необходимость совершения которых вытекает из выработанных в науке приемов, средств и принципов познания. Приемы познания представляют собой отдельные действия, направленные на решение конкретных научно-исследовательских задач. Принципы (установки, подходы, пути) познания — это исходные положения теории метода познания, которые требуют от познающего субъекта совершения определенных действий. Правила же познания представляют собой некие нормативы, устанавливающие порядок проведения научных исследований. Эти правила также призывают ученого к осуществлению тех или иных исследовательских процедур. За каждым конкретным методом познания стоит своя совокупность приемов познания и составляющих их содержание принципов и правил познания.

Следует согласиться с мнением исследователей, склонных полагать, что «метод не существует в объективной действительности сам по себе, он результат творческой деятельности человека» [3]. Нужно только отдавать себе отчет в том, что, являясь порождением субъекта познания, метод познания должен опираться на объективное основание (на уже познанные закономерности объекта познания). При рассмотрении понятия «метод познания» применительно к теории права также необходимо обнаружить ответ на вопрос о том, о чем здесь нужно говорить — о конкретном методе теоретического познания права или о его методах. Большинство исследователей считают, что правильнее говорить о методе исследования [4]. Вместе с тем отдельные авторы предпочитают рассуждать не о методе, а о методах общей теории права [5]. Сторонник первой точки зрения В. М. Сырых отмечает, что «отказ от использования понятия “метод общей теории права” и его замена понятием “методы познания права”, которые допускают отдельные правоведы, являются неправомерными и влекут за собой упрощенное понимание сложной связи и зависимости методов в процессе познания. Подобный взгляд на метод общей теории права означает, что он не составляет единого, органически целостного образования, а носит суммативный характер, представляет собой механическое соединение не связанных между собой приемов, способов познания права» [6]. Действительно, в рассуждениях о том, что метод общей теории права есть целостное образование и поэтому нужно говорить не о методах, а о методе теоретического познания права как системе отдельных методов познания, есть определенный резон. Ведь в науке используется не какой-то случайный набор методов познания, а их стройная система.

Наряду с этим имеет свои аргументы и другая позиция. Высказываемые В. М. Сырых и его сторонниками опасения относительно негативных последствий использования понятия «методы познания права» вместо понятия «метод общей теории права» не являются преувеличенными. Трактовка метода познания как целостного образования, как свидетельствует практика, нередко приводит к навязыванию субъектам познания определенной методологической направленности в их исследованиях. В то же время научное познание права не может быть объективным без опоры на надлежащую методологию. Поэтому проблемы методологии занимают в юриспруденции весьма важное место.

Метод аналогии как универсальный способ познания права. Для того чтобы исследовать все аспекты пока еще недостаточно полно изученного метода аналогии в юриспруденции, его гносеологические и эвристические возможности и его место в современной правовой практике, необходимо, прежде всего, проделать теоретический анализ самого понятия «аналогия» применительно к праву, определить перспективы использования метода аналогии в современной правовой науке. Если говорить о разработанности проблемы исследования, то метод аналогии в реализуемом в данной работе подходе ранее практически не включался в качестве самостоятельного в какое-либо правовое исследование и не был удостоен того внимания, которого он в действительности заслуживает. То же самое можно сказать о теоретико-правовых исследованиях, которые, как правило, ограничивались фрагментарным формально-юридическим анализом известного института аналогии закона и аналогии права только лишь как способ единовременного преодоления пробелов в праве. Непосредственно же метод аналогии как самостоятельное средство познания права ученых-правоведов практически не интересовал. Учеными достаточно полно исследован только лишь институт аналогии как средства преодоления пробелов в праве. В отечественной юриспруденции до настоящего времени такая попытка не предпринималась, хотя все же следует отметить отдельные публикации, посвященные роли метода аналогии в правоприменительной практике (Б. М. Лепешко), о применении аналогии закона и аналогии права в судебной практике (В. О. Белоносов, А. В. Горожанин). Вместе с тем данный метод помогает глубже понять отдельные доктрины современной теории права, а также встречающиеся просчеты в практике правоприменения. В последнем случае речь идет о практической юриспруденции, занимающей по отношению к теоретической юриспруденции достаточно самостоятельное положение, которое основывается на принципах правовой практики. В свою очередь теоретическая юриспруденция соотносится с правовой идеологией, политикой права, оказывающей прямое воздействие на деятельность законодателя, т. е. на методологию принятия нормативных правовых актов.

Говоря о методологии нормообразования, мы не имеем в виду степень разработанности философии правовой нормы, а лишь на базе экспозиции современной ситуации в сфере нормотворчества хотим сделать акцент именно на роли метода аналогии в сопровождении процесса правотворчества. В настоящее время в аналитическом поле современной юриспруденции такое сопровождение, к сожалению, отсутствует. Таким образом, достижения аналитической юриспруденции (С. С. Алексеев), воспроизводящей логические связи и закономерности в теории права, являются тем фоном, на котором происходит осмысление гносеологических и эвристических возможностей метода аналогии. Отметим, что логический механизм аналогии составляет умозаключение, в результате которого делается вывод о том, что исследуемый объект (правоотношение, правовое явление), возможно, имеет еще один признак *X*, поскольку остальные известные нам признаки этого объекта сходны с признаками другого, обладающего, кроме того, и признаком *X*. Или, если экстраполировать данную схему мыслительного процесса в юридическую область, то аналогия представляет собой умозаключение, позволяющее применить известную юридическую норму к такому правоотношению, в котором какой-либо элемент отсутствует или отличен по сравнению с правоотношением, выраженным в данной норме. Но логически аналогия, как самостоятельный универсальный метод познания,

требует определенного развернутого набора элементов, чтобы являться достаточно обоснованной, а такой набор может быть представлен лишь в персонифицированных правоотношениях, подчиняющихся классической нормативной структуре «гипотеза—диспозиция». Общие, или основные, правоотношения, которыми насыщена юридическая материя, указанной структуре не подчиняются. У них своя роль ориентации правотворчества и правоприменения. Это и есть те «общие начала», на которые ссылаются Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь и Российской Федерации, обращение к которым в конкретном деле именуется обычно аналогией права.

Нам неизвестно, когда именно и вследствие каких конкретно посылок установилось такое наименование для данного приема правоприменения. Но мы должны констатировать, что здесь аналогия на самом деле отсутствует, если все же придерживаться ее логического смысла. «Общие начала» не обладают той детальностью, которая позволяла бы сопоставлять частную ситуацию с составом той или иной нормы, дифференцировать соответствующие признаки на юридически существенные и несущественные. Обращение к принципам здесь подобно той роли, которую в правотворчестве играет трансдукция — совершаемое правотворческими органами конституционное обоснование текущего законодательства в целях развития конституционных положений, в том числе и принципов. Полагаем, что здесь правоприменитель использует иной, чем аналогия, прием, который нуждается в отдельном рассмотрении, включая специальные условия его допустимости. Другое дело, когда обращение к «общим началам» сочетается с аналогией закона, усиливая последнюю с точки зрения обоснованности разрешения спорного вопроса.

История юриспруденции показывает, что лишь в отношении карательной сферы могла быть выработана относительная однозначность по вопросу об аналогии, хотя даже здесь однозначность является приобретением недавнего времени. Попытки же установить какие-либо иные пределы применения аналогии, в том числе для отдельных институтов права, оказались бы искусственными и противоречащими самой сути аналогии.

Аналогия, как универсальный метод мышления, существует в силу недостаточного законодательного предвидения, если, конечно, оставить в стороне то, что можно назвать правотворческой халатностью. Никакая особенная природа какого-либо правового института не может заранее обусловить применимость или неприменимость аналогии в его рамках, поскольку этот вопрос всегда будет разрешаться исключительно в плане текущей жизни права.

Следует также учитывать и тот факт, что именно метод аналогии способствует увеличению объема знаний, имеющихся в распоряжении исследователя, совершающего какие-либо умозаключения. Как известно, в дедуктивных умозаключениях мысль развивается от знания большей степени общности к знанию меньшей степени общности и истинность посылок гарантирует истинность заключения. В индуктивных умозаключениях мысль развивается, напротив, от знания меньшей степени общности к знанию большей степени общности, истинность посылок еще не гарантирует истинность заключения. Что же касается аналогии (традуктивных умозаключений), то здесь послылки и вывод выражают знание одинаковой степени общности. В традуктивных умозаключениях истинность исходных посылок еще не позволяет говорить об истинности вывода. Однако именно недедуктивные умозаключения способны инициировать у исследователя творческое начало, расширить его познания в сфере юриспруденции. «В этом и заключается преимущество аналогии и индукции. Именно поэтому они употребляются в науке, судебной практике, обыденной жизни. Это правдоподобные рассуждения» [7].

Заключение. Перспективы использования метода аналогии в юриспруденции зависят от доминирующей концепции правовой системы страны. Исходит ли эта концепция из строго формалистического понимания права и способов его применения, включая строгое отношение к закону, или же она стремится к разнообразию судебского усмотрения, — вот та историче-

ская шкала, внутри которой и прежде разворачивались соответствующие дискуссии. Проблемы аналогии лежат не в соотношении норм внутри законодательства и даже не в степени его полноты. Все это всего лишь формально-логическая сторона дела. В действительности они лежат в соотношении воли законодательных органов и действий субъектов правоприменения, призванных официально исполнять волю властвующих. В этой связи возникает ряд вопросов: позволяют ли властвующие органы субъектам правоприменения подниматься практически до уровня законодателя в соответствующих ситуациях? Способны ли субъекты правоприменения действительно разумно применять аналогию и тем самым убедительно отстаивать свои решения перед оппонентами? Готовы ли заинтересованные стороны уважать подобные решения, а общественное мнение поддерживать их? Вот те социально-правовые вопросы, ответы на которые во многом определяют судьбу метода аналогии в юриспруденции. Сегодня, когда наметился процесс диффузии современных правовых систем, можно говорить и о тенденции к предоставлению большей свободы правоприменения в интересах разрешения конкретных правовых задач. И все же трудно ожидать, что прежние стереотипы юридического мышления будут легко преодолены. Так, например, в государственном праве, учитывая традиционно слабую конкретизацию его положений, а также крайне малый опыт действия новейших законов, следовало бы ожидать интенсивного применения аналогии. Но здесь необходимо добавить и трудности сугубо политико-идеологические. В настоящее время, в условиях отсутствия сколько-нибудь определившихся и взаимно уважаемых традиций, использование метода аналогии может быть подвергнуто как случайностям, так и влиянию корыстных интересов. Наивно полагать, что в политической жизни, в правовой сфере (как, впрочем, и в других сферах) спорящие стороны готовы удовлетвориться самой логикой решения конфликта, даже если это решение способствует справедливой трактовке фактов, вокруг которых ведется спор. Именно поэтому детальная разработка огромных возможностей метода аналогии является сегодня в сфере теоретической и практической юриспруденции весьма актуальной.

Список цитируемых источников

1. Общая теория государства и права : в 2 т. / под ред. М. Н. Марченко. — М., 2000. — Т. 1. — С. 361.
2. Шептулин, А. П. Диалектический метод познания / А. П. Шептулин. — М. : Политиздат, 1983. — С. 10.
3. Копнин, П. В. Диалектика как логика и теория познания / П. В. Копнин. — М., 1973. — С. 9.
4. Теория государства и права / под ред. Л. И. Спиридонова. — М., 1998. — С. 63.
5. Общая теория права : курс лекций. — Н. Новгород, 1993. — С. 11.
6. Сырых, В. М. Логические основания общей теории права : в 2 т. / В. М. Сырых. — М., 2000. — Т. 2. — С. 363.
7. Михалкин, Н. В. Логика и аргументация в судебной практике / Н. В. Михалкин. — М., 2004. — С. 112.

Поступила в редакцию 30.10.2019

УДК 368.9.06

О. Ю. Прокуда

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Министерство образования Республики Беларусь, пр. Партизанский, 26, 220070 Минск, Республика Беларусь, +375 (29) 209 41 52, olyaprokuda@yandex.by

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТРАХОВАТЕЛЯ В ОТНОШЕНИЯХ ПО ДОБРОВОЛЬНОМУ МЕДИЦИНСКОМУ СТРАХОВАНИЮ

Приоритетными направлениями социальной политики Республики Беларусь являются охрана здоровья граждан и предоставление им качественной медицинской помощи. Государственные обязательства по оказанию населению бесплатной медицинской помощи необходимого объема и качества в настоящее время не обеспечены в полной мере финансовыми ресурсами. Возрастающая потребность общества в услугах здравоохранения требует дополнительных источников финансирования, которые может обеспечить медицинское страхование, при закреплении государственных гарантий граждан на бесплатную медицинскую помощь. Медицинское страхование является составной частью страховой деятельности в Республике Беларусь и одной из форм государственной защиты населения. Медицинское страхование представляет собой систему правоотношений, направленных на организацию и предоставление гражданам медицинской помощи посредством использования механизмов страхования.

Ключевые слова: страхование; добровольное страхование; медицинское страхование; страхователь.
Библиогр.: 14 назв.

O. Y. Prokuda

Belarusian State Economic University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 26 Partizansky ave., 220070 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (29) 209 41 52, olyaprokuda@yandex.by

LEGAL STATUS OF THE INSURANT IN RELATIONS WITH VOLUNTARY MEDICAL INSURANCE

The priority directions of the social policy of the Republic of Belarus are to protect the health of citizens and provide them with quality medical care. State obligations to provide the population with free medical care of the required volume and quality are not currently fully provided with financial resources. The growing need for public health services requires additional sources of financing, which can be provided by health insurance, when fixing the state guarantees of citizens for free medical care. Health insurance is an integral part of insurance activity in the Republic of Belarus and one of the forms of state protection of the population. Health insurance is a system of legal relations aimed at organizing and providing health care to citizens through the use of insurance mechanisms.

Key words: insurance; voluntary insurance; health insurance; insurant.
Ref.: 14 titles.

Введение. Одним из субъектов страхового правоотношения является страхователь. Несмотря на то, что институт страхователя занимает одно из центральных мест в страховых правоотношениях в целом и добровольном медицинском страховании в частности, он до сих пор должным образом не исследован.

Методология и методы исследования. Цель работы состоит в анализе правового положения страхователя в отношении по добровольному медицинскому страхованию. Автор статьи при ее написании использовал общенаучные методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Страховое правоотношение — разновидность гражданского правоотношения, в силу которого одна сторона (страхователь)

обязуется выплачивать установленные страховые платежи, а другая (страховщик) обязуется при наступлении обусловленного события выплатить ему страховые суммы.

Сторонами данного правоотношения выступают страхователь и страховщик [1, с. 414].

Д. А. Колбасин отмечает, что страхователь — это лицо, производящее страхование себя, своего имущества от наступления определенных обстоятельств [1, с. 415].

В комментарии к Гражданскому кодексу Республики Беларусь (том 2) (далее — ГК) указано, что страхователь — субъект гражданского права, заключивший со страховщиком договор страхования либо являющийся страхователем в силу законодательного акта и уплачивающий страховые взносы (страховые премии) [2, с. 231].

При определении страхователя в правоотношениях по добровольному медицинскому страхованию прежде всего необходимо исходить из общих признаков страхователя, предусмотренных законодательством о страховании.

Так, в соответствии с частью 2 пункта 1 ст. 817 ГК, страхователи — граждане, в том числе иностранные, лица без гражданства, организации, в том числе иностранные и международные, а также Республика Беларусь и ее административно-территориальные единицы, иностранные государства, заключившие со страховщиками договоры страхования либо являющиеся таковыми в силу закона или акта Президента Республики Беларусь [3].

Аналогичное положение содержится в пункте 2 Положения о страховой деятельности в Республике Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006 года № 530 «О страховой деятельности» (Положение о страховой деятельности): страхователями признаются граждане Республики Беларусь, иностранные граждане, лица без гражданства, организации, в том числе иностранные и международные, а также Республика Беларусь и ее административно-территориальные единицы, иностранные государства, заключившие со страховщиками договоры страхования либо являющиеся таковыми в силу закона или акта Президента Республики Беларусь [4].

Применительно к обязательному медицинскому страхованию страхователь — юридическое или физическое лицо, заключившее договор обязательного медицинского страхования иностранных граждан и лиц без гражданства, временно пребывающих или временно проживающих в Республике Беларусь (пункт 233 Положения о страховой деятельности) [4].

Основным нормативным правовым актом, регламентирующим отношения по добровольному медицинскому страхованию, в настоящее время является Инструкция о добровольном страховании медицинских расходов, утвержденная постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 9 июня 2005 года № 74 (далее — Инструкция о добровольном страховании медицинских расходов) [5].

Понятие страхователя Инструкция о добровольном страховании медицинских расходов не раскрывает.

Обязанности и права страхователя регламентируются в пунктах 22 и 23 Инструкции о добровольном страховании медицинских расходов. Так, страхователь обязан:

- 1) своевременно и в полном объеме уплачивать страховые взносы (страховые премии);
- 2) при заключении договора добровольного страхования сообщить страховщику обо всех известных ему обстоятельствах, имеющих значение для определения вероятности наступления страхового случая, а также обо всех заключенных аналогичных договорах добровольного страхования;
- 3) в период действия договора добровольного страхования сообщать страховщику о ставших ему известными значительных изменениях в обстоятельствах, сообщенных страховщику при заключении договора, если эти изменения могут существенно повлиять на увеличение страхового риска;
- 4) незамедлительно, но не позднее срока, установленного правилами добровольного страхования, на условиях которых заключен договор добровольного страхования, уведомлять страховщика о наступлении страхового случая;

5) надлежащим образом исполнять обязанности, определенные правилами добровольного страхования, на условиях которых заключен договор добровольного страхования, и договором добровольного страхования (пункт 22) [5].

Страхователь имеет право:

- 1) выбирать страховщика из числа страховщиков, имеющих право осуществлять добровольное страхование медицинских расходов;
- 2) ознакомиться с условиями договора добровольного страхования;
- 3) уплачивать страховой взнос (страховую премию) по договору добровольного страхования в соответствии с правилами добровольного страхования единовременно либо по соглашению сторон в рассрочку (пункт 23) [5].

Регулирование отношений по добровольному медицинскому страхованию осуществляется также специальными правовыми актами, называемыми Правилами добровольного страхования медицинских расходов, разрабатываемыми страховщиками и согласованными с Министерством финансов Республики Беларусь (подпункт 4.2 пункта 4 Положения о страховой деятельности) [4]. Правила добровольного страхования медицинских расходов являются неотъемлемой частью договора добровольного страхования медицинских расходов и определяют общие условия и порядок проведения добровольного страхования медицинских расходов.

Страховщики, разрабатывая Правила добровольного страхования медицинских расходов, конкретизируют права и обязанности страхователя. Так, например, в соответствии с пунктом 8.1 Правил № 20 добровольного страхования медицинских расходов, утвержденных генеральным директором Закрытого акционерного страхового общества «ТАСК», согласованных Министерством финансов Республики Беларусь от 28 июля 2010 года № 881, страхователь обязан:

- 1) своевременно и в полном объеме уплачивать страховой взнос;
- 2) надлежащим образом исполнять условия Договора страхования;
- 3) при заключении Договора страхования сообщить Страховщику обо всех известных ему обстоятельствах, имеющих значение для определения вероятности наступления страхового случая, а также обо всех заключенных аналогичных Договорах страхования;
- 4) в период действия Договора страхования незамедлительно, но не позднее пяти рабочих дней сообщать Страховщику о ставших ему известными значительных изменениях в обстоятельствах, сообщенных Страховщику при заключении Договора страхования, если эти изменения могут существенно повлиять на увеличение страхового риска;
- 5) незамедлительно, но не позднее трех рабочих дней уведомлять Страховщика о наступлении страхового случая;
- 6) при заключении Договора страхования ознакомить Застрахованных лиц с их правами и обязанностями по Договору страхования, предоставлять им информацию об изменении условий Договора страхования [6].

Страхователь имеет право:

- 1) выбрать Программы страхования на момент заключения Договора страхования;
- 2) ознакомиться с условиями Договора страхования;
- 3) уплачивать страховой взнос по Договору страхования в соответствии с Правилами единовременно либо по соглашению сторон в рассрочку [6].

Страхователь — юридическое лицо должен соответствовать всем требованиям, изложенным в главе 4 ГК, поэтому можно констатировать, что при регламентации правового положения страхователя — юридического лица особых проблем не возникает, тогда как относительно определения страхователя — физического лица мнения специалистов расходятся [7, с. 26]. Прежде всего это связано с моментом определения у физического лица способности своими действиями реализовывать право на участие в страховых отношениях в качестве страхователя.

Так, К. И. Пылов отмечает, что страхователем может быть гражданин, ставший субъектом трудовых отношений. По мнению автора, несовершеннолетние, достигшие возраста, определен-

ного трудовым законодательством, могут быть субъектами трудовых правоотношений, т. е. могут иметь самостоятельный заработок и, как следствие, распоряжаться этим заработком [8, с. 31].

Следовательно, если придерживаться указанной точки зрения, то можно констатировать, что страхователем может быть физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, поскольку в соответствии с частью 1 ст. 21 Трудового кодекса Республики Беларусь (ТК), заключение трудового договора допускается с лицами, достигшими шестнадцати лет [9].

Однако законодатель Республики Беларусь допускает возможность заключения трудового договора с лицами, достигшими четырнадцати лет. Так, часть 2 ст. 21 ТК устанавливает, что с письменного согласия одного из родителей (усыновителей, попечителей) трудовой договор может быть заключен с лицом, достигшим четырнадцати лет, с соблюдением условий, предусмотренных ст. 272 ТК [9].

Следовательно, в данном случае, если рассматривать страхователя исходя из его возможности быть субъектом трудовых отношений, страхователем может быть гражданин, достигший возраста четырнадцати лет.

Ряд авторов связывают момент определения у физического лица способности своими действиями реализовывать право на участие в страховых отношениях в качестве страхователя с гражданской дееспособностью. Согласно их мнению, несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет вправе самостоятельно совершать сделки, получив на то согласие своих законных представителей. При этом для признания такой сделки действительной не важно, получено согласие до или после ее совершения. Несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, кроме самостоятельного распоряжения своим заработком, стипендией и иными собственными доходами, вправе также вносить денежные средства в банки или небанковские кредитно-финансовые организации и распоряжаться ими в соответствии с законодательством. Следовательно, право на участие в страховых правоотношениях имеют несовершеннолетние, начиная с шестнадцатилетнего возраста. В противном случае происходит их необоснованное отчуждение от страхования как от института, позволяющего сгладить негативные имущественные последствия [10, с. 210—213; 11, с. 28].

Однако, на наш взгляд, однозначно утверждать, что страхователями могут быть физические лица с четырнадцати лет, нельзя. Вместе с тем обозначенная проблема существует и требует специального теоретического исследования и практического решения.

В связи с тем, что законодательство о страховании предусматривает возможность страхователя застраховать не только свой определенный имущественный интерес, но и другого гражданина (застрахованного лица), считаем, что страхователь в отношениях по добровольному медицинскому страхованию должен обладать полной гражданской дееспособностью.

Право и практика дореволюционной России при определении страхователя помимо определения правоспособности и дееспособности страхователя исходили также из наличия у него страхового интереса. Немаловажное значение придается страховому интересу и в действующем законодательстве зарубежных стран [12, с. 40].

В ст. 818, 819, 821 ГК законодатель использует понятие страхового интереса, но ограничивается при этом лишь имущественным страхованием. При регламентации договора личного страхования понятие «страховой интерес» не применяется.

Гражданин, заключая договор личного страхования, прежде всего ставит перед собой цель не допустить (свести к минимуму) снижение уровня жизни для себя или обеспечить в какой-то мере своих близких на случай своей смерти. Еще в начале прошлого века В. Е. Идельсон писал, что предметом страхования может быть любой интерес, оцениваемый в денежной форме. Только нематериальный, нравственный, духовный интерес не является предметом страхования [13, с. 39].

При этом нельзя согласиться с позицией ряда авторов, считающих, что страховой интерес присущ только имущественному страхованию [14, с. 500].

Считаем, что страховой интерес имеет место и при личном страховании. Так, в соответствии с частью 2 пункта 2 ст. 820 ГК, договор личного страхования в пользу лица, не являющегося застрахованным лицом, в том числе в пользу не являющегося застрахованным лицом страхователя, может быть заключен лишь с письменного согласия застрахованного лица. При отсутствии такого согласия договор может быть признан недействительным по иску застрахованного лица, а в случае смерти этого лица — по иску его наследников [3].

Еще одним подтверждением тому, что страховой интерес имеет место и при личном страховании, являются положения закона, закрепленные пунктом 3 ст. 853 ГК, предусматривающие возможность освобождения страховщика от выплаты страхового обеспечения, которое по договору личного страхования подлежит уплате в случае смерти застрахованного лица, если его смерть наступила вследствие самоубийства и к этому времени договор страхования действовал менее двух лет [3].

Таким образом, презюмируется, что страхователь при заключении договора страхования не имел цели сохранения своей жизни или жизни застрахованного лица.

Между тем определение страхового интереса в правоотношениях по добровольному медицинскому страхованию имеет свои особенности. Прежде всего это обусловлено характером регулируемых отношений.

Страховым интересом в правоотношениях по добровольному медицинскому страхованию выступает оказание медицинской помощи, включенной в программу добровольного страхования медицинских расходов вследствие внезапного расстройства здоровья или несчастного случая, и, как следствие, восстановление здоровья застрахованного лица.

В соответствии с пунктом 3 Инструкции о добровольном страховании медицинских расходов, объектом добровольного страхования медицинских расходов являются не противоречащие законодательству имущественные интересы страхователя либо застрахованного лица, связанные с компенсацией расходов организации здравоохранения, вызванных его обращением в организацию здравоохранения за оказанием медицинской помощи, включенной в программу добровольного страхования вследствие внезапного расстройства здоровья или несчастного случая [5].

При определении объекта добровольного страхования медицинских расходов в изложенной редакции не понятно, кто обращается в организацию здравоохранения за оказанием медицинской помощи — страхователь или застрахованное лицо.

Исходя из анализа Инструкции о добровольном страховании медицинских расходов, можно сделать вывод о том, что медицинская помощь оказывается застрахованным лицам.

Однако следует указать, что договор добровольного страхования медицинских расходов может быть заключен страхователем — физическим лицом в свою пользу. Если договор страхования заключен страхователем в свою пользу, на него распространяются права и обязанности застрахованного лица. Следовательно, в данном случае правовой статус страхователя — физического лица, заключившего договор добровольного страхования медицинских расходов в свою пользу и обращающегося за оказанием медицинской помощи, будет соответствовать правовому статусу застрахованного лица, т. е. страхователь одновременно будет выступать и в качестве застрахованного лица.

Заключение. Исходя из вышеизложенного, предлагаем пункт 3 Инструкции о добровольном страховании медицинских расходов уточнить и изложить в следующей редакции:

«Объектом добровольного страхования медицинских расходов являются не противоречащие законодательству имущественные интересы страхователя либо застрахованного лица, связанные с компенсацией расходов исполнителю медицинских услуг, вызванных обращением застрахованного лица к исполнителю медицинских услуг за оказанием медицинской помощи, включенной в программу добровольного страхования медицинских расходов вследствие внезапного расстройства здоровья или несчастного случая.»

Страховым интересом в правоотношениях по добровольному медицинскому страхованию выступает оказание медицинской помощи, включенной в программу добровольного страхования медицинских расходов вследствие внезапного расстройства здоровья или несчастного случая, и, как следствие, восстановление здоровья застрахованного лица.

В связи с отсутствием в законодательстве Республики Беларусь о добровольном страховании медицинских расходов определения понятия «страхователь» предлагаем в пункте 2 Инструкции о добровольном страховании медицинских расходов закрепить следующее определение:

«Страхователями по договору добровольного страхования медицинских расходов считать юридических и дееспособных физических лиц, заключивших договор добровольного страхования медицинских расходов и имеющих имущественные интересы, связанные с компенсацией расходов исполнителю медицинских услуг, вызванных обращением застрахованного лица к исполнителю медицинских услуг за оказанием медицинской помощи, включенной в программу добровольного страхования медицинских расходов вследствие внезапного расстройства здоровья или несчастного случая.»

Список цитируемых источников

1. Колбасин, Д. А. Гражданское право. Особенная часть : учеб. пособие / Д. А. Колбасин. — Минск : Амалфея, 2006. — 768 с.
2. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь с приложением актов законодательства и судебной практики (постатейный) : в 3 кн. / отв. ред. и рук. авт. кол. д-р юрид. наук, проф., заслуж. юрист БССР В. Ф. Чигир. — 2-е изд. — Минск : Амалфея, 2007. — Кн. 2. Разд. III. Общая часть обязательственного права. Разд. IV. Отдельные виды обязательств (главы 30—50). — 1384 с.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 135-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 31.07.2018. — 2/2573.
4. О страховой деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 25 авг. 2006 г., № 530 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 18.07.2016 г. № 272 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 21.07.2016. — 1/16546.
5. Об утверждении Инструкции о добровольном страховании медицинских расходов [Электронный ресурс] : постановление М-ва финансов Респ. Беларусь, 9 июня 2005 г., № 74 : в ред. постановления М-ва финансов Респ. Беларусь от 26 апр. 2018 г. № 25 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 11.05.2018. — 8/33073.
6. Правила добровольного страхования медицинских расходов [Электронный ресурс] : Правила Закрытого акционерного страхового общества «ТАСК», 14 апр. 2017 г., № 20. — Режим доступа: https://www.task.by/corporate/health/medical_expenses/. — Дата доступа: 13.08.2019.
7. Корчевская, Л. Стороны и формы договора страхования / Л. Корчевская // Закон. — 1994. — № 4. — С. 26—28.
8. Пылов, К. И. Комментарий к закону Российской Федерации «О страховании» / К. И. Пылов // Страховое право. — 2000. — № 4. — С. 31—34.
9. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г. № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 124-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 25.07.2018. — 2/2562.
10. Тимофеев, В. В. К вопросу о понятии страхователя / В. В. Тимофеев // Актуальные проблемы частноправового регулирования : материалы III Всерос. науч. конф. молодых ученых, Самара, 25—26 апр. 2003 г. / ред. кол.: С. В. Мартышкин, Ю. С. Поваров (отв. ред.), В. Д. Рузанова. — Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2003. — С. 210—213.
11. Ковалевская, Н. С. Правовое регулирование обязательного медицинского страхования / Н. С. Ковалевская // Закон. — 1995. — № 7. — С. 27—37.
12. Иванишин, П. З. Гражданско-правовое регулирование договора добровольного медицинского страхования : дис. канд. юрид. наук : 12.00.03 / П. З. Иванишин. — Казань, 2004. — 158 л.
13. Идельсон, В. Договор страхования по русскому праву / В. Идельсон // Записки Императорского Харьковского университета. — 1903. — Кн. 3. — С. 37—52.
14. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / Г. Е. Авилов [и др.] ; отв. ред. О. Н. Садилов. — М. : Норма : Инфра-М : Контракт, 1996. — 780 с.

Поступила в редакцию 04.03.2019

УДК 343.01

И. В. Трафимчик¹, И. В. Шуленкова²

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Министерство образования Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404, Барановичи, Республика Беларусь,
¹+375(29) 524 80 30, shuarina@yandex.ru, ²+375(29) 228 14 10, trafimchik@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Работа посвящена анализу концепции восстановительного правосудия и медиации по уголовным делам как способу ее реализации. Восстановительное правосудие рассматривается в контексте эволюции современной уголовной юстиции как веха в историческом поиске более адекватных и ценностно приемлемых путей ответа на преступление. В работе раскрываются понятие и цели восстановительного правосудия как метода разрешения конфликтов, а также особенности его применения по уголовным делам; определяются истоки зарождения восстановительного правосудия по уголовным делам; указывается перечень стран, в которых восстановительное правосудие получило свое распространение; приводится перечень факторов, оказавших влияние на становление современного восстановительного правосудия, рассмотрены перспективы его внедрения и развития в направлении построения действительно гражданского общества. Особое внимание уделяется «Кругам правосудия», как одной из программ восстановительного правосудия по уголовным делам.

Ключевые слова: восстановительное правосудие по уголовным делам; медиация; примирение; преступление; потерпевший; возмещение ущерба.

Библиогр.: 19 назв.

I. V. Trafimchik¹, I. V. Shulenkova²

Baranovichi State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21 Voykova Str., 225404, Baranovichi, the Republic of Belarus, ¹+375 (29) 5248030, shuarina@yandex.ru, ²+375 (29) 2281410, trafimchik@mail.ru

HISTORICAL ASPECTS OF THE ESTABLISHMENT OF RESTORATIVE JUSTICE IN CRIMINAL CASES

The work is devoted to the analysis of the concept of restorative justice and mediation in criminal matters as a way of its implementation. Restorative justice is seen in the context of the evolution of modern criminal justice as a milestone in the historical search for more adequate and value-acceptable ways of responding to crime. The work reveals the concept and goals of restorative justice as a method of conflict resolution, as well as the features of its application in criminal cases; the origins of the establishment of restorative justice in criminal matters are determined. Also, the article includes the list of countries in which restorative justice is spread; a number of factors that influenced the formation of modern restorative justice are given, the prospects of its implementation and development in the direction of building a truly civil society are considered. Particular attention is paid to the Circles of Justice as one of the restorative criminal justice programs.

Key words: restorative justice in criminal matters; mediation; reconciliation; crime; victim; indemnification.

Ref.: 19 titles.

Введение. К концу второй половины XX века в научной литературе, да и в практической деятельности правоохранительных органов ряда государств стала весьма популярной идея так называемого восстановительного (альтернативного, реституционного) правосудия.

В его основе заложена идея о том, что лицо, совершившее преступление, осознает последствия своего деяния и принимает меры, чтобы загладить причиненный вред потерпевшему. Его результатом может стать добровольное соглашение сторон о примирении

и прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, при этом удовлетворяются интересы как потерпевшего, так и лица, совершившего преступление [1, с. 131—132].

Результаты исследования и их обсуждение. Свое начало восстановительное правосудие ведет с меннонитов — протестантской секты, которая свое название получила от основателя — голландца С. Менно. Меннониты отличаются спокойным и умеренным нравом, трудолюбивостью, гуманизмом, трезвостью суждений, нравственностью. Судебная тяжба, воинская служба и присяга отрицаются ими, как и любое проявление зла и насилия. Именно у них появились первые зачатки восстановительного правосудия [2].

Вместе с тем с уверенностью можно говорить, что для США, Канады и Новой Зеландии (отчасти и Австралии) это оригинальные концепции, которые имеют соответствующую социальную основу, национальные традиции [3, с. 1].

Как отмечает Л. Валгрейв, именно обычаи коренного населения зачастую способствовали такой реакции на преступления, которая ориентирована на восстановление социального мира [4, с. 76]. С этим согласны и другие исследователи, полагающие, что коренные народы колониальных стран и их собственное правосудие (восстановительное) значительно способствовали появлению восстановительного правосудия на Западе [5, с. 9].

Для других стран восстановительные процедуры являются следствием адаптации зарубежного опыта для потребностей системы отправления уголовного правосудия [6, с. 321—322].

Следует отметить, что становление института восстановительного правосудия начинается в США, Канаде, Великобритании и Новой Зеландии в 70-х годах XX века [2]. Однако уже в конце 1970-х годов термину «примирение» стали предпочитать понятие «медиация», которое стали применять для обозначения в том числе встреч между пострадавшими и правонарушителями. Дело в том, что слово «примирение» зачастую вызывало негативную реакцию у пострадавшей стороны и создавало неверные представления о том, что именно примирение является некоей предустановленной целью, ожидаемым результатом процедуры, в то время как в процедуре медиации, основанной на принципе добровольности, содержательные результаты целиком зависят от взаимного волеизъявления сторон, на которые не оказывается никакого давления со стороны медиатора [5, с. 34—35]. Считаем данный подход, несомненно, правильным, так как переговорный процесс между жертвой и правонарушителем далеко не всегда приводит к примирению. Целью данного процесса является, прежде всего, возмещение вреда жертве преступления и, как следствие, улучшение участи обвиняемого посредством освобождения его от уголовной ответственности или же назначения ему более мягкого наказания, по возможности не связанного с лишением или ограничением свободы исходя из обстоятельств совершения преступления и посткриминального поведения лица.

Одной из программ восстановительного правосудия является “Sentencing Circles” («Круги правосудия»). Эта практика впервые появилась в Канаде в 80-х годах и своими корнями связана с культурой местного аборигенного (индейского) населения. В качестве основных целей этого процесса, как правило, называют разрешение конфликта, восстановление социального порядка и гармонии, «исцеление» правонарушителя, жертвы и общества. Данная процедура осуществляется исключительно в рамках уголовного процесса, предполагает участие юристов и является подготовительным этапом перед вынесением приговора [7, с. 23]. Программа в настоящее время принята в Германии, США, Великобритании, Канаде, предполагает широкий круг участников и направлена на создание восстановительной системы для преступника [2]. В «Кругах правосудия» все участники разбирательства (включая судью, адвоката, прокурора, полицейского, потерпевшего и правонарушителя, а также членов их семей и представителей местного сообщества) садятся в круг друг напротив друга. Обсуждение среди участников круга направлено на выработку консенсусального решения о том, каким образом должен быть исчерпан конфликт. При этом во внимание принимается необходимость: защитить общество, удовлетворить потребности пострадавшего, осуществить наказание пра-

вонарушителя и в то же время произвести его ресоциализацию и реабилитацию [5, с. 39]. Участие в «Кругах правосудия» не означает для правонарушителя избавления от тюремного заключения, однако может служить основанием для смягчения приговора; кроме того, часто по результатам процедуры «Круги правосудия» суд принимает решение о вынесении других мер наказания, таких как компенсация ущерба, условный срок, домашний арест или общественные работы [7, с. 25].

Целью этого института является поиск конструктивной реакции на преступление при участии всех заинтересованных сторон, благодаря чему выбранная форма наказания и возмещения ущерба будет восприниматься как справедливая и потерпевшим, и правонарушителем, и заинтересованными представителями общества и государства [5, с. 40].

Благодаря ориентации на консенсус и активной роли сторон в процессе выработки решений, «Круги правосудия» в большей степени, чем инструменты классического правосудия, содействуют достижению следующих целей: 1) обучение участников навыкам решения проблемных ситуаций; 2) восстановление отношений внутри сообщества; 3) развитие уважительного отношения к ценностям и жизни других людей; 4) удовлетворение потребностей и интересов всех сторон, в том числе жертвы; 5) понимание и искоренение причин, приведших к правонарушению, а не только устранение его симптомов; 6) исследование всех возможностей для «излечения»; 7) взаимодействие между гражданским обществом и органами власти; 8) профилактика правонарушений в будущем [5, с. 41].

Представляется, что данная программа является наиболее предпочтительной для урегулирования уголовно-правовых конфликтов и на территории Республики Беларусь, а ее несомненное преимущество в том, что наряду с исцелением жертвы преступления она предусматривает и ресоциализацию лица, совершившего преступление. Несомненно, защищая права потерпевшего, нельзя забывать и об интересах общества. Однако считаем, что применительно к правовым реалиям нашего государства решать вопросы ресоциализации и реабилитации обвиняемого должны органы, ведущие уголовный процесс, а не иные лица.

После принятия программ восстановительное правосудие начинает свое шествие по миру [2]. Такие программы стали появляться в разных местах. Но, как отмечает Л. М. Карнозова, в середине 80-х годов самого термина “restorative justice” («восстановительное правосудие») еще не было [8, с. 19].

Для европейских стран восстановительное правосудие в целом — явление, привнесенное извне. Необходимость его была обусловлена тем, что современному государству требовались новые формы борьбы с преступностью, сокращение расходов на систему отправления правосудия [6, с. 322].

Современное восстановительное правосудие представляет собой растущее и прогрессирующее международное движение с четким набором ценностей и принципов [2]. Более 80 стран мира в своей практике применяют одну из форм восстановительного правосудия, а количество существующих организаций регионального, национального и международного уровня, использующих такие модели на территории стран Европы, США, Канады, Новой Зеландии, Австралии, приближается к тысяче [9, с. 29].

Программы восстановительного правосудия используются и в странах постсоветского пространства. Так, активно продвигается медиация по уголовным делам в Молдове, Казахстане, Киргизии, России, Украине. На европейском и американском континентах также наиболее распространенной остается медиация (посредничество) жертв и правонарушителей, предполагающая встречу «лицом к лицу» [10].

Среди факторов, оказавших влияние на становление современного восстановительного правосудия, выделяют: 1) социальные движения (борьба за сокращение численности тюремного населения и альтернативные наказания, за нормальные условия содержания в тюрьмах, за права жертв); 2) экспериментальные программы разрешения конфликтов (Conflict

Resolution); 3) религиозные концепции и практики миротворчества; 4) научные исследования и теории (социальные, криминологические, виктимологические и др.) [11, с. 34—35].

В 1990-х годах многочисленные неформальные контакты между специалистами-практиками, учеными и руководителями неправительственных организаций, работающими по всей Европе, выявили необходимость проведения более регулярного обмена идеями и знаниями, взаимной поддержки в систематическом развитии программ восстановительного правосудия. В тот период было два основных неформальных центра общеевропейской активности в области восстановительного правосудия. Первый был связан с деятельностью кафедры уголовного права и криминологии Лювентского католического университета (Katholieke Universiteit Leuven), а второй ассоциирован с работой экспертов над темой «Посредничество в уголовных делах» при Комитете по уголовным проблемам Совета Европы.

В большинстве стран программы восстановительного правосудия используются в кооперации с обычным процессом, т. е. встраиваются в систему официального уголовного судопроизводства, которая создает условия для проведения встреч жертвы и правонарушителя с участием посредника, но где окончательное решение по делу осуществляется уполномоченным официальным органом [10]. Это позволяет осуществлять процессуальный контроль характера обязательств причинителя вреда, условий и сроков их исполнения. Нарушение причинителем вреда условиям соглашения, принятого в результате проведения программы восстановительного правосудия, вызывает последствия в виде официального обвинения и рассмотрения уголовного дела в обычном порядке [12, с. 53].

Сторонники восстановительного правосудия видят свою ближайшую задачу не в том, чтобы заменить официальное правосудие, а в том, чтобы дополнить его, акцентируя внимание на тех аспектах преступления, которые остаются вне поля внимания официального уголовного процесса [13, с. 21]. Как отмечает Л. М. Карнозова, путь реализации восстановительного подхода состоит в установлении партнерства служб примирения с официальной юстицией [14, с. 39].

Однако многие ученые указывают на необходимость разделения восстановительной юстиции и традиционного уголовного процесса. Так, профессор Гамбургского университета К. Сесар отмечает: «Опасность заключается в том, что инструментарий восстановительной юстиции не будет применяться или будет применяться главным образом в декоративных целях; либо же механизмы восстановительной юстиции будут превращены в карательные (что произошло со многими процедурами общественной службы). Лучшим выходом, несомненно, является учреждение автономной системы восстановительной юстиции» [15, с. 165].

В свою очередь считаем, что для Республики Беларусь будет наиболее приемлемым включение программ восстановительного правосудия в систему официального уголовного судопроизводства, где окончательное решение по делу будет приниматься уполномоченным официальным органом. Это, на наш взгляд, позволит осуществлять контроль за тем, насколько полно восстановлены права потерпевшего, добровольно ли и по взаимному согласию стороны достигли соглашения и пр.

При этом, как отмечает Л. М. Карнозова, чтобы восстановительный ответ на преступление состоялся, к моменту принятия официальным органом решения желательно, чтобы восстановительные программы были проведены, а реабилитационные программы начаты (общественные работы, лечение от алкоголизма, наркомании, психологическая помощь, обучение, организация досуга и др.). В этом случае у официальных органов появляется возможность учесть в своем решении посткриминальное поведение подсудимого [16].

Полагаем, что к моменту принятия официальным органом решения необходимо, чтобы восстановительные программы были проведены полностью, а ущерб, причиненный потерпевшему в результате совершения преступления, был возмещен. Представляется, что только в этом случае может быть принято решение об освобождении правонарушителя от уголовной ответственности или данные обстоятельства могут быть учтены в качестве обстоятельств, смягчающих ответственность. Что же касается реабилитационных программ, считаем, что

проведение далеко не всех реабилитационных мероприятий можно начать до вынесения официальным органом окончательного решения по делу. Так, например, общественные работы, лечение от алкоголизма, наркомании, ограничение досуга могут быть назначены только официальным органом и осуществляться уже после принятия им решения. Кроме того, при вынесении окончательного решения по делу должно учитываться не только поведение обвиняемого, но и мнение потерпевшего.

Как полагает Л. Л. Зайцева, применительно к Республике Беларусь главной задачей сегодня является возврат потерпевшему статуса полноправного участника спора, чье мнение не может игнорироваться и должно влиять на процессуальное развитие дела. Аналогичные идеи высказываются сегодня и на страницах белорусской и российской юридической печати [17]. При этом в части 1 ст. 62 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) указывается, что при назначении наказания суд учитывает мнение потерпевшего только по делам частного обвинения. В связи с этим представляется необходимым из содержания части 1 ст. 62 УК исключить слова «по делам частного обвинения» и изложить ее содержание в следующей редакции: «При назначении наказания суд исходит из принципа индивидуализации наказания, то есть учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, мотивы и цели содеянного, личность виновного, характер нанесенного вреда и размер причиненного ущерба, дохода, полученного преступным путем, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, мнение потерпевшего, мотивируя избранную меру наказания в приговоре.»

Важнейшей вехой в становлении восстановительного правосудия и обеспечении интересов и нужд конкретного лица, пострадавшего от преступления, явилась Декларация основных принципов отправления правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью от 29 ноября 1985 года (резолюция 40/34), в которой оговаривается необходимость самого пристального подхода к жертвам преступлений.

Международно-правовые принципы применения восстановительных программ призваны служить общим руководством, позволяющим внедрять примирительные процедуры, т. е. закреплять основные правила проведения такого процесса. Они также призваны согласовывать их использование с традиционными требованиями к отпращиванию правосудия и общеуголовными подходами в борьбе с преступностью [6, с. 319].

Заключение. Современное восстановительное правосудие по уголовным делам применяется как альтернатива уголовному процессу вместо процессуальной процедуры и представляет собой неотъемлемую часть уголовного судопроизводства.

Впервые идея восстановительного правосудия зародилась в Канаде в 70-е годы XX века как концептуально новый подход к назначению уголовного судопроизводства, который со временем обрел большое число сторонников в разных странах, например в США, Франции, ФРГ, Великобритании, Австралии, Польше, Чехии и др. Восстановительное правосудие по уголовным делам появилось как попытка решить возникающие при обосновании необходимости уголовного наказания проблемы и предложить альтернативный метод борьбы с преступностью.

Международные нормы являются базисными для практики конкретной страны, но в то же время национальная стратегия должна регулировать применение восстановительного правосудия более детально. Несмотря на высокую степень распространенности и разработанности программ восстановительного правосудия в европейских странах перенос данных программ в отечественную практику представляет сложную проблему. В первую очередь это связано с отсутствием законодательной базы, поддерживающей ту или иную модель восстановительной программы. Вторым моментом, осложняющим использование восстановительных процедур в отечественной практике, является невозможность полного переноса теории и практики восстановительного правосудия европейских стран в отечественную практику. Эта невозможность во многом обуславливается тем, что восстановительное правосудие предполагает включение общества как самостоятельного субъекта, заинтересованного в реализации

программ примирения. Ментальные особенности нашего общества в оценке системы наказания в большей степени связаны с продвижением карательной парадигмы. В сознании большинства граждан преступление воспринимается как повод для мести, а наказание есть кара за совершенное. Сама возможность вступать во взаимодействие с преступником вне системы правосудия и судебного преследования оценивается крайне негативно. Это во многом связано с отсутствием другого опыта и знания в данной области.

Вместе с тем мы солидарны с позицией С. В. Медведевой, отмечающей, что внедрение и развитие восстановительного правосудия не только как способа разрешения гражданско-правовых (в широком смысле этого понятия) споров, но и как инструментария редуцирования карательной политики государства, перенаправления этой политики в русло социализации правонарушителя, его возвращения в общество при обязательном участии и учете в первую очередь интересов потерпевшей стороны (жертвы преступления) позволит сделать еще один маленький шаг в направлении построения действительно гражданского общества [2].

Список цитируемых источников

1. Пахолкин, Н. С. Понятие восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве / Н. С. Пахолкин, И. В. Смолькова // Изв. ИГЭА. — 2012. — № 3 (83). — С. 131—135.
2. Медведева, С. В. Восстановительное правосудие — краткий экскурс [Электронный ресурс] / С. В. Медведева, О. М. Дементьев // Science time. — 2014. — № 7. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/vosstanovitelnoe-pravosudie-kratkiy-ekskurs#ixzz3Keh7MQMx>. — Дата доступа: 13.04.2019.
3. Umbreit, M. S. Family Group Conferencing : Implications for Crime Victims / M. S. Umbreit ; Center for Restorative Justice @ Peacemaking, University of Minnesota. — St. Paul, 2000. — 18 p.
4. Walgrave, L. Restorative Justice and the Law / L. Walgrave. — Routledge, 2002. — 248 p.
5. Изучение опыта зарубежных и международных органов и организаций, работающих в области медиации и восстановительного правосудия, а также профессиональных объединений медиаторов с целью разработки предложений по совершенствованию системы медиации в Российской Федерации : отчет о НИР / М-во образования и науки Рос. Федерации ; федер. гос. бюджет. учреждение «Федеральный институт медиации» ; рук. Ц. А. Шамликашвили ; исполн.: К. В. Геворкова [и др.]. — М., 2016. — 69 с. — № реестровой записи 110401000000000000007100.
6. Петрова, О. В. Внедрение программ восстановительного правосудия: международно-правовые принципы и применение опыта зарубежных стран / О. В. Петрова // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. Вып. 2 : сб. науч. тр. / редкол.: В. М. Хомич [и др.] ; Науч.-практ. центр проблемы укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. — Минск : БГУФК, 2009. — С. 318—325.
7. Handbook on Restorative Justice Programmes: Criminal justice handbook series — New York : United Nations publ., 2006. — 107 p.
8. Карнозова, Л. М. Использование программ восстановительной ювенальной юстиции в уголовном судопроизводстве : метод. пособие / Л. М. Карнозова. — М. : Ин-т права и публичной политики, 2009. — 79 с.
9. Нестор, Н. В. Понятие, принципы и формы восстановительного правосудия / Н. В. Нестор // Вестн. Перм. ун-та. Сер. «Юридические науки». — 2012. — Вып. 4 (18). — С. 28—32.
10. Максудов, Р. Восстановительное правосудие [Электронный ресурс] / Р. Максудов // Альманах Неволя. Приложение к журналу Индекс/Досье на цензуру. — 2005. — № 4. — Режим доступа: http://index.org.ru/nevol/2005-4/maxud_n4.htm. — Дата доступа: 04.08.2019.
11. Карнозова, Л. М. Медиация по уголовным делам в российской правовой системе / Л. М. Карнозова // Восстановительная медиация в России: правовое обеспечение и стратегия развития : сб. материалов. — М. : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2013. — С. 31—70.
12. Мусаев, М. А. Восстановительное правосудие и проблемы медиации / М. А. Мусаев // Современ. право. — 2011. — № 9. — С. 52—55.
13. Организация и проведение программ восстановительного правосудия : метод. пособие / под ред. Л. М. Карнозовой и Р. Р. Максудова. — М. : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2006. — 244 с.
14. Карнозова, Л. М. Включение программ восстановительной ювенальной юстиции в работу суда : метод. пособие / Л. М. Карнозова. — М. : Информполиграф, 2009. — 108 с.
15. Сесар, К. Карательное отношение общества: реальность и миф / К. Сесар // Изв. вузов. Правоведение. — 1998. — № 4. — С. 162—171.

16. Карнозова, Л. М. К модели восстановительной ювенальной юстиции [Электронный ресурс] / Л. М. Карнозова // Альманах Неволя. Приложение к журналу Индекс/Досье на цензуру. — 2005. — № 4. — Режим доступа: http://www.index.org.ru/nevol/2005-4/karn_n4.htm . — Дата доступа: 04.08.2019.

17. Зайцева, Л. Л. Восстановительное правосудие — альтернатива уголовному преследованию [Электронный ресурс] / Л. Л. Зайцева // Судебная практика в контексте принципов законности и права : сб. науч. тр. / редкол.: В. М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. — Минск : Тесей, 2006. — Режим доступа: <http://www.lawinstitute.bsu.by/upload/image/Biblio/zaitceva/15.pdf> . — Дата доступа: 12.01.2019.

Поступила в редакцию 19.08.2019

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, цифровых данных, личных имён и другой информации несут авторы опубликованных материалов.

ПАМЯТКА ДЛЯ АВТОРОВ

Научная концепция журнала предполагает публикацию современных достижений в области исторических наук и археологии, экономических и юридических наук; представление результатов фундаментальных и прикладных исследований, а также результатов, полученных в производственных условиях областей, включая результаты национальных и международных исследований. Статьи аспирантов и докторантов последнего года обучения публикуются вне очереди при условии их полного соответствия требованиям, предъявляемым к научным изданиям Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований.

Публикация статей в журнале бесплатная на основании заключённого договора о передаче исключительных прав на объект авторского права.

Подробные правила для авторов представлены на официальном сайте БарГУ (<http://www.barsu.by/publishing/vestnik.php>).

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

The scientific strategy of the journal suggests publishing modern achievements in the field of history of science and archaeology, economic science and law; presentation of the results of fundamental and applied research, as well as the results obtained under production conditions, both at the domestic and international level. Articles by postgraduate and doctoral students in their final year of traineeship are published out of turn if they are written in strict conformity with the specified requirements of the scientific publications of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation research.

Publication of articles is free of charge in accordance with the existing contract on transfer of authority to the subject matter of copyright.

More detailed instructions for authors can be found on the official website of BarSU: <http://www.barsu.by/publishing/vestnik.php>.